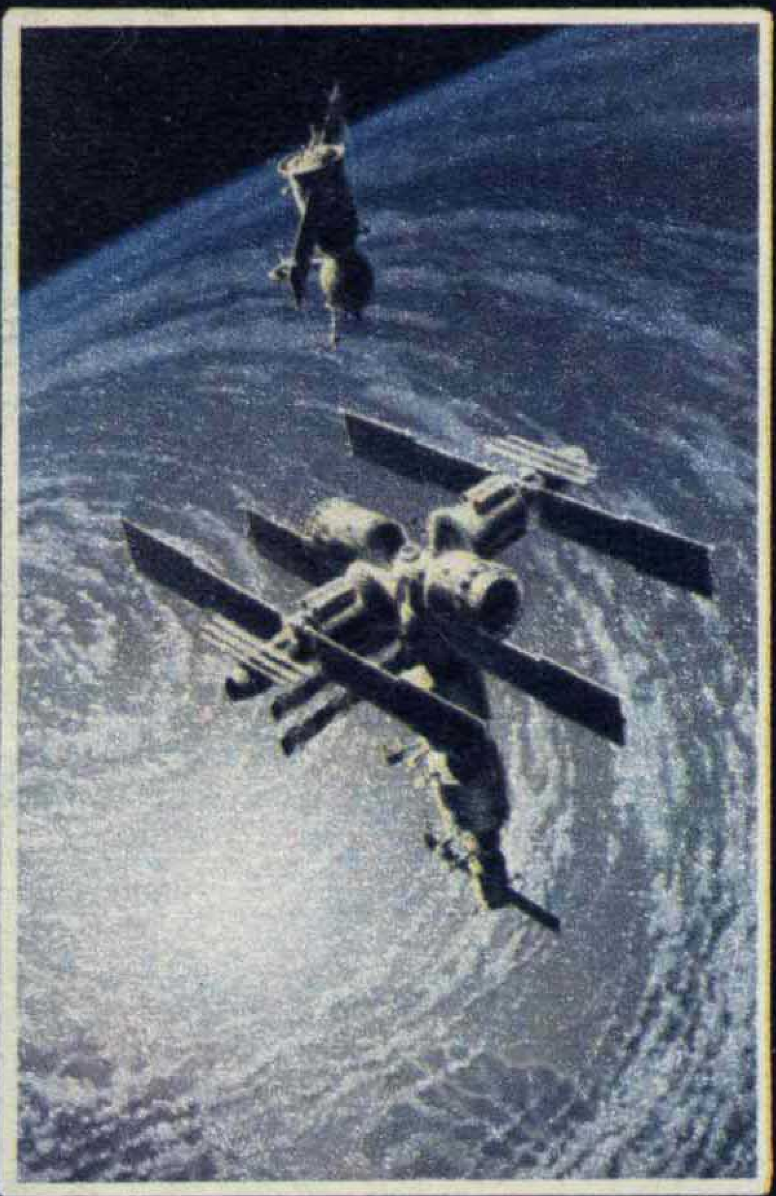
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

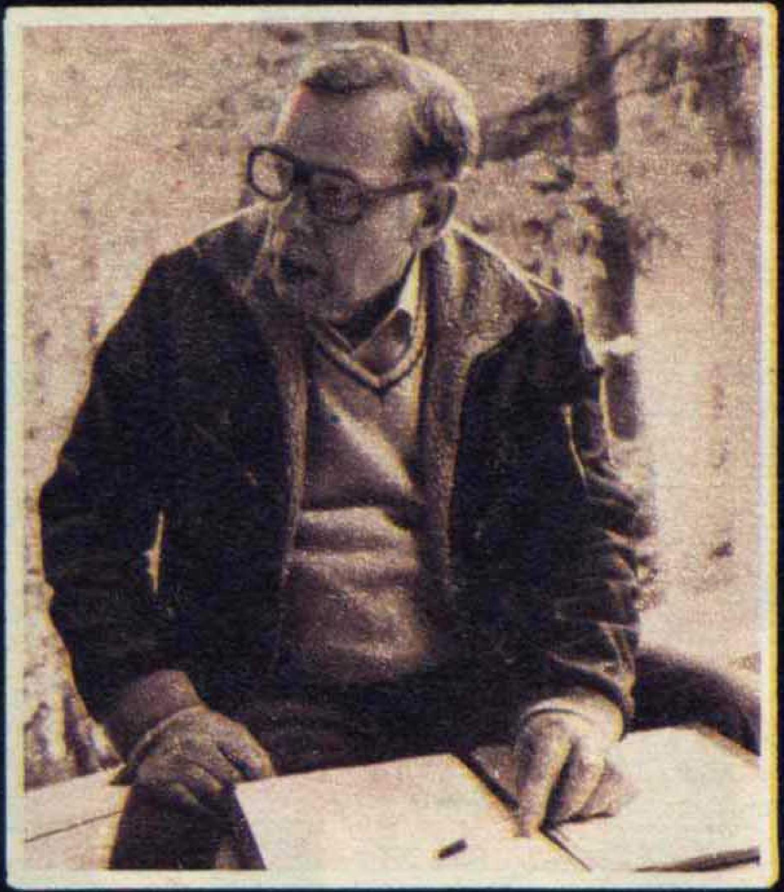
№ 15 АПРЕЛЬ 1988



КОСМИЧЕСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

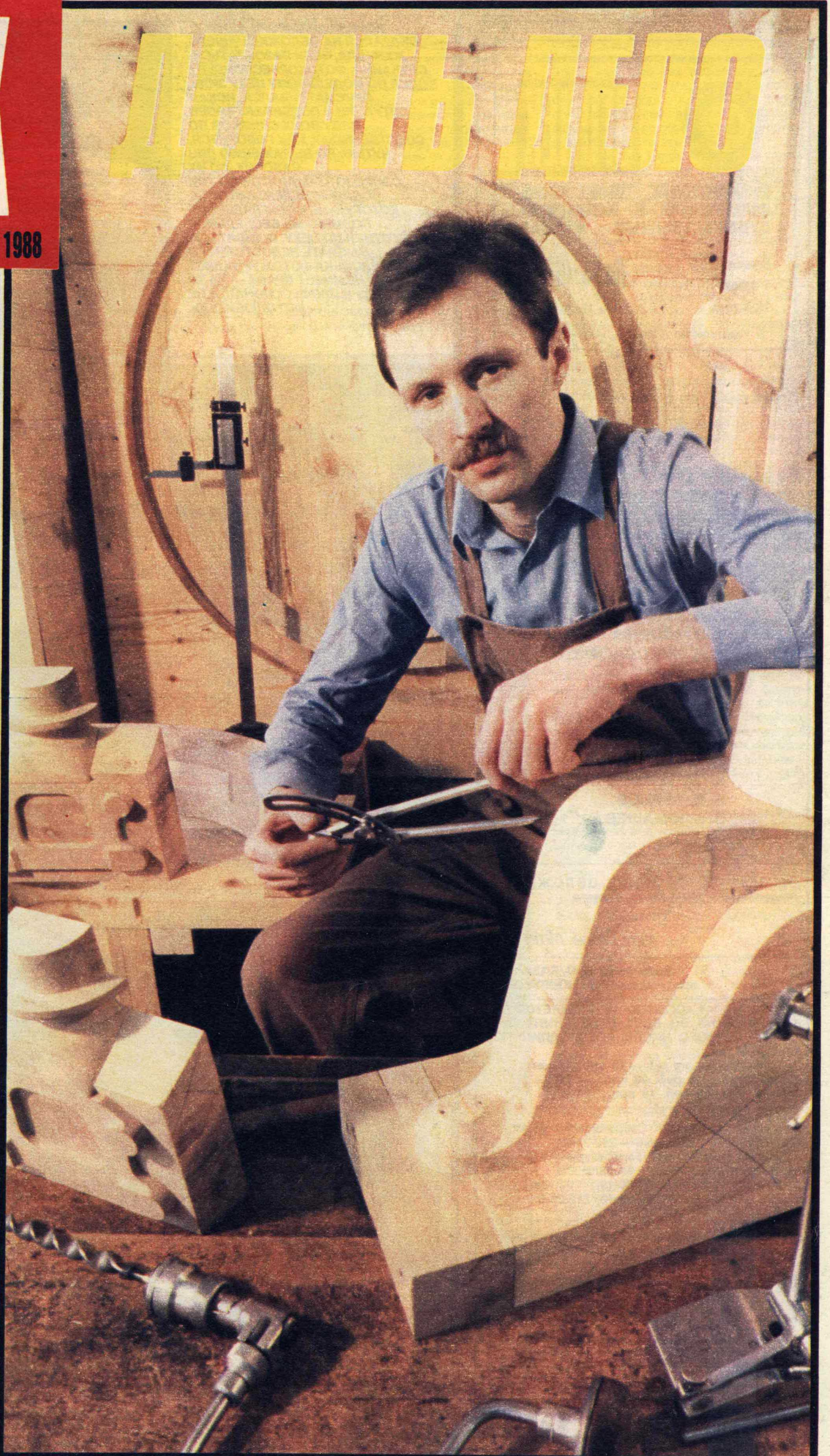
ДИАЛОГ РАССЕРЖЕННЫХ МУЖЧИН

ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА



НЕИЗВЕСТНЫЙ ЖЖЕНОВ

ДЕЛАТЬ ДЕЛО



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (3168)

9 — 16 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Модельщик с ЗИЛа Игорь Алямов.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

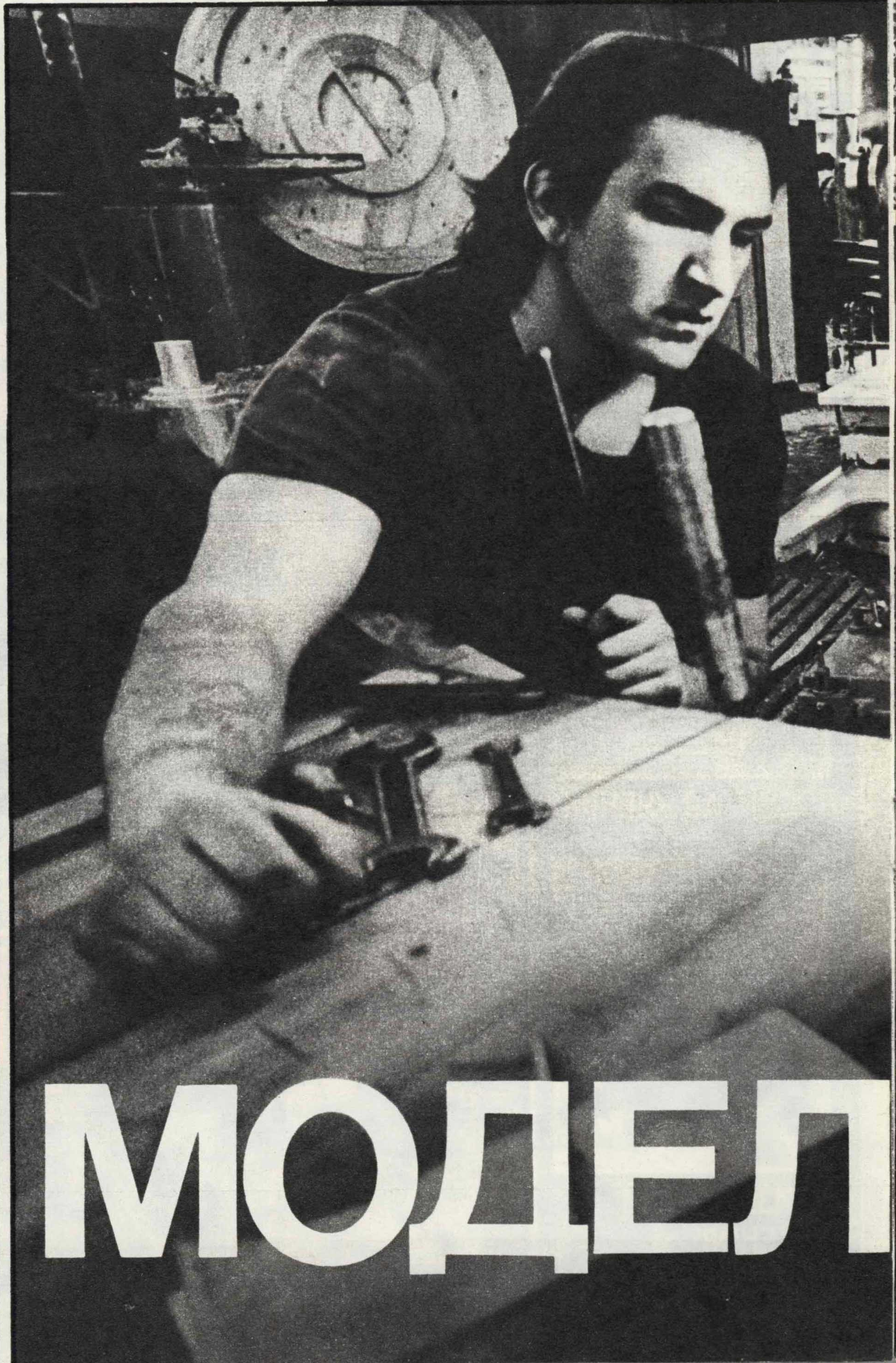
Сдано в набор 21.03.88. Подписано к печати 05.04.88. А 00323. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 2117.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МОДЕЛЬЩИК ИГОРЬ АЛЯМОВ ОКАЗАЛСЯ НА ОБЛОЖКЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА, ЕСЛИ РАЗОБРАТЬСЯ, СЛУЧАЙНО. ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ ХОДИЛ ПО МОДЕЛЬНОМУ ЦЕХУ ЗИЛа, ПРИСМАТРИВАЛСЯ, ИСКАЛ СИТУАЦИИ И ПОДБИРАЛ ГЕРОЕВ ДЛЯ СВОИХ СНИМКОВ ПО СОБСТВЕННОМУ, КАК ГОВОРИТСЯ, ЧУТЬЮ: ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦ РАБОЧИХ, ПО ИХ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ, ПО ТОЙ ПОДЛИННОЙ ДЕЛОВИТОСТИ, КОТОРУЮ НЕ РАЗЫГРАЕШЬ, НЕ ПОДМЕНИШЬ БЕСЦЕЛЬНОЙ БЕГОТНЕЙ ПО ЦЕХУ. ОШИБИТЬСЯ, ВЫБРАТЬ НЕДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА ФОТОЖУРНАЛИСТ ПРОСТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА — НА ТО ОН И ПРОФЕССИОНАЛ, А НЕ ФОТОЛЮБИТЕЛЬ.

Главный конвейер ЗИЛа.



МОДЕЛ

Борис СМИРНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Потом, когда с готовыми фотоснимками я пришел в цех, вокруг стола с разложенными на нем отпечатками сразу образовалась маленькая толкучка: каждый разглядывал снимки, надо думать, не без ожидания найти на них и себя. И к тому сообщению, что снимок с Алямовым будет на обложке журнала, отнеслись очень спокойно — я бы сказал, как к должному.

— Вот так и не замечаешь, как люди рядом с тобой вырастают,— заметил парторг цеха Борис Васильевич Анисимов.— Сколько же лет Алямов у нас работает? Двенадцать? По меркам нашего цеха, не так уж много. А ведь действительно сумел уже себя показать, выработал свой почерк в работе. Может, еще не самые сложные заказы выполняет, но считается у нас одним из лучших — это точно. А среди модельщиков, знаете ли, заслужить похвалу нелегко...

Здесь надо сказать, что это за цех автозавода — модельный. Прежде чем сделать какую-либо деталь для будущего автомобиля из металла или пластмассы, ее надо изготовить из дерева. Потому что отлить, отформовать деталь можно только по предварительно созданной форме. Необязательно вдаваться в тонкости технологии производства, чтобы понять: где-то, почти у самого начала технологической цепочки, должен стоять человек, который воплотит линии и цифры, изображенные на чертеже, в конкретные, осязаемые предметы. Не многотонными прессами, поковочными или штамповальными машинами, а тонкими, мягкими усилиями человеческих пальцев. Где-то на других заводах делают модели из пластиков, из других материалов, а на ЗИЛе — из дерева. А дерево — тот материал, который, как говорят знающие люди, надо понять, почувствовать душой, иначе ничего у тебя не выйдет. Вот для чего заводу нужны модельщики.

Да, этот цех — особый. Здесь пахнет сосной и свежими опилками и есть что-то от атмосферы творческих мастерских художников.

— Когда смотришь на чертеж, уже представляешь всю деталь в объеме, как бы мысленно ощупываешь ее. Потом начинаешь думать, как построить заготовку; модель почти всегда делается не из единого деревянного обрезка, а из нескольких склеенных брусков. Здесь надо все так продумать, чтобы заготовка получилась как можно более близкой по форме к оригиналу, тогда, естественно, сам для себя сокращаешь время на ее обработку. Ну, а потом остается убрать все лишнее...

Это говорит Игорь Алямов, мы стоим у его рабочего стола, или верстака — я уж не знаю, как назвать эту необходимую принадлежность модельщика. Внутри, в ящиках, разложен инструмент, рядом — штабеля досок и брусков, поодаль — помещение со станками для обработки дерева, но все же главное на рабочем месте — чертеж. Он висит у модельщика перед глазами, и в глазах, которыми модельщик смотрит на чертеж, то задумчивость, то напряженность расчета, то радостные искры догадки.

— Интересная у нас работа, творческая,— соглашается Игорь Алямов.— Я сюда попал в первый раз еще школьником, в семьдесят четвертом году, мы здесь практику проходили. Не в этом цехе, а в другом, но я после школы сразу сюда пришел. Почему? Сам не знаю — вокруг металл, а потянуло к дереву. Зарплата? Да, платят у нас хорошо, но еще лучше платят модельщикам металлоотделения, они этажом ниже нас размещаются — нет, меня почему-то привлекло именно изготовление моделей из дерева. У нас всегда так: если новичок в первые два-три года не ушел — значит, остался уже навсегда. Есть модельщики уже с пятидесятилетним стажем, с самых основ ЗИЛа начинали.

— Вот у кого учиться!— поддакнул я, но Алямов, согласившись, все же уточнил:

— Опыт, стаж — это, конечно, многое значит, но для модельщика еще не все. Вот сделал мастер модель, с которой будут потом сниматься десятки штампов,— знаете, какая точность нужна? До двух десятых миллиметра! На дереве добиться такой чистоты очень трудно — даже на буке, очень твердой породе. Тут надо быть таким мастером...

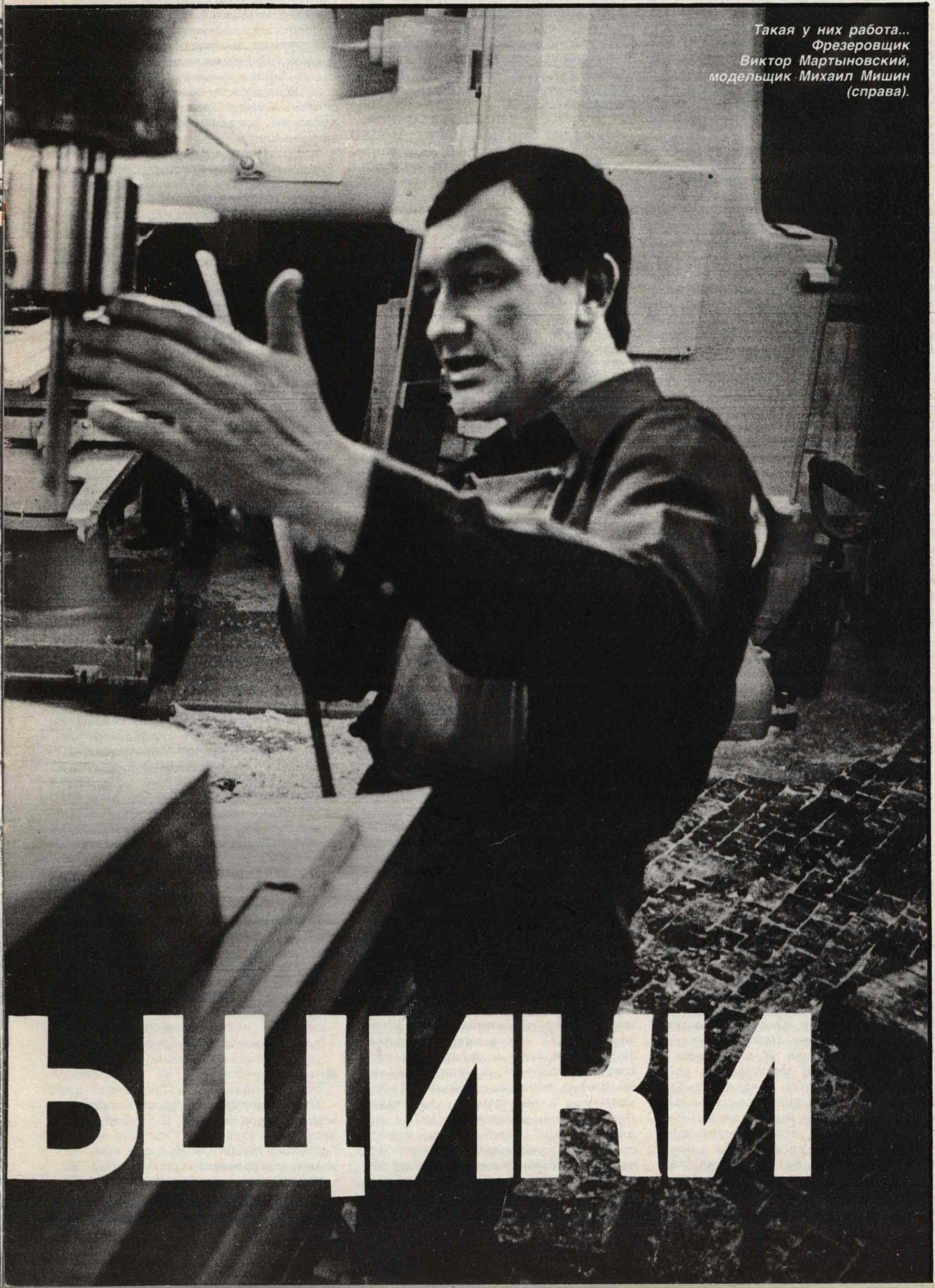
— Вам доверяют такое?

— Пока нет,— спокойно сказал Алямов, и, как мне показалось, слегка выделил слово «пока».— У нас трудится вроде каждый сам по себе, у всех свои задания, но разобщенности нет. Раньше прямо здесь из деревянных деталей автомобили складывали — можно было свою работу рядом с другими рассмотреть.

— Полюбоваться?

— Не всегда. Не всегда нам нравится то, что делаем. Но конструкторы с нами не советуются, это, конечно, не наши задачи — определять конструкций. Чисто по-человечески многим, например, внешне не очень нравится новый грузовик модели 4331— может, непривычные пока очертания...

— Да, наши модельщики — народ самостоятельный, обо всем имеют свои суждения,— согласился парторг цеха Анисимов.— Кстати, почти все цеховое руководство, за редким исключением,— бывшие модельщики. Я тоже отдал двадцать лет этой профессии — иначе как бы я, парторг, мог говорить с модельщиками, если бы не знал их проблемы досконально? Вообще в нашем цехе проблем, наверно, меньше, чем в других заводских подразделениях — небольшая текучесть, высокая профессиональность, с дисциплиной нормально. Наверное, специфика многое определяет. Уровень производственной культуры — очень важный показатель... Вот вы говорили с Алямовым — хороший модельщик, но вровень с ним можно поставить многих. А знаете — дело прошлое,— он пришел к нам в цех таким несобранным... Сейчас хоть на орден представляй, честное слово! ●



Такая у них работа... Фрезеровщик Виктор Мартыновский, модельщик Михаил Мишин (справа).

ЬЩИКИ

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ
ПОЧТА «ОГОНЬКА»

КОМУ МЕШАЛ СТРАСТНОЙ МОНАСТЫРЬ? ●
НЕСУНЫ: ПРОБЛЕМА ОСТАЕТСЯ ●
«МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ» МОДНОГО ПЛАТЬЯ ●
ЗАПРЕТ НА КСЕРОКС. НУЖЕН ЛИ ОН СЕГОДНЯ? ●

■

В нашем поселке всего восемь месяцев работает клуб «Гражданская позиция», членом комитета которого я являюсь. Цели клуба ясны — всемерная помощь перестройке. Вначале у нас не было поддержки райкома партии и некоторой части населения, не верящего в возможность повернуть страну на путь подлинного социализма. Одно из наших дел связано с непорядком в детских садах. Очереди в роно, исполкоме доходили до пятисот человек. Все детские сады, по данным роно, были забиты до отказа. Клуб организовал проверку вместе с общественностью, в основном женщинами и депутатами поселкового Совета. Очередь растворилась, ее не стало. Итог? В 16-тысячном поселке все дети устроены в детские сады. Родители смогли выйти на работу. Надо учитывать, что это случилось на Крайнем Севере, где очень тяжелое положение с жильем. И детям помогли, и к нам в клуб народ потянулся.

А. В. ЗИНОВЬЕВ,
водитель геологоразведочной экспедиции
Билибино Магаданской области

■

По местному радио шел репортаж о рейде автоинспекции. Автоинспектор говорит: «Задержанный доставлен в Ленинский медицинский вытрезвитель». Надо же?! Не могу передать всю несуразицу этой фразы. «Работница», называя бракоделов, приводит полное наименование Златоустовского машзавода имени В. И. Ленина. Вот ведь куда это имя попало, на доску бракоделов! С одной стороны, подчеркиваем величие этого человека, с другой — бесконечно упоминаем его имя походя, всуе. Этому способствовало присвоение имени Ленина множеству улиц, колхозов, организаций и т. д. Порыв этот понятен. Но разве не налицо перекос? К примеру, все организации Ленинского района автоматически превращаются в «ленинские»: ленинский торг, ленинский трест и зачастую доходит до абсурда, который я привел в начале письма. Ваша редакция показала, насколько бережно надо относиться к имени вождя, перенеся с обложки орден Ленина. Пора и другим организациям обращаться с дорогим именем так, как достоин человек, его носящий.

Б. И. ФОМИН,
ветеран партии, войны и труда
Пенза

■

Все ли безупречно и не требует перемен в такой животрепещущей области нашей жизни, как правосудие?

Возьмем хотя бы прием граждан и разрешение их жалоб и заявлений в центральных правоохранительных учреждениях. Всем ясно, что едут в Москву в основном те, кто отчаялся добиться справедливости на местах. Как же подобных паломников встречают? Еще каких-нибудь шесть — восемь лет назад на первом этаже здания Верховного суда РСФСР был просторный зал для ожидающих. Тут же находились гардероб, туалет, буфет, даже парикмахерская. А теперь? Кого-то, видать, из высокопоставленных начальников раздражало постоянное соседство большого числа людей. И в один прекрасный день зал отгородили глухой стеной, оставив небольшую комнату — «предбанник», где целыми днями теснятся люди. Приемная по жалобам открывается только с началом работы Верховного суда, и люди, приехавшие за тридевять земель, в стужу и дождь вынуждены часами стоять у парадного крыльца.

Попасть на прием, скажем, к заместителям председателя Верховного суда, не говоря уж о самом председателе,— целое событие. Каждый из них принимает раз в неделю и не более 15 человек. Оказался шестнадцатым — жди следующей недели. Ожидают месяцами, существует нелегальная «живая» очередь, отмечаться в которой надо ежедневно. Поневоле будешь мокнуть на улице, чтобы попасть в желанное число «15».

Но вот посетитель наконец-таки попал в приемную. Заведующий подает команду: «Кто из Сибири и Дальнего Востока — в эту сторону, остальные — в ту!» Начинается прием документов на доклад. Упаси бог, если на руках не окажется хоть одной из предусмотренной инструкцией бумажек — здесь на слово не верят! Многие не знают этих порядков, рассчитывают, что Верховный суд сам в состоянии запросить любую справку.

Мы, адвокаты, представители чужих судеб,— народ привычный и дисциплинированный. Получив отказ, не вступая в бессмысленную полемику, покидаем неприветливые кабинеты. А те, кого непосредственно касается несправедливый приговор или решение?

И все же некоторые новшества Верховный суд республики ввел. Чтобы, видимо, избавиться от излишне докучливого посетителя, ему выдают на руки и посылают в соответствующий краевой или областной суд письмо: «Предлагаем еще раз рассмотреть правильность разрешения дела». Понятно, что суды поспешат заверить в правильности принятого ранее решения.

Словом, прием населения организован по принципу: не добился справедливости на месте — в Москве делать нечего! Все это от старого, мешающего, но тем не менее живучего и устоявшегося. Думается, что обсуждение подобных вопросов в печати пробьет наконец-таки стену равнодушного выжидания и застойных догм.

Игорь Николаевич ПАНЧИШИН,
адвокат Псковской городской юридической консультации

■

Летаю двадцать лет. Работу свою люблю, горжусь принадлежностью к Аэрофлоту. Как и Тамара Жаркая, начинала летать в Иркутске. В 1968 году пришла в аэропорт, а потом перевелась во Внуково. Перед отъездом похоронила свою подругу Олю, тоже стюардессу. Она погибла под Читой. Вспомните Надю Курченко. Это была трагедия. И вот опять.

Сколько можно учиться на собственных ошибках! Тамара погибла из-за разгильдяйства, халатности, нерешительности многих людей. Конечно, скажете, легко рассуждать потом, задним числом. Но уроки пора извлекать, не рисковать жизнью людей. Существует Международная организация гражданской авиации (ИКАО), членом которой является Великобритания, бандиты были бы выданы нам или наказаны по законам этой страны. Сберегли бы жизнь людей и самолет. Пусть летят, едут, бегут, ползут прочь те, кто мечтает покинуть нашу страну, это же не наши люди. Я не трусиха, да и от судьбы не уйдешь. Но у меня двое маленьких детей, 350 пассажиров на борту, 16 человек экипажа... Представить страшно, что будет, если новые террористы извлекут уроки скорее, чем те, кому это положено по долгу службы. Слишком дорогая цена заплачена. Вот почему от следствия я жду честного ответа на вопрос: можно ли было в этой опаснейшей ситуации поступить иначе?

Л. МАЛЬКОВСКАЯ,
бригадир бортпроводников Ил-86 Внуковского производственного объединения

■

С большим интересом прочел в «Огоньке» две публикации Б. Ефимова о трагическом для него и миллионов других наших соотечественников времени. Хорошо представляю, как трудно было ему об этом вспоминать.

Тем огорчительнее было мне на днях прочесть в только что купленной книге Б. Ефимова (Ефимов Б. Е. Ровесник века. Воспоминания. М., 1987) о таком эпизоде: вспоминая о 20-х годах, Б. Ефимов пишет, что сотрудников газеты «Известия», где он тогда работал, крайне раздражал стоявший рядом Страстной монастырь и его «захламленный двор». А редактор «Известий» И. И. Скворцов-Степанов, не желая «видеть эдакое средневековье», говорил: «И где? Добро бы где-нибудь на захолустной окраине. Так нет же — в центре Москвы! И при этом архитектурной ценности — ни малейшей! Кому это нужно?» Вскоре «Известия» подняли вопрос о сносе монастыря. А затем и сам Б. Ефимов не без удовлетворения пишет: «Не сразу, правда, но наступил конец Страстному монастырю... зашумел великолепный зеленый сквер с освежающими воздух фонтанами, возник первоклассный кинотеатр «Россия»...

Прочел я это место с чувством обиды и некоторого изумления. Ведь Б. Ефимов — художник! Как же можно говорить (пусть и цитируя Скворцова-Степанова, но ведь цитируя одобрительно!), что в Страстном монастыре «архитектурной ценности — ни малейшей»? И тут же называть безликий кинотеатр «Россия» первоклассным? В сравнении с чем? Приведу историческую справку: «Страстной монастырь был основан в 1654 году, но еще за 10 лет до этого на будущей территории монастыря появился собор Страстной Богоматери. До революции многие искусствоведы, в том числе и академик И. Грабарь, признавали этот собор памятником архитектуры. В XIX в. в монастыре появились колокольня и трапезная церковь. Монастырь доминировал над площадью, украшал ее. Когда в 1880 г. напротив поставили памятник Пушкину (как известно, в 1950 г. памятник был перенесен и теперь стоит непосредственно на месте монастырской колокольни), не последнюю роль в выборе места сыграло то, что Пушкин очень любил гулять по Тверскому бульвару, часто заходил в монастырь.

Говоря, в частности, о Страстном монастыре, снесенном в тридцатые годы, не могу не сказать, что политика Сталина и его окружения была глубоко продумана и носила не случайный, не эмоциональный (как некоторым кажется), а планомерный и комплексный характер. Уничтожив в нас чувство единения, родства с историей нашего Отечества, с ее памятниками, в нас затем уничтожили и чувство личного родства, заставляя отрекаться от родных и друзей, поливать их грязью. Б. Ефимов не отрекся от своего брата, честь и хвала ему за это. И тем более жаль, что о Страстном монастыре известный наш художник написал теми же словами, какими говорили о нем полвека назад.

Сергей Николаевич БУРИН,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории
АН СССР

■

Приехал я из деревни в Архангельск к жене: она только что выписалась из роддома и жила у сестры. Погода стояла мерзкая, мокрый снег. Подумал я, что самолеты не летают, и поехал сдавать обратный билет. До улицы Энгельса доехал на трамвае. Сошел, мы, деревенские, любим пешком ходить. Дохожу до площади Дружбы народов и вижу: летит милицейская машина с мигалками, и голос через рупор кричит, что дорога по улице Энгельса закрыта. Да с таким усердием, что, наверное, на том свете предки мои слышали. Иду дальше. На каждом перекрестке по милиционеру, рассовывают машины и людей. Почти дошел до предварительной кассы и вижу: мчит кортеж автомашин. Оказывается, руководитель из Москвы приехал. Стало быть, и я билет взял аккурат на то число, когда приехал гость. В кассе сказали, что самолеты все-таки на Мезень идут. Значит, надо ловить такси, чтобы успеть на самолет. И тут мой путь совпал с путем следования гостей. И что же вижу? Вся дорога свободна, машины в тупиках, а милиционер у перекрестка даже хватается за кобуру, если шофер замешкается. Машины с гостями повернули в М.-Карелы, где у нас музей старины. Слава богу, думаю, на самолет успеем. Успели, правда, но наш путь длился около трех часов. Я хоть и переволновался, но разговор веду не о своем понапрасну затраченном времени. А о сотнях машин и их шоферах, которые оказались на пути следования. Какой же ущерб нанесен и кто его будет восполнять, особенно предприятиям, перешедшим на хозрасчет? Поездки же, как видим из газет, бывают часто. Неужели везде так? Пора, считаю, и нашему руководящему аппарату перестраиваться тоже.

И. С. БОРИСОВ
д. Азаполье Архангельской области

■

Я категорически против предложения журналиста И. В. Софрония закрыть музей И. В. Сталина в Гори («Огонек» № 3). Он думает тем самым частично закрыть одну из страниц отечественной истории. Но

пора понять, что закрытием, запретительством такие вопросы не решаются, хотя в практике ответственных партийных и советских работников они до недавнего времени превалировали.

Так пусть же музей в Гори, переименованный, скажем, в Государственный музей культа личности, станет тем обличающим памятником тяжелому прошлому, которое не вытравить никакими ухищрениями бюрократии. Но для этого, естественно, нужно пополнить его экспозиции: добавить новые материалы и документы, которые уже становятся доступными широкой общественности. Тогда перед каждым посетителем предстанет истинное лицо «вождя», которое длительное время так тщательно загримировывали сторонники его сильной личности.

Экспозиции с положительными и обличающими материалами будут говорить сами за себя. Посетители смогут сделать выводы и по достоинству оценить эту историческую личность. Закрыть музей И. В. Сталина — значит идти, как и раньше, по накатанному пути. А вот рассеять миф и разрушить ореол его славы, запятнанный невинной человеческой кровью, мы обязаны, но только на основе неопровержимых фактов. И пусть 17-метровый монумент служит этому. А рядом — оценка М. С. Горбачева: «Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна».

Владимир ОСТРОВСКИЙ,
заведующий кабинетом политического просвещения
Славянск-на-Кубани Краснодарского края

■

Я сын депутата Верховного Совета Молдавии. Чтобы предвосхитить возмущенные возгласы оппонентов, которые могут усмотреть во мне «сыночка высокопоставленного лица» (а мой отец занимает ответственный руководящий пост в Молдавской ССР), скажу, что после окончания сельскохозяйственного вуза я уже пятый год живу и работаю в селе.

Мой отец отдавал и отдает работе почти все свое время. Его рабочий день длится по 14—16 часов в сутки, практически без выходных, не считается ни со здоровьем, ни с личным временем. И так уже более двадцати лет. Был он и председателем колхоза, и секретарем райкома партии. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Работа отца требует колоссальных нервных затрат, здоровье подорвано. Так неужели он не имеет права во время командировок провести несколько часов не в общих залах вокзала, а в комнате для депутатов? А именно против этого выступает в № 7 «Огонька» А. Бурашников, предлагая отдать депутатские комнаты многодетным матерям и инвалидам. Не надо забывать, что главенствующий принцип нашего социалистического общества «от каждого — по способности, каждому — по труду». Если один человек вкладывает в развитие нашего государства больше, чем другой, то соответственно больше за это и поощряется. Неужели критерием заслуг должно стать количество детей или увечье? Письмо А. Бурашникова считаю критиканским, не соответствующим духу перестройки, которая как раз и требует дифференцированно подходить к вкладу каждого в развитие страны.

И. Л. АТАНОВСКИЙ,
главный агроном колхоза имени Ленина
с. Шипка Молдавской ССР

■

Несунами расхищаются миллионы, а может быть, и миллиарды народных рублей. Какими же мерами мы боремся? В основном увещеваниями: «Кот Васька — плут, Кот Васька — вор...» А наш Васька «слушает, да ест».

Что, на мой взгляд, особенно страшно: стыд пропал, утащить — обычное дело, все, мол, тащат. Расшатываются моральные устои нашего общества, а это чревато далеко идущими последствиями. У меня конкретное предложение, которое сократит активность несунов: предоставить администрации право в законодательном порядке уволить несуна как вора и обязательно (подчеркиваю, обязательно!) сделать запись в трудовой книжке: «Уволен за хищение государственной собственности по статье такой-то КЗоТ». Одно опубликование в прессе соответствующего постановления заставит задуматься многих. Может быть, Совет Министров и ВЦСПС обратят внимание на мое предложение?

Г. М. ИЛЬИН
Новосибирск

■

Как известно, поэт Осип Мандельштам три года провел в Воронеже: он был выслан сюда в 1934 году за антисталинские стихотворения. Пишут об этом сейчас открыто, но только в центральных изданиях. В Воронеже по-прежнему на имени О. Мандельштама лежит печать умолчания. В частности, из вышедшей в местном издательстве два года назад книги о литературных достопримечательностях Воронежа глава о поэте была выброшена целиком. 1987 год, к счастью, внес некоторые коррективы: в октябре в до отказа забитом зале Дома архитектора прошел литературный вечер, посвященный О. Мандельштаму; разговор о судьбе поэта введен в ткань пьесы М. Шатрова «Диктатура совести» на сцене областного театра; в однодневной литературной газете «На родине Кольцова и Никитина» появилась статья «Возвращение» литературоведа Олега Ласунского о поэте.

Какова же реакция на все эти события областной газеты «Коммуна»? Ни строчки ни о литературном вечере, ни о книге О. Мандельштама «Слово и культура» (М., 1987), где немало воронежского материала. Правда, в апреле 1987 года имя поэта было впервые упомянуто в «Коммуне» в читательских откликах на пьесу «Диктатура совести»: дескать, Мандельштама не знаю, а голосую за то, чтобы была улица его имени. Казалось бы, газете надо честно и открыто рассказать о воронежских годах Мандельштама (тем более что здесь живет Н. Е. Штемпель, дружившая с семьей поэта). Но «Коммуна» этого не сделала. Она спешит предать гласности сердитое письмо читателя В. Попова, где высказывается несогласие с тем, что «поэт О. Мандельштам поставлен в один ряд с Блоком, Есениным и Маяковским», поскольку в его творчестве читатель «не встретил ни одного стихотворения, посвященного Руси, России, Родине, Октябрьской революции, В. И. Ленину, социализму». (Видимо, В. Попов пропустил очерк О. Мандельштама «Прибой у гроба», посвященный В. И. Ленину, в № 3 «Огонька» за 1987 год.)

Должен сказать, что такое раздражение читателя было вызвано статьей «Возвращение» Олега Ласунского, члена комиссии по литературному наследию О. Мандельштама при правлении Союза писателей СССР. Кстати, именно из книги О. Ласунского «Литературная прогулка по Воронежу» и была снята главка о Мандельштаме.

Опубликовав лишь читательское письмо, «Коммуна» тем самым посеяла сомнения в общественной значимости и художественной ценности поэзии Мандельштама. Может быть, газету сдерживает боязнь назвать имена воронежских писателей, усердно травивших О. Мандельштама?

Воронеж в долгу перед трудной судьбой поэта, но настойчивые предложения общественности установить ему мемориальную доску до сих пор не реализованы. Идея же о наименовании именем О. Мандельштама маленькой улочки Швейников, где он когда-то обитал, официально отвергнута Воронежским горисполкомом. Иного ожидать не приходится?

Александр Николаевич АКИНЬШИН,
преподаватель Воронежского государственного университета

■

Удивила меня та неправда, которую говорили наши советские женщины, участвовавшие в телемосте с японскими подругами. Я имею в виду конкретный момент, когда речь заходит о том, где они покупают свои замечательные платья. Да, верно, моды нам такие показывают, а одежду подобную нигде не купишь. Красивое платье все нынче называют «маленьким секретом». Но секрета нет: надо либо в очереди стоять сутками, либо иметь знакомых в торговле, либо переплатить втридорога, либо... У нас, в Оленегорске, это проще, чем в других городах. Иди на базу, перебирай овощи, чтобы платье импортное — восемь тонн! Те, кто не работает, переберут за две недели, а кто работает — и за три месяца не перебрать. Мужской костюм недорогой не купишь, рубашки — для огородного пугала, трусы — «ну, погоди»...

Надоело это притворство с экранов телевизора, в следующей передаче, дорогие мои женщины, отвечайте честно: что на витрине магазинов, то и в нашем гардеробе, то мы и носим.

Л. И. КАТКОВА
Оленегорск Мурманской области

■

Я сам работаю в колонии и считаю, что кандидату юридических наук И. Константинову (№2) следовало бы подумать, как практически усовершенствовать работу с осужденными, сделать ее более человечной, а не разбрасываться фразами о том, что речь, мол, идет об уголовных преступниках. Прежде всего речь о людях, которые свое хождение по мукам начали, как правило, с несовершеннолетнего возраста. Он считает, что смягчать режим содержания «больше некуда», так как наказание у нас отбывают в колониях, на поселении, а на Западе — в тюрьмах. Он, видимо, забыл, что все колонии разделены на зоны, посещать чужие отряды осужденным запрещено и все их передвижение ограничивается жилой секцией своего отряда, рабочим цехом, зоной по типу прогулочного дворика, что соответствует характеристике западной тюрьмы. Вся работа с осужденными сводится к формальному к ним отношению администрации, а возможность подавить малейшее недовольство нередко порождает произвол с ее стороны.

Константинов упомянул о наличии в колонии центрального отопления, водопровода, прачечной, бани, клуба, школы, ПТУ, больницы, кино, телевизора и т. д. Прямо райская жизнь! Далеко не во всякой колонии что-либо из перечисленного есть, кроме, конечно, показательной. Средств нет даже на ремонт старых колоний, магазин для всех предоставлен на ограниченную сумму раз в месяц, продукты по регламенту тоже ограничены. Тот, кто хорошо работает, но платит алименты, по новому положению не имеет права пользоваться магазином. Труд, согласен, не изнурительный, но любой из освободившихся выделяется бледным лицом, сухостью кожи.

Не нужно рисовать радужных картин, обманывать себя, общество должно быть милосердней. Нам всем жить с теми, кто сегодня осужден. Не нужно администрации переворачивать все с ног на голову, сваливая свою вину на осужденных. Они вышли из наших рядов, они продукт нашего общества, и еще неизвестно, кто перед кем в большей степени виноват. Ведь человек не рождается, а становится преступником. И становится он им среди нас.

Н. И. КРАКАН
Молдавская ССР

■

В № 4 «Огонек» писал, что пора решить вопрос о строительстве в Москве нового, первоклассного концертного зала. Госпожа Ирина Архипова и господин Родион Щедрин в качестве примера назвали здание новой филармонии в Кельне. Узнавшие об этом архитекторы-проектировщики сообщили, что они готовы обменяться опытом со своими советскими коллегами при строительстве здания филармонии в Москве. Если ваша сторона заинтересована в таких контактах, то посольство с удовольствием будет содействовать их установлению.

Клаус ШРАМАЙЕР,
советник посольства ФРГ в СССР по вопросам культуры.

■

Нет сомнений, что по механическим пишущим машинкам мы «впереди» всего мира, как по стали и прокату, если учесть, что промышленно развитые страны прекратили их выпуск, перейдя на электрические.

К пишущим машинкам имеет отношение еще одна область нашего «приоритета» — копировальная бумага. На Западе ею почти не пользуются. На машинке, как правило, набивается один экземпляр, а необходимое количество копий снимают на ксероксе. Ксероксы стоят не за обитой железом дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен», а в любом удобном углу.

Несравнимо иная ситуация с множительной техникой у нас. Ее использование опутано тьмой запретов и инструкций. Раньше это все объясняли необходимостью борьбы с идеологическими диверсиями и с размножением порнографии, излагались жуткие истории о том, что начнут вытворять шпионы, дорвавшись до наших ксероксов... Лишь недавно, в конце прошлого года, появилось очередное распоряжение о запрещении размножения несекретных материалов чужих организаций.

Сейчас в развитых странах пишущую машинку начинает вытеснять персональный компьютер. На него вообще можно смотреть как на предельно усовершенствованную пишущую машинку. Здесь отпадает такая рутинная часть работы машинистки, как перепечатки. Текст достаточно набить один раз, а затем только вносить исправления в память компьютера и выдавать на бумагу очередной вариант. Да, но в компьютере есть печатающее устройство — принтер. Что ему судьба готовит? Что наплодит тут творческий гений бюрократа? И что уже наплодил?

А. ТРАХТМАН
Свердловск

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Две недели прошло после памятного рижанам 25 марта — страсти поулеглись, время подумать о прошедшем. Хотя думать, наверно, полагалось бы всегда, не откладывая это занятие на потом...

ПУТЬ К ВЫЗДОРОВЛЕНИЮ НАЧАЛСЯ

Весь день с самого утра шел дождь со снегом. Добираться же нужно было на дальнюю окраину города. Причем сразу же после работы. Да и многие ли смогли узнать о предстоящем? Лишь «Литература ун макслa» — газета творческих союзов Латвии — известила о том своих читателей. И еще промелькнула информация в «молодежке».

Никто никого не агитировал принять, так сказать, участие, никто не призывал.

Словом, многолюдства на Братском кладбище я никак не ожидал. И ошибся! Казалось, весь город направился сюда в этот хмурый весенний день. Скорбная, нескончаемая колонна двигалась по аллеям. И хотя не было никаких распорядителей (лишь несколько дружинников стояло без дела), люди строго соблюдали порядок в рядах, терпеливо ожидая своей очереди, чтобы подойти к подножию памятника Родине Латвии и возложить цветы. Это ведь был ее скорбный день и час...

Сегодня, столько лет спустя, верно, мало кто помнит, каким был день 25 марта 1949 года. Солнечным? Ветреным? Дождливым? Но какой бы ни стояла погода — это был черный день Латвии: день отправления 14 тысяч семей спецпереселенцев. Ехали в эшелонах и дряхлые старики, и грудные младенцы.

Несведущему может показаться странным: зачем цветы? Зачем кладбище? Вроде бы большинство вернулись из ссылки живыми. Были годы в нашей истории и пострашней.

Да, были такие годы. И пережили их вместе, пережили сполна. Из тех 200 тысяч латышей, что жили в Советской России, 74 тысячи (более трети!) оказались во время репрессий 1937—1938 годов в тюрьмах и лагерях. Причем это был цвет революции: Рудзутак, Эйхе, Вациетис, Петерс...

Но и судьба многих спецпереселенцев сложилась трагично. И далеко не всем из них было суждено вернуться на родину. Приведу отрывок из книги В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Другие вроде бы годы, и спецпереселенцы не латыши, а русские, а судьба одна, общая наша судьба. Старик отец рассказывает сыну «о пятидесятидневной зимней дороге в теплушках с дырявой крышей, об умерших, ехавших в эшелонах долгие сутки вместе с живыми... как спецпереселенцы шли пешком и женщины несли детей на руках... Как привели их в зимний лес, где ни землянки, ни шалаша, и как начали они там новую жизнь...»

Так что и цветы, и кладбище вполне соответствуют этой дате.

Да, среди спецпереселенцев были те, кто не признавал колхозного строя. Но сегодня мы знаем, как проводилась коллективизация в Прибалтике и каков был «колхозный строй», возведенный по сталинским чертежам.

Главное же, повторю еще раз: только суд мог отделить плевелы от зерен. А раз суда не было — иначе чем беззаконием высылку не назвать. Кстати, даже бандитов, так называемых «лесных братьев», судили и справедливо наказали. Но как и за что карали неосужденных?

Сегодня это стало уже фактом общественного сознания. А значит, «путь к выздоровлению начался». Такой вывод сделал в газете «Литература ун макслa» поэт и председатель правления СП Латвии Янис Петерс, имея в виду правду истории, которая хоть и припозднилась порядком, но все-таки входит теперь в нашу жизнь. Робко еще входит, неуверенно, но, похоже, неотвратимо.

...Люди шли и шли по аллеям Братского кладбища. И это молчаливое шествие выразительнее любых речей говорило о неизбывной боли народа, о его вечной памяти жертв репрессий, о непрощении. Стоило лишь пройти в этой колонне несколько шагов, чтобы поверить: к прошлому не будет возврата!

Пора воздать должное мужеству руководителей творческих союзов Латвии — писателей, художников, композиторов, кинематографистов, архитекторов, работников театра,— они лучше других «официальных инстанций» осознали, как важна для народа эта дата и что нельзя отдавать ее на откуп политическим спекулянтам. Так появилось в газете «Литература ун макслa» сообщение о решении этих союзов провести минуту памяти на Братском кладбище и возложить цветы в память о жертвах сталинских репрессий. Тем самым они становились как бы во главе траурных колонн, принимая всю ответственность на себя. Горисполком, правда, разрешил «мероприятие по возложению цветов», но все прочие «инстанции» сохраняли нейтралитет. Неофициально же, дружеским шепотком передавалось от одного официального лица к другому: "Участие не рекомендовано".

Задолго до 25 марта западные «голоса» стали наполнять эфир заявлениями так называемой группы «Хельсинки-86». Эта националистически настроенная группа хотела взять на себя миссию главных плакальщиков по жертвам репрессий. Эпицентром скорби она наметила многострадальный памятник Свободы, что в центре Риги. Казалось бы, только-только этот памятник был реабилитирован и ему уже не ставилось в вину его «буржуазное происхождение». Но из-за повторяющихся в последнее время представлений, организованных группой «Хельсинки», он опять «оказывается в немилости». Но нет ли в этом и нашей вины?

В канун события я спросил одно официальное лицо: почему на кладбище, а не у памятника решено проводить минуту памяти? И услышал в ответ: «Собраться у памятника предложила ведь группа «Хельсинки». Вот и вышло бы, что мы откликнулись на их призыв».

Почему? Мы ведь знали, что народ не забыл эту дату, хранит ее как осколок в сердце. И уже пережили все мы 14 июня прошлого года, когда «Хельсинки» публично «скорбели» у памятника Свободы по поводу пика высылки 1941 года. В тот день пытались сорвать их затею... велосипедной гонкой, направив ее мимо памятника. Времени прошло достаточно, чтобы признать, что «аргумент» в этой идеологической схватке был выбран не самый сильный.

В 18.00 того же дня у памятника Свободы стала собираться толпа. Я приехал сюда прямо с кладбища: контраст был разительный. На лицах ни тени скорби, а лишь любопытство, ожидание скандала, зрелища. Многие курили, смеялись, громко разговаривали. Попадались и пьяные. На кладбище был народ, здесь — толпа.

Группами и поодиночке люди подходили к памятнику с цветами. Редкие дружинники и милиционеры стояли бесстрастно. Поэтому, когда в толпе вдруг пытались аплодировать, выглядело это жалко. Какой уж героизм — возложить цветы? Да и как совместить аплодисменты со скорбью? Люди в толпе переминались с ноги на ногу, скучали. Кое-кто начал расходиться, ведь зрелище явно срывалось. Группа «Хельсинки» попыталась поддать эмоций: у памятника картинно падали на колени, крестили лбы. Казалось, что каменные фигуры героев-латышей с пьедестала памятника насмешливо смотрят на кривляющихся паяцев. Прошел почти час. Режиссеры зрелища, похоже, вконец растерялись. Но вдруг подоспела помощь. Над площадью раздался радиофицированный голос, который дважды попросил людей не мешать проходу пешеходов и транспорта.

Свидетельствую: пешеходы и транспорт проходили в ту минуту беспрепятственно. Но прошло несколько минут, и последовала следующая реплика: «Поскольку никто из вас не послушался, мы вынуждены принять меры». И тотчас же включились милиция и дружинники. Я стоял рядом с группой «Хельсинки» и видел, как радостным азартом осветились в этот миг их лица: наконец-то появилась возможность устроить зрелище. И оно началось! По их сигналу примерно сто человек ринулись толпой к памятнику. Правда, и это еще не гарантировало им успеха на "сцене". Что делать дальше? Разве что на голову встать? Или грызть зубами гранитное подножие?

Милиция и дружинники, однако, продолжали наступать на негустую толпу. Вот уж было раздолье для самодеятельных артистов! "Жертвы" горделиво позировали перед фотоаппаратами. Зрители свистели, улюлюкали. Пьяный мой сосед кукарекал.

Через несколько минут толпа была рассеяна.

И все-таки есть все основания закончить на оптимистической ноте: время движется необратимо. То, что произошло 25 марта на Братском кладбище,— верю, войдет в историю. И станет традицией. Мы сделали еще один важный шаг в развитии демократии и гласности. Верю также, что завтра памятник Свободы станет целиком **нашим** памятником. Ну, а то, что произошло у его подножия, будем вспоминать как курьез. Если, конечно, сумеем извлечь урок...

Георгий ЦЕЛМС

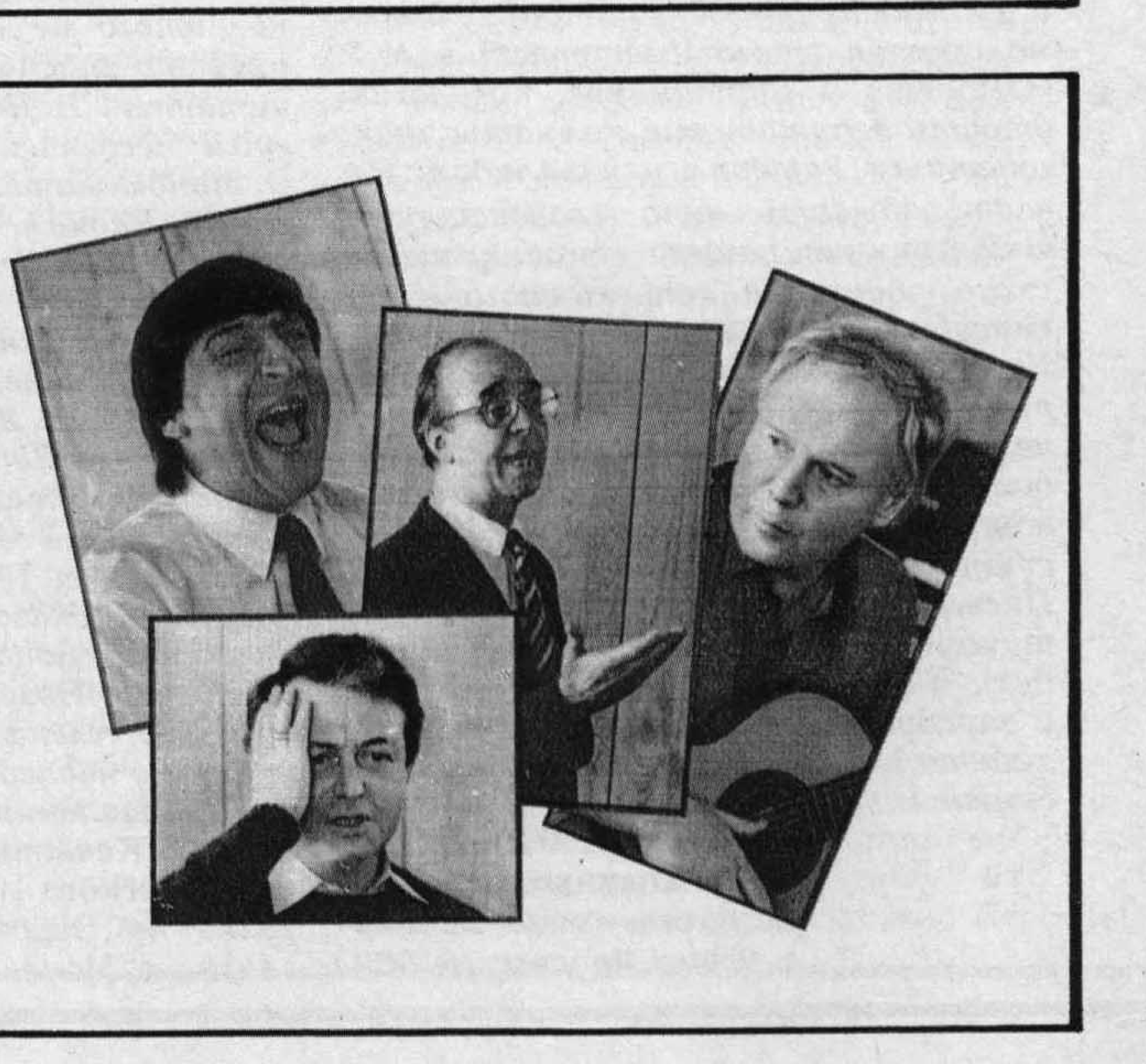
Рига

ВСТРЕЧИ В «ОГОНЬКЕ»

На минувшей неделе состоялось ежегодное совещание наших собственных корреспондентов. Оно было приурочено к большому празднику журнала — его 65-летию. Но праздник, как говорится, праздником, а разговор шел обстоятельный и деловой: о том, как полнее и глубже исследовать и освещать сложные проблемы, связанные с перестройкой, развитием в обществе процессов гласности и демократизации.

Редакция признательна председателю Госкомитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодину, председателю Научного совета АН СССР по проблемам хозрасчета и самофинансирования предприятий П. Г. Буничу, доктору исторических наук Ю. Н. Афанасьеву, демографу-публицисту В. И. Переведенцеву за выступления перед творческим коллективом журнала.

Огоньковцы сердечно благодарят народного артиста СССР Олега Борисова, народного артиста РСФСР, солиста ГАБТа Юрия Григорьева, писателя Лиона Измайлова, популярных артистов театра и эстрады, заслуженного артиста РСФСР Александра Филиппенко и Геннадия Хазанова, исполнителя авторской песни Александра Дольского, доставивших нам радость своим высоким мастерством, участием в праздничном концерте.



К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

РАЗЫСКАНИЯ О ГОРЬКОМ

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Уже свыше полувека — после кончины А. М. Горького — ведутся интенсивные поиски и публикации его неизданного творческого и эпистолярного наследия. Много весьма значительного в этом деле сделал Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы, выпустив ряд сборников такого рода ранее неведомых материалов.

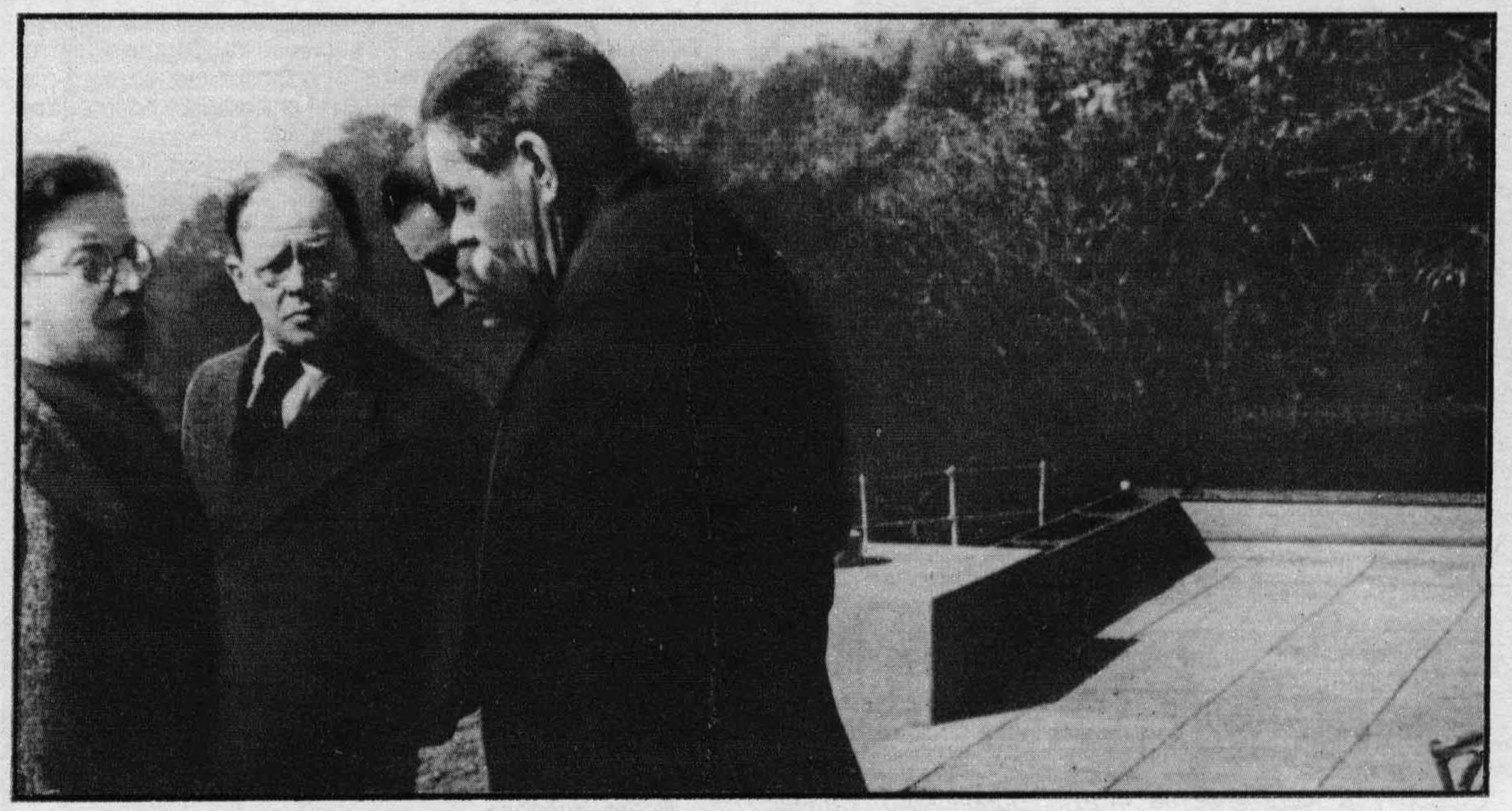
По этой части немало сделало и наше издание «Литературное наследство». Совместно с Архивом А. М. Горького мы подготовили три капитальных тома — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» (том 70-й), «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка» (том 72-й) и «Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка» (том 95-й, вскоре выходит в свет).

О первом из этих томов появилось 19 положительных журнальных и газетных отзывов. Вот что, в частности, писал Л. И. Лазарев в журнале «Вопросы литературы»: «Пусть не покажется это парадоксом, но том архивных материалов «Горький и советские писатели» — по-настоящему современная книга, которая могла появиться лишь в наши дни. Не только потому, что здесь опубликованы письма к писателям, которые подверглись в годы культа личности репрессиям, или письма, в которых речь идет об этих писателях. Дело еще в том, что в годы распространения идеологии культа личности литературоведы нередко оказывались не в состоянии освоить материал, заключающий в себе столько противоречий и сложностей».

Том «Горький и Леонид Андреев» мог быть создан только потому, что мне удалось получить из Колумбийского университета в Нью-Йорке фотографии 93 писем Горького к Леониду Андрееву и фотографии 10 писем Горького к нему же от жившего в Женеве Вадима Леонидовича Андреева, старшего сына писателя. Эти 103 письма Горького и составили первооснову 72-го тома «Литературного наследства». Вот как высоко оценила Мариэтта Шагинян этот том: «В 1965 году вышла книга, очень помогающая хорошо понять Горького и любовь к нему Ленина. Это 72-й том "Литературного наследства", содержащий неизданную переписку Горького с Леонидом Андреевым. Трудно найти еще пример в мировом эпистолярном наследии, где было бы больше блеска, остроумия, веселой молодой жизнерадостности и — драматического развития конфликта двух разных индивидуальностей...»

Что касается нашего нового, 95-го тома, то, думается, здесь читатель с интересом прочтет переписку Горького с десятью корреспондентами. И, в частности, увидит, как Горький был резок и непримирим в тех случаях, когда заходила речь о пошлой литературе. «Наш враг — пошлость, в которой вязнут наши ноги по колена и которую так усердно и умно разводят в жизни те, кому пошлость необходима, как грязный ров, преграждающий доступ в крепость их»,— писал Горький известному юристу О. О. Грузенбергу. А разве сейчас, в наши дни, мы не видим наглой пошлости в писаниях некоторых наших литераторов?!

Ниже публикуемые разыскания о Горьком — всего лишь немногие из моих находок, связанных с изучением творческой биографии и общественной деятельности нашего великого писателя.



Писатели у А. М. Горького в Крыму. Рядом с Горьким (слева направо): М. Е. Кольцов, И. Э. Бабель и французский писатель Андре Мальро. Тессели, март 1936 г. Собрание И. С. Зильберштейна, Москва.

ГОРЬКИЙ О ФИНЛЯНДИИ

Начиная с лета 1904 года Алексей Максимович неоднократно жил в Финляндии. И его никогда не покидала любовь к этой стране, к энергичному и деятельному народу, живущему там на скудной земле в суровых климатических условиях. «Какая это милая, красивая, оригинальная страна! — писал Горький в конце января 1906 года Е. П. Пешковой из Финляндии.— Вся страна, точно древняя сказка,— сильная, красивая, изумительно оригинальная... Очень хорошая демократическая страна». А в другом письме, отправленном Алексеем Максимовичем оттуда же, такие строки: «Если эту малую страну не испортит русское правительство, ее ждет великое будущее». Таковы же его отзывы и о трудовом люде Суоми, о выдающихся деятелях ее культуры.

В начале апреля 1917 года в Петрограде в залах Художественного бюро Н. Е. Добычиной открылась выставка финского искусства. В ее почетный комитет вошли Л. Н. Андреев, А. Н. Бенуа, А. К. Глазунов, А. М. Горький, И. Э. Грабарь, С. С. Прокофьев, Н. К. Рерих, И. Е. Репин, К. А. Сомов, В. Н. Фигнер, Ф. И. Шаляпин. К открытию выставки вышел каталог, в котором были помещены статьи Горького, Бенуа и музыковеда В. Г. Каратыгина. Эта статья Алексея Максимовича ни разу не переиздавалась и не включалась в собрания его сочинений. Не получила она отражения и в четырехтомной «Летописи жизни и творчества А. М. Горького».

Впервые переиздавая здесь эту статью, хочется добавить, что, когда 3 апреля 1917 года столичная общественность в связи с открытием выставки чествовала финских художников, речь Алексея Максимовича ограничилась двумя фразами: «Люблю Финляндию. Да здравствует Финляндия!»

Следует напомнить, что после Великой Октябрьской социалистической революции в числе первых декретов, подписанных В. И. Лениным, был декрет о государственной независимости Финляндии.

[Март 1917]

Финляндия — страна гранита и озер, такая маленькая, бедная, такая хмурая, но я не знаю страны, которая возбуждала бы у меня более нежное чувство любви, более глубокое уважение, чем она, Суоми!

Нигде я не вижу с такой ясностью, не чувствую с такой убедительной силой величие человеческого духа, всепобеждающую мощь разумного труда.

Среди болот, среди озер, на кусках неплодотворной земли, затерянной в камнях, под бесстыдным гнетом русской монархии, цинически убивавшей все стремления к свободному творчеству,— финны, молчаливые, упрямые люди, в течение нескольких десятков лет умели создать все, что необходимо для культурного государства, все, чем может гордиться человек,— науки, искусства, промышленность.

Нигде,— говорю я,— не возникала культура при условиях более тяжких. Казалось бы, что на этой бедной земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека, и не победит воля его сопротивления природы, скупой дарами.

Но — человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное. Его мощная воля огранила бедную каменную землю, и в короне, которой украшена наша планета,— Суоми, одна из лучших драгоценностей.

Я уверен, что всякий, кто хочет ясно представить себе красоту труда человеческого, должен внимательно вдуматься в то изумительное напряжение воли к жизни, которое обнаружил народ Суоми. Многому можно поучиться у этого народа, его молчаливая деловитость творит чудеса.

Теперь, когда Финляндия свободна от гнета русской власти, с какой сердечной радостью я, русский, невольный угнетатель ее свободы, могу воскликнуть:

Да здравствует Финляндия!

Элякээн Суоми! *

М. ГОРЬКИЙ.

«ВОЛЯ, ТВОРЯЩАЯ ПРОГРЕСС»

Живя в предреволюционные годы в Петрограде, А. М. Горький познакомился с поэтом, очеркистом и литературоведом В. Ф. Ходасевичем. Алексей Максимович возглавлял тогда ежемесячник «Летопись» и во время одной из встреч предложил Ходасевичу сотрудничать в этом журнале. Сохранилось датированное 18 февраля 1917 года письмо Горького, в котором он соглашается с предложением Ходасевича дать для «Летописи» статью о современной поэзии, но говорит ему, что нынешний читатель ждет от поэзии социально-философского содержания.

В 1922 году Ходасевич уехал за границу. С того времени до 1925 года переписка и встречи с ним Горького приобрели систематический характер.

В библиотеке Конгресса в Вашингтоне хранятся автографы 32 писем Алексея Максимовича к Ходасевичу за 1922—1925 годы. Они были опубликованы за рубежом в 1952 году. В начале января 1956 года я получил эту публикацию и 10 января передал ее Архиву А. М. Горького вместе со своим сопроводительным письмом.

В 1925 году Ходасевич гостил несколько недель у Горького в Сорренто и вел там поденные записи. Они также напечатаны за рубежом.

Все эти материалы остаются у нас неизданными. Сверенные с автографами, они будут включены в один из новых горьковских томов «Литературного наследства».

Одно из писем Алексея Максимовича к Ходасевичу здесь печатается. Но сначала поясним, против

* Да здравствует Финляндия! (финск.).

какого утверждения своего адресата Горький выступил с такими резкими возражениями.

Весной 1925 года Ходасевич побывал в Ирландии, написал и напечатал очерк о кораблестроительной верфи в Белфасте. Прочитав его, Алексей Максимович отправил Ходасевичу 20 июля 1925 года из Сорренто письмо, в котором были такие строки: «Я рассердился на Ваш «Бельфаст», несправедливо ставить это «учреждение» в упрек сов[етской] власти. Германия, Франция технически богаче России, но Бельфаста и у них ведь нет. Это — нечто исключительное, верфь Бельфаста. Да и вообще несправедливо упрекать Москву в безделье — там работают и учатся работать. Здесь у меня жил три недели П. П. Крючков, человек вовсе не склонный преувеличивать и деловой, то, что он рассказывает,— очень веско и значительно».

В ответном письме Ходасевич настаивал на своем. Тогда Горький и отправил ему 13 августа того же года письмо, приводимое ниже. Горький верил в трудовую мощь советского народа, доказавшего в годы первых пятилеток, на какие чудеса в этом деле он способен.

Вот текст письма Горького:

Я, конечно, не соглашусь, дорогой В. Ф., с тем, что в России ныне (?) «нет воли к работе», как Вы это утверждаете. Воли к работе у нас больше, чем где-либо в современной Европе; тут можно говорить и спорить не о наличии воли, а о наличии уменья работать. Ссылка на «Словотекова» — не годится, текста этой шутки Вы не знаете. Думаю, что и осуждать людей за недостаток «воли к работе» Вам не следует, ведь это воля, творящая «прогресс», а Вы, по Вашему же заявлению, не принадлежите к числу «любителей прогресса». «Беседа», кажется, будет журналом, посвященным вопросам современной науки, современного искусства, без стихов, без беллетристики. Печататься в России будет потому, что это значительно дешевле. Еще дешевле было бы печатать в Италии, но здесь нет русских типографий.

Беллетристика, стихи найдут себе место в «Русск[ом] совр[еменнике]», который возобновляется при старой редакции. В этом году выйдут лишь две книжки, увеличенного размера, как я понял, а с начала 26-го будет выходить 12 книг.

[А. Н.] Тихонов «восстановлен во всех правах», приговор отменен. Он взял на себя редакторскую работу в издательстве «Круг» Воронского. Сейчас поехал в Крым отдыхать.

Была здесь Зоя Лодий, чудесно пела. Был Мейерхольд, он едет со своим театром на зиму в Германию. Было и еще немало людей интересных. Вообще лето урожайное на гостей. Сейчас у Купчихи [художницы В. М. Ходасевич] живет жена художника Шильтян, кажется, на днях явится и сам художник.

Чапыгин, А. П., печатает в «Былом», в приложении, роман из эпохи Разина, пишет очень интересным языком и вообще интересно. Вышли книги рассказов Леонова, Булгакова, Чапыгина, Огнева и забавный «авантюрный» рассказ Козырева «Мистер Бридж».

Прекрасная вещь «Детство Люверс» Пастернака. И хорошо издана.

Приятных новостей не мало. Но есть и неприятная. Сутер нашел у Валентины Михайловны [Ходасевич] рецидив туберкулеза. Она поехала в Неаполь, там ляжет в его — Сутера — госпиталь для исследования, дня на два. Спасибо за «Современные записки». Конец «Митиной любви» [Бунина] не понравился мне. Книжка — скучная.

Передайте привет Нине Николаевне [Берберовой] и будьте здоровы. А я — не очень здоров. Сильно похудел и ослаб. Должно быть, от анафемской жары. Весь июль и до сего дня — ни капли дождя. Но виноград от этого очень выиграл, удивительно сладок.

М. И. [Будберг] — в Эстонии, поехала провожать детей. Дети у нее очень милые, особенно — младшая, Таня.

Всего хорошего.

А. ПЕШКОВ

13.VIII.25

Вырезки из «Известий» не имею, потерял.

В письме идет речь о сатирической пьесе Горького «Работяга Словотеков», в которой выведен лентяй, говорящий много революционных слов, но всячески увиливающий от какого бы то ни было труда. Премьера пьесы состоялась в Театре народной комедии в Петрограде 16 июня 1920 года.

ГОРЬКИЙ О ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Алексей Максимович высоко ценил многие произведения Михаила Афанасьевича Булгакова. Вот как он отзывался о некоторых из них.

Прочитав фантастико-сатирический рассказ Булгакова «Роковые яйца», Горький написал М. Л. Слонимскому 8 мая 1925 года из Сорренто: «Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо». А неделю спустя, 25 мая того же года, в письме Горького к А. А. Демидову такие строки: «Остроумно и ловко написаны «Роковые яйца».

В 1925 году в московском журнале «Россия» был напечатан роман Булгакова «Белая гвардия», но отдельного издания он тогда не удостоился. В письме к С. Т. Григорьеву от 8 июля 1926 года из Сорренто Горький спрашивает: «Не знакомы ли Вы с М. Булгаковым? Что он делает? «Белая гвардия» не вышла в продажу?»

По душе пришелся Горькому драматургический талант Булгакова. Так, в письме от 4 февраля 1932 года к театральному деятелю П. А. Маркову Алексей Максимович относил Булгакова к числу «талантливых наших драматургов».

По-видимому, около 1933 года издательство Фишера в Берлине решило выпустить отдельной книгой пьесу Булгакова «Мольер». В связи с этим просило Горького написать о ней отзыв. Алексей Максимович выполнил эту просьбу. И в том же году издательство Фишера отправило Булгакову фотографию автографа горьковского отзыва. По этой фотографии З. Г. Минц опубликовала отзыв Горького о пьесе «Мольер» в издании «Ученые записки Тартуского государственного университета». Но так как тираж этого сборника был всего лишь 700 экземпляров, мы снова приводим этот интересный отзыв Горького.

ОТЗЫВ М. ГОРЬКОГО О «МОЛЬЕРЕ» БУЛГАКОВА

О пьесе М. Булгакова «Мольер» я могу сказать, что, на мой взгляд, это очень хорошая и искусно сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось многое, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и его способности драматурга. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней, Мольера, уставшего и от неурядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Также хорошо, смело и, я бы сказал, красиво, дан Король-Солнце [1]. Да и вообще все роли хороши. Я совершенно уверен, что в Художественном театре Москвы пьеса пройдет с успехом, и очень рад, что пьеса эта ставится [2]. Очень хорошая пьеса!

Всего доброго.

А. ПЕШКОВ.

И. Э. БАБЕЛЬ ОБ А. М. ГОРЬКОМ В ПИСЬМАХ К РОДНЫМ

Огромное значение имел Горький в творческой жизни Бабеля. Именно Алексей Максимович напечатал в 1916 году его первые рассказы, а ведь когда Бабель их написал, ему было всего двадцать лет. До конца жизни Горький относился с неизменной доброжелательностью к Бабелю и к его произведениям. И даже выступил в 1928 году в «Правде» в защиту Бабеля, когда на него обрушился в печати С. М. Буденный. Что же касается отношения Бабеля к Горькому, то оно неизменно было на грани преклонения.

Писем Алексея Максимовича к Бабелю было не меньше шести. Но так как в 1937 году Исаака Эммануиловича незаконно репрессировали, то его архив, где находились и письма Горького, был, по-видимому, изъят. И когда мы в 1963 году завершали работу над 70-м томом «Литературного наследства» — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка», то выяснили, что в семье Бабеля нет ни одного письма Алексея Максимовича, а в Архиве А. М. Горького имеются семь писем Бабеля и всего лишь машинописная копия одного письма Горького. Если письма Алексея Максимовича к Бабелю и к другим в те роковые годы незаконно репрессированным литераторам до сих пор находятся на специальном хранении, то не целесообразно ли передать их в Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР?

За рубежом опубликованы письма И. Э. Бабеля к его родным, жившим во Франции. Приводим имеющиеся в этих письмах упоминания об А. М. Горьком.

24 мая 1931 года Бабель сообщает из Москвы:

«День 22-го провел за городом на даче у Алексея Максимовича. Встретились мы с прежней любовью. Впечатления так сложны, что вот до сих пор не разберусь. Но старик, конечно, такой, какого другого в мире нет».

Вот что Бабель писал 5 мая 1933 года из Сорренто:

«Вчера провел весь день с Алексеем Максимовичем Горьким в Неаполе. Он показывал нам музеи — античную скульптуру (до сих пор опомниться не могу), картины Тициана, Рафаэля, Веласкеса. Вместе обедали и ужинали. Когда мы вошли вечером в ресторан (расположенный высоко над Неаполем, вид города оттуда волшебен), где его знают уже 30 лет, все встали со своих мест, официанты кинулись целовать ему руки и сейчас же послали за старинными певцами неаполитанских песен. Они прискакали — семидесятилетние, все помнящие А. М. и пели надтреснутыми своими голосами так, что я, верно, во всю жизнь этого не забуду. А. М. плакал безутешно. Незабываемый для меня день».

А после кончины Горького за день до его похорон Бабель пишет родным 19 июня 1936 года:

«Великое горе по всей стране, а у меня особенно. Этот человек был для меня совестью, судьбой, примером. Двадцать лет ничем не омраченной дружбы и любви связывают меня с ним. Теперь чтить его память это значит — жить и работать. И то и другое — делать хорошо.

Тело А. М. выставлено в Колонном зале, неисчислимые толпы текут мимо гроба».

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Для Горького самым замечательным поэтом не только России, но и Европы был Пушкин. В написанной Алексеем Максимовичем в 1908—1909 годах «Истории русской литературы», опубликованной в 1939 году, десятки и десятки восторженных высказываний о Пушкине и его творениях, не меньше их в письмах Горького. Сколько его любви к великому поэту в словах: «В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихах и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего и достигал с гениальным умением».

I

В одну из поездок во Францию мне довелось получить ксерокопию находящегося в частном собрании письма М. Горького к жившему в Париже историку С. С. Ольденбургу, сыну непременного секретаря Российской Академии наук С. Ф. Ольденбурга. Вот текст этого письма:

8.III.23

Милостивый государь Сергей Сергеевич!

Разрешите обратиться к Вам с просьбою: суть ее такова: И. Гессен предполагает выпустить в свет книгу Модеста Гофмана «Неизданные стихи А. С. Пушкина».

Не говоря о том, что выход этой книги, наверное, роковым образом отразится на судьбе, а может быть, и жизни Гофмана, факт выхода ее поставит в очень тяжелое положение Академию наук и, в частности, ее непременного секретаря Сергея Федоровича.

Податель сего письма изложит Вам подробно, в чем здесь дело, я недостаточно знаком с положением, для того, что[бы] описать Вам его с достаточной ясностью и полнотой.

Но я убедительно просил бы Вас уговорить Гессена, чтоб он не выпускал книгу на условии, что убытки, понесенные им, будут ему возмещены.

Очень прошу Вас сделать все возможное для устранения тяжких неприятностей, неизбежных для Академии наук в том случае, если книга выйдет.

А. ПЕШКОВ

Здесь речь идет о литературоведе М. Л. Гофмане, сотруднике Пушкинского Дома, который в начале 1923 года был послан в Париж для того, чтобы привезти знаменитую коллекцию пушкинских рукописей, собранную А. Ф. Онегиным (Отто). А еще до того — в 1922 г. и в январе 1923 г.— в Петрограде по имеющимся фотографиям были выпущены с подробными комментариями два издания тех автографов — «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина».

Полученное задание М. Л. Гофман не выполнил и на родину не вернулся. До Горького, видимо, дошли сведения о том, что Гофман подготовил к изданию книгу, в которой имеются сомнительные свидетельства, оскорбляющие память о великом поэте, и это, конечно, взволновало Алексея Максимовича.

А что касается И. Гессена, упомянутого в письме, то в дореволюционные годы он был видным петербургским юристом, в доме которого собирались писатели, художники, композиторы, политические деятели. Будучи членом ЦК партии к.-д., И. В. Гессен вместе с П. Н. Милюковым редактировал газету («Речь»). После Октября Гессен эмигрировал и выпускал в Берлине газету «Руль», издавал сборники «Архив русской революции», где печатал воспомина-

[1] Людовик XIV, король Франции (1638—1715).

[2] Пьеса была поставлена во МХАТе в 1935 году. В. И. Немирович-Данченко в 1940 году писал вдове Михаила Афанасьевича: «Булгаков не умер; крепкой, хорошей памяти о нем хватит на многие-многие десятилетия, и это будет вносить какой-то греющий свет даже и в вашу печаль».

ния эмигрантов; написал и выпустил в 1937 году в Берлине книгу мемуаров «В двух веках. Жизненный отчет».

По всем данным, не появилась в свет та книга Модеста Гофмана, возможный выход которой так озадачивал Горького.

II

Уже в конце 1934 года, за два с небольшим года до горестнейшей даты — столетия со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина,— наша страна стала готовиться к тому, чтобы отметить это страшное событие в отечественной истории.

Деятельное участие принимал тогда и Горький в увековечении памяти великого поэта. Вот два впервые публикуемых документа, об этом свидетельствующих. Первый из них — письмо Алексея Максимовича к тогдашнему заместителю директора Пушкинского Дома, профессору Юлиану Григорьевичу Оксману. Текст этого письма гласит:

Уважаемый товарищ!

ЦИК Союза ССР постановил в связи с приближающимся столетием со дня смерти А. С. Пушкина создать Комитет, который должен обсудить ряд мероприятий к увековечению памяти поэта. Вы избраны членом Комитета. Так как собрать Комитет в полном составе в данный момент затруднительно, а к подготовительным работам приступить следовало бы немедленно, я предлагаю опросом утвердить состав рабочей комиссии, которой поручить обсудить в предварительном порядке ряд необходимых мероприятий с тем, чтобы через 1½ месяца представить их на рассмотрение пленума Комитета: А. Бубнов, В. Волгин, А. Енукидзе, Л. Каменев, М. Кольцов, Н. Накоряков, А. Щербаков, М. Цявловский, Ю. Оксман, А. Эфрос. Созыв поручить т. Каменеву.

Если у Вас есть какие-либо возражения или предложения в связи с созданием этой комиссии, прошу Вас сообщить их мне.

Председатель Пушкинского комитета при ЦИК Союза ССР

М. ГОРЬКИЙ.
20/IX—34.

Именно на плечи Ю. Г. Оксмана и легла значительная часть работы по организации намеченных мероприятий. В частности, существенной была его роль в подготовке и редактировании предпринятого тогда Полного собрания сочинений Пушкина. Видный литературовед и блестящий организатор, Юлиан Григорьевич был самым деятельным помощником Алексея Максимовича в делах, связанных с той горестнейшей датой.

Второй документ, относящийся к тому же времени и к числу тех же мероприятий. Это письмо Горького к директору Гознака.

Дорогой товарищ Енукидзе!

Очень прошу Вас в виду огромного научного и общественно-политического значения юбилейных академических изданий Пушкина, обеспечить срочное выполнение фототипического портрета Пушкина для очередного тома академического издания (срок выхода в свет — I-го января 1936 г.), а также принять меры к ускорению работы над фототипическим изданием записных книжек Пушкина (первая тетрадь сдана в Гознак Пушкинской комиссией Академии наук и издательством «Академия» — еще в начале прошлого года).

С приветом
М. ГОРЬКИЙ

Родной брат секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета А. С. Енукидзе, тогдашний директор Гознака, был не только деловым, но и культурным человеком. Я его хорошо знал, так как именно ему обязан тем, что Гознак взял на себя все многочисленные полиграфические работы по пушкинскому тому «Литературного наследства» (№№ 16—18), подготовленному мною и И. В. Сергиевским и выпущенному в 1934 году. Ведь Гознак — лучшая типография Советского Союза, но книги выпускаются им весьма редко. А ведь в нашем Пушкинском томе 1184 страницы, 328 иллюстраций, пять четырехцветок и четыре фототипии, печать превосходного качества, мастерски сделанный переплет, цветная суперобложка, коробка, украшенная автопортретом Пушкина. За 57 лет существования «Литературного наследства», инициатором и создателем которого являюсь, в таком блистательном типографском оформлении у нас не было ни единой книги. Что же касается содержания того тома, то он до сих пор не утратил своего значения для всех тех, кто занимается изучением творческой биографии Пушкина и изучением его эпохи.

Сейчас мы приближаемся к выпуску 100-го тома «Литературного наследства».

ДЕТИ ВОЙНЫ

ПРОШУ СЛОВА!

Александр КРЫЛОВ

ВСЕ ДАЛЬШЕ В ПРОШЛОЕ УХОДЯТ ОТ НАС НЕЛЕГКИЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. НЕМАЛО В ЕЕ ИСТОРИИ ЕЩЕ ОСТАЛОСЬ БЕЛЫХ ПЯТЕН, НО БЕЛЫМИ ОНИ КАЖУТСЯ ТОЛЬКО С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА: ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИ ВНИМАТЕЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ В НИХ ПРЕОБЛАДАЕТ КРАСНЫЙ ЦВЕТ, ЦВЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРОВИ...

Так уж получилось, что тема фашистских концлагерей, тема судьбы людей, попавших в плен, на долгие годы оказалась забытой. Причин тому немало, и в первую очередь — культ личности Сталина, связанная с ним волна необоснованных обвинений, репрессий против солдат и офицеров, оказавшихся в плену — из-за ранений или окружения в первые месяцы войны. Сказались на долгом молчании и практика замалчивания ошибок, инертность, косность, характерные для периода застоя. Нередко и в последнее время раздаются голоса, бросающие людям, бывшим в концлагерях, упреки в трусости, измене Родине.

Оставим подобные обвинения на совести их авторов. Но даже псевдорадетели патриотизма вряд ли упрекнут в предательстве тех, кому в годы войны было от трех до пятнадцати лет, людей, чье детство осталось за воротами Освенцима, Бухенвальда, Саласпилса.

В книги по истории второй мировой войны вошел снимок фронтового фотокорреспондента: похожие на больных стариков детишки в арестантских одеждах, с вытатуированными номерами на худеньких ручонках. Изможденные лица, огромные испуганные глаза за колючей проволокой...

В последнее время мы все чаще говорим о социальном здоровье народа. Это понятие включает в себя многое: память о поколениях ушедших и заботу о стариках, инвалидах, сиротах, верность вековым традициям и воспитание новых, интернациональных отношений. Гласность, демократизация нашего общества подняли многие социальные проблемы, требующие немедленного решения. Одна из них — необходимость предоставить льготы узникам детских концлагерей. Пусть их осталось немного. А может, правильнее сказать — их осталось так мало: по предварительным подсчетам, не более двух тысяч.

Передо мной список малолетних заключенных фашистских концлагерей из Витебска и окрестностей, в нем 153 фамилии. Эти люди работают, растят детей, внуков, многие из них еще не справили свой золотой юбилей: в графе «год рождения» — 1938, 1939... Место заключения — Освенцим, Саласпилс, Заксенхаузен, Равенсбрюк.

Сто пятьдесят три человека. Разные биографии, но как много общего в их судьбе. Многие попали в фашистские застенки после того, как за связь с партизанами или подпольщиками

схватили и казнили отцов, матерей, сестер или братьев. Некоторые — из детских домов Белоруссии, Украины, которые не успели эвакуироваться. Немногим маленьким узникам удалось дождаться прихода советских воинов. После освобождения — долгое лечение в госпиталях, больницах. Затем дети, потерявшие близких, поступали в детские дома.

Мы часто говорим: «Никто не забыт, ничто не забыто». Спорить не приходится — слова правильные, хорошие. Но они остаются только словами, когда забывают о тех, кто может сказать: «Я родом из войны».

«Наша семья оказалась в концлагере за связь с партизанами,— вспоминает Т. Г. Литвинова из Полоцка.— В крематории Освенцима сгорели мать, двухлетняя Зина и тринадцатилетняя Феня. Брат Павел, которому было 14 лет, погиб в Бухенвальде. В живых остались три сестры: Лида, Люба и я (старшей было двенадцать, мне — шесть лет). После лагеря мы оказались совершенно больными. И, конечно, обидно, что, став инвалидами, жертвами войны, мы были долгие годы без внимания. Как хочется хоть немного сострадания и милосердия, ведь так много пришлось перенести и перестрадать!»

Фашизм не только осквернил детские руки татуировкой, он искалечил здоровье маленьких заключенных. Вчитаемся в материалы Нюрнбергского процесса: «Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 человека, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 — алиментарной дистрофией (крайнее истощение) и 31 ребенок имеет обморожения»...

Голод, издевательства, варварские опыты, систематические заборы крови унесли их здоровье. Кто из тех ста восьмидесяти дожил до сегодняшнего дня? Ни в военкоматах, ни в собесах такая статистика не ведется.

Рассказывает доктор медицинских наук, профессор М. Я. Полунов: «Мне довелось лечить детей, освобожденных из фашистских концлагерей. К сожалению, выходить удавалось немногих, ведь это были тяжелые инвалиды, доведенные до крайней степени истощения. Мое мнение как врача и участника войны однозначно — бывшие дети-узники должны быть уравнены в правах с участниками войны».

Положения, предусматривающие льготы на медицинское обслуживание, лекарственное обеспечение, бесплатный проезд на транспорте для бывших узников фашистских концлагерей, имеются во многих странах Европы — Польше, Австрии, Франции. У нас в стране, наиболее пострадавшей от войны, подобных льгот не существует.

Учреждениям здравоохранения, социального обеспечения, общественным организациям сейчас предлагается усилить меры по развитию службы милосердия, социальной помощи, бытового обслуживания инвалидов, ветеранов войны и труда, одиноких, престарелых и нетрудоспособных граждан. Необходимо включить в этот список и детей — узников фашистских концлагерей, а часть средств Советского фонда здоровья направить на улучшение для них медицинской помощи и санаторно-курортного лечения.

Министерство здравоохранения СССР готово обеспечить такую помощь в соответствии с льготами, которые будут установлены государством. Разделяет эту позицию и Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Казалось, можно было бы ожидать в ближайшее время положительного решения о льготах по крайней мере на медицинскую помощь и лекарства для тех людей, о которых мы говорим, ведь их число в масштабах страны невелико. Но вот мнение заместителя начальника Управления социального обеспечения Госкомтруда СССР Ю. И. Скворцова: «Действующим законодательством бывшим узникам концлагерей, являющимся инвалидами с детства, предусмотрен ряд льгот и преимуществ по оплате лекарств, проезду на транспорте, при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения, по медицинскому обслуживанию и некоторые другие».

Но ни об одной из перечисленных льгот не известно ни в Минздраве СССР, ни в Министерстве путей сообщения, а говорить о преимуществах при поступлении в институты или техникумы для людей, чье здоровье непоправимо подорвано в концлагерях, чей возраст приближается к пенсионному, по меньшей степени кощунственно. Однако тов. Скворцов позволил себе сделать и обобщающие выводы: «Выделение детей — бывших узников концентрационных лагерей в отдельную категорию и предоставление им специальных льгот противоречило бы принципу социальной справедливости в отношении других детей, получивших ранения, увечья в районе военных действий, а также пострадавших вследствие голода, болезней и лишений на оккупированной территории. Поэтому решать в настоящее время вопрос о предоставлении льгот лишь лицам, находившимся в детском возрасте в концентрационных лагерях, по нашему мнению, вряд ли будет правильным».

Не ясно, о каком противоречии принципам социальной справедливости говорит заместитель начальника Управления социального обеспечения, ведь речь идет не о предоставлении детям — узникам концлагерей права лечения в ведомственных лечебных заведениях или обеспечении каждого из них персональной машиной.

Постоянный медицинский контроль за здоровьем, регулярная диспансеризация, обеспечение лекарствами — вот что в первую очередь необходимо тем, кто в детстве прошел через ужасы концлагерей. И не только этим должна ограничиться программа льгот. Необходимо в кратчайшие сроки решить все стороны этой сложной проблемы: улучшение условий труда и быта, бесплатный проезд к месту лечения, пенсионное обеспечение. Нет сомнения, что участие в создании такой комплексной программы примут медики, экономисты, представители органов собеса, широкие слои общественности.

Мы все родом из детства...

Тихими ночами бередят души бывших маленьких узников воспоминания, больное тело заново переживает промозглый холод, страшную боль и охватывает сознание паутина страха, безысходности, одиночества.

Помочь детям — узникам фашистских концлагерей наш моральный, нравственный долг, и начинать эту работу надо сегодня. Через двадцать лет будет поздно.

ПРОШУ СЛОВА!

«СЛАДКИЕ» НЕУВЯЗКИ

В середине марта киевляне вдруг заметили, что с полок магазинов исчез сахар. То был в каждом гастрономе, в каждом хлебном, молочном, как вдруг стаял. Мы даже растерялись. Посыпались звонки в редакции газет.

Отвечая корреспонденту «Вечернего Киева», и. о. начальника исполкомовского главторга тов. Рылач Ю. А. не смог скрыть своего раздражения какой-то бестолковостью киевлян. Он сказал: «...сахар — не хлеб, и покупать его каждый день нет никакой необходимости. Между тем многие горожане, „подогревая“ себя и других, стремятся набрать побольше сахара, ежедневно простаивая в очередях. Зачем? В этом нет никакой необходимости. Сахар в городе есть в достаточных количествах... А введенные сейчас ограничения — меры, вызванные внезапно вспыхнувшим сахарным „бумом“».

После таких «разъяснений» происходящее стало еще непонятнее. Если сахару достаточно, зачем его убирать с прилавков? И как способствует ликвидации очередей введенная практика «давать» сахар полчаса после открытия магазина и какое-то время перед закрытием? И почему, наконец, меры вызваны «бумом», если «бум» начался после введения мер? Или отцы города заранее знали день и час, когда «бум» начнется, и решили его упредить?

Через несколько дней министр торговли УССР разъяснил, что в четвертом квартале прошлого года киевляне съели на две с половиной тысячи тонн сахара больше, чем планировалось. И тогда один из его замов (в течение нескольких дней оказавшийся «бывшим») отдал приказ удержать этот сахар теперь.

«Вот почему,— заявил он,— Министерство торговли вынуждено было рекомендовать торговым организациям вводить наиболее удобный режим продажи сахара».

Вот как! Если товар есть целый день, если он без очереди и его хорошо берут — это не совсем удобный режим. А вот если давка и не всем достаюсь — это более удобный.

Давайте не будем лицемерить. Веруя во всемогущество бумажки, хотели одним росчерком пера придержать тысячу тонн, а теперь же, чтобы погасить искусственно созданную панику, надо продавать раз в десять — двадцать больше. Да и ради чего экономить-то? Уж не для того ли, чтобы хоть косвенно доказать успехи в борьбе с самогоноварением? Но самогонщик в очередях не будет стоять, ему привезут на дом мешок.

А вчера я получил документ. Он называется «Приглашение», а ниже, более мелким шрифтом — «на покупку сахара, 1,5 кг, апрель 1988 г.» Оказывается, раньше вы ходили в магазин, когда вздумается, ходили как непрошеный гость, а теперь вас приглашают... Раз в месяц. На полтора килограмма. Никаких, выходит, талонов. Просто в торговле вводится этикет.

С. КАЛИНИЧЕВ,
киевлянин

ПАЛИТРА

ЗАМЕТКИ С ПЕРВОЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКОВ-КОСМИСТОВ.

ЭТО БЫЛО КАК В СКАЗКЕ

Предусмотрительные американцы, перелетая через океан, захватили с собой буквально все: от этикеток для аннотаций до рекламных плакатов. Казалось, что, случись им развернуть выставку не в Московском центре международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами, а где-нибудь в Каракумах,— они не растерялись бы и организовали экспозицию своих работ прямо на песке.

...Открытые улыбки, здоровое любопытство и непосредственность американских гостей располагали к живому общению.

Джон Ломберг, руководитель группы:

«Мы очень довольны визитом в Москву. Наша делегация впервые побывала в Звездном городке, который произвел на ребят сильное впечатление. Мне думается, это отразится на их творчестве. Теперь мы надеемся на ответный визит ваших художников.

Мы провели незабываемые дни в России, чувствовали себя как в сказке».

Рой Миллер, художник:

«Помню, мне было тогда 10 лет, отец вывел меня во двор и показал на черное небо: «Смотри». Высоко в небе я увидел маленький движущийся огонек. «Это спутник, запущенный Советами»,— сказал отец. Вспоминаю, какой непонятный страх вызвало во мне это сообщение. Тогда — 30 лет назад — мне и в голову не приходило, что я окажусь в России. Зато теперь у меня в Москве есть настоящие друзья. И объединила нас любовь к космосу».

Василий Захарченко, писатель:

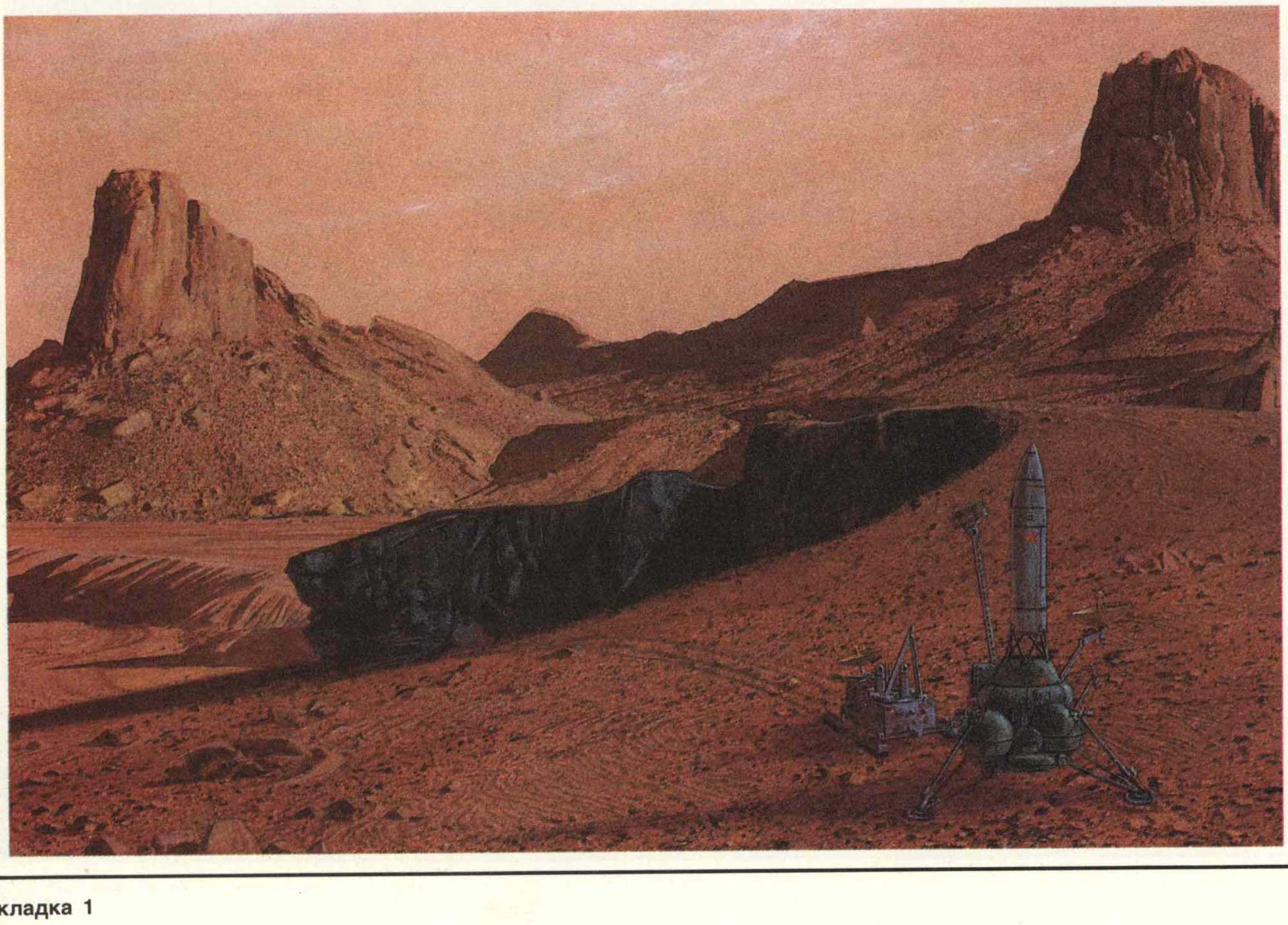
«Примерно 20 лет тому назад у нас в стране стал зарождаться новый жанр — космическая живопись. Человеческое сознание поднялось над земными проблемами. Каждое новое открытие рождает новый эмоциональный всплеск в искусстве. Думаю, что нынешняя замечательная выставка — новый этап в творчестве художников-космистов, а может быть, и в истории живописи».

Михаил Ромадин, художник:

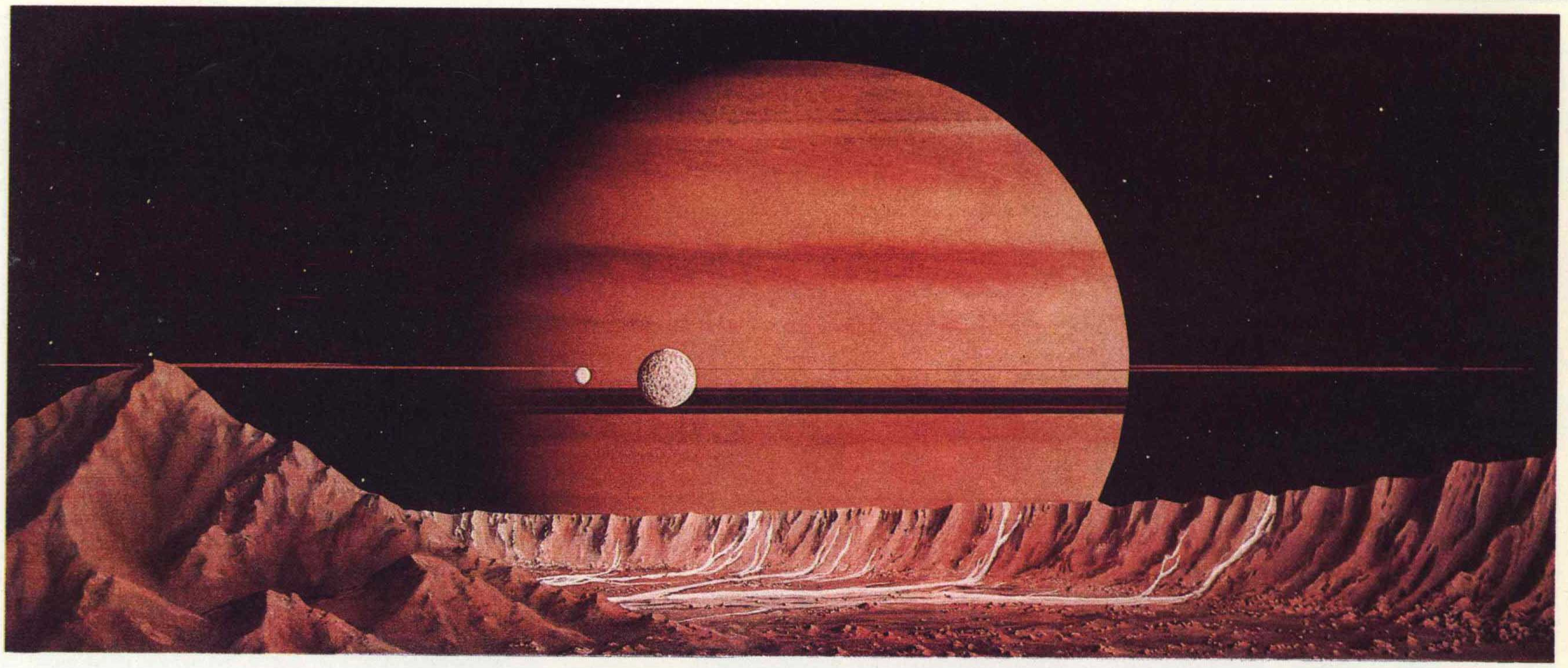
«Я не согласен с такой панегирической оценкой выставки. Абсолютно убежден, что великие художники прошлого были «космичны» независимо от выбранной темы. «Апокалипсис» Дюрера или любая работа Леонардо да Винчи более космичны, чем вся наша экспозиция.

Данный вернисаж — это только начало наших взаимоотношений. Я предла-

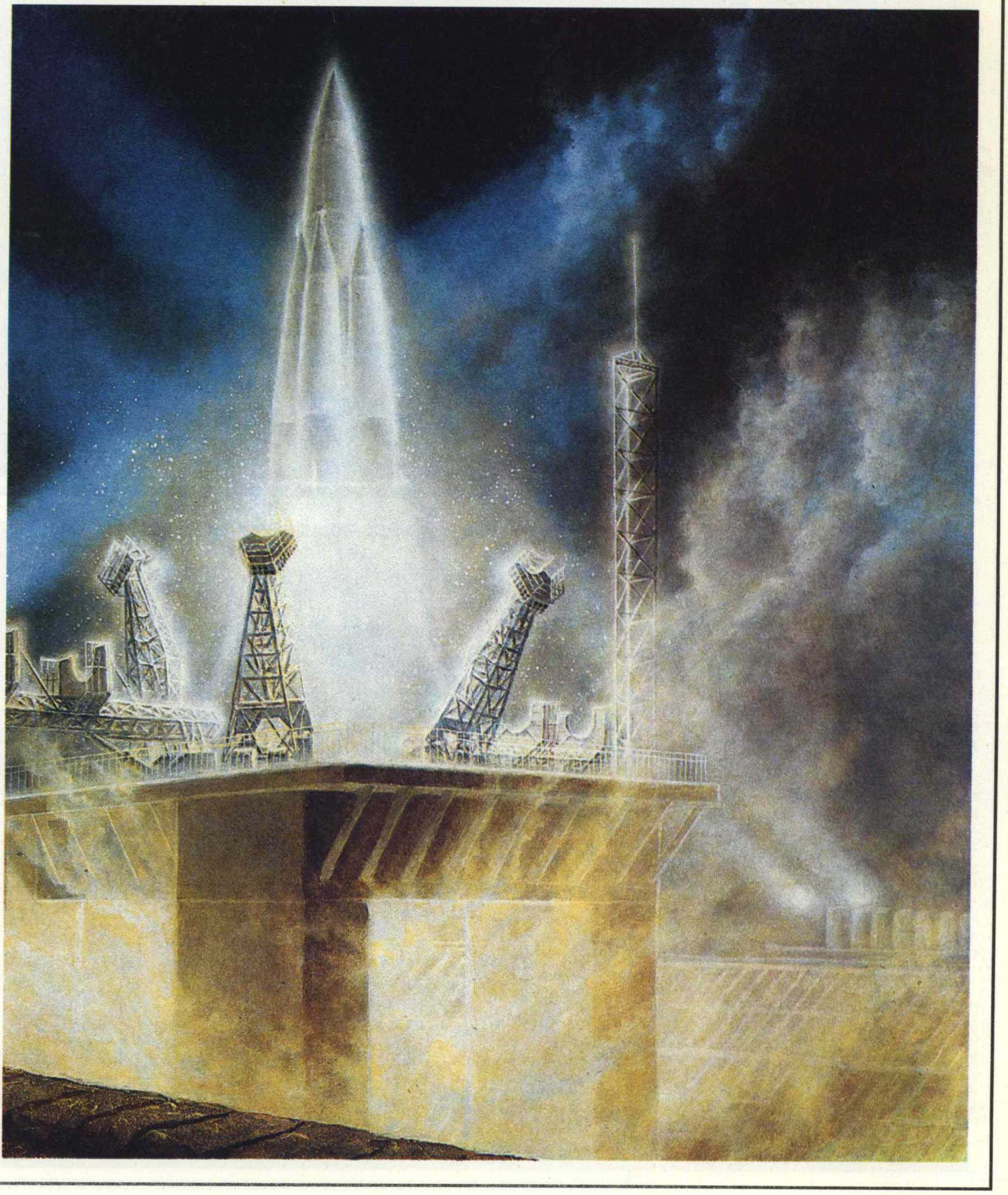
ДЖОЗЕФ МИНСКИЙ (СССР).
ДУБЛЕР.



РОН МИЛЛЕР (США).
ПАРТИЯ
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
С ПРОБАМИ
С МАРСА.



КИМ ПУР (США).
ВИД НА САТУРН
С ДИОНЫ.



гаю не ограничиваться исключительно космосом. Главное, чтобы космос был внутри нас».

Майкл Кэролл, художник:

«Сейчас с помощью этой выставки между нами произошла, говоря языком космонавтов, стыковка. И это, пожалуй, самое главное. Идет сложный процесс сближения двух различных культур».

Ким Пур, президент Гильдии американских космических художников:

«Очень мне хочется, чтобы коллеги из Советского Союза побольше узнали о проблемах и задачах Гильдии. Поэтому приглашаю русских художников в Гильдию в любом удобном для них качестве, ибо это будет конкретный шаг в объединении наших усилий в борьбе за прогресс и мир на планете».

Валерий Балабанов, художник:

«С тех пор как первый спутник улетел в космические дали, прошло 30 лет. Это — время целого поколения. Здесь собрались люди, для которых космическая тема не просто увлечение, но и сама их жизнь. У меня есть конкретное предложение ко всем собравшимся. Каждый из участников нашей встречи может написать, по заданному модулю, например, 40 на 40 см, по одной картине, посвященной космосу. На предстоящей выставке в Рейкьявике мы эти картины состыкуем в единую композицию. Художники с любого конца земного шара могут присоединиться к этому коллективному полотну».

Несколько дней спустя после отъезда американских гостей народный художник РСФСР Андрей Соколов, подытоживая наши встречи, сказал:

«Выставка породила идею создания специальной комиссии МОСХа по науке и космосу. Кстати, в СХ РСФСР создана аналогичная комиссия, которая своей деятельностью охватит уже всю Российскую Федерацию.

Мы и американцы считаем, что такие выставки утверждают единственно воз-

См. вкладку 4.

А. ЛЕОНОВ, А. СОКОЛОВ (СССР).
НАЧАЛО
КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Осип КОЛЫЧЕВ

1904—1973

Я застал Колычева в пятидесятых, когда многие его считали средним скучным поэтом. И вдруг, через столько лет, я наткнулся на сочные, полные молодого мастерства и азарта стихи из первых книг «Книга стихов», «У Черного моря». О, не доверяйте сложившимся негативным репутациям, если сами в них не убедились! Иногда можно здорово ошибиться.

ФРУКТОВЫЕ САДЫ ПОД ТИРАСПОЛЕМ

Засахарил август крутые сады Приднестровья,
Засахарил дупла, засахарил птичьи гнездовья
И, чествуя солнце, на каждый колючий сучок
Повесил бескостый и с косточками сахарок.

Он солодом в меру разбавил днестровскую воду,
На шпоры шмелиные брызнул гречишного меду,
И стало казаться, что в сеть человеческих жил
Разнузданный сахар дорогу себе проложил.

А щедрое солнце, поднявшись с днестровского плеса,
Уже нарумянило обе щеки абрикоса,
Поставило родинку и приготовило в срок
Миндальное ядрышко — этакий детский свисток.

На трезвую землю послав благородное вёдро,
Оно позолотой покрыло грушовые бедра,
И, чистой крупчаткой просеяв погожие дни,
Дождем шелковицы ударило через плетни.

Уже обнажилось родимое пятнышко сливы,
Уже на плодах прорвало восковые нарывы,
Листва облиняла, с деревьев осыпался мел —
И сливовый сад золотухою переболел.

А яблоко спеет... Оно никогда не просрочит.
Оно наспиртовано светом тираспольской ночи,
Оно, точно порохом, терпкостью заряжено,
И перенасыщено, и перенапряжено.

Его разобрало до одури и до отвала,
Его на заре, как мальчишеский голос, сломало.
И с ветки толкнула еще непонятная власть —
Упасть...

1929

ЯБЛОКО

Тревожное время... Штурмуют мой город портовый
Сегодня германцы, а завтра французы...
В ясный солнечный день, в перерыве меж
бомбардировок,
Я играю осколком... И мама зовет меня: «Юзя!»

«Юзя, на́ тебе яблоко!..» Из материнских ладоней
Ребячьи ладони мои принимают одну из планет,
Что над домиком низким плывут в голубом небосклоне.
Стоит десять копеек она и зовется «бумажный ранет».

Мальчик яблоко держит в руке. Есть у этого яблока
запад.
Мальчик яблоко держит в руке. Есть у этого яблока юг.
Есть румяный от солнца Восток. Как дразнящ он
на вкус и на запах!

Мальчик яблоко съест — и всему мирозданью каюк.
На планете Земля нет спокойствия... Видно,
надолго —
Этот чуждый язык и полночный французский дозор...
И тревожное детство навылет пробито осколком
Иностранной шрапнели, влетевшей во двор.

И хоть мама на кухне твердит: «Человеку пристанища
нету!»
Ерунда! За серебряный гривенник новую я покупаю
планету.
Мальчик яблоко держит в руке... Он молочные зубы
вонзит
В океаны, пустыни, леса,— и по горло он радостью сыт.

ШАРЛОТТА ГЕРШУНЕНКО

Переулочки кривые.
Маленьких домишек ряд...
Мелкая буржуазия,
Люмпен-пролетариат.

Здесь, в кофейнях и лавчонках
Молдаванской нищеты,
Прямо с винного бочонка
Агитировала ты.

Локон темной позолоты
Бился около виска.
Обрабатывала Лота
Иностранные войска.

Как пришел я в катакомбы?
Я и сам не знаю как!
Жестяные помню бомбы
В этих маленьких руках.

Мне сияла бровь соболья,
Золотые волоса...
В большевистское подполье
Опускались небеса.

Помню первое волненье,
Первую любовь мою,
Первое мое крещенье
В первом уличном бою.

Есть ли что головоломней
Знаменитых катакомб!
Помню спуск в каменоломни,
Где скрывался областком.

Напролет сидели ночи
С керосинкой жестяной,
Председательский звоночек
Задыхался под землей.

На осадном положенье
Небо, море и земля.
Под французским наблюденьем
Первая любовь моя.

Как Шарлотту Гершуненко
Темной ночью увели,
По Шарлотте Гершуненко
Как скомандовали: «Пли!»

Это все равно, что пулю
В солнце самое всадить,
Лучшего дрозда июля
С лучшей яблони ссадить!..

Помню первое волненье,
Первую любовь мою,
Первое мое крещенье
В первом уличном бою!

1932—1933

Юрий КАЗАРНОВСКИЙ

Насколько мне известно, автор всего лишь одной книги: «Стихи», Гослитиздат, 1935 год. Книжка эта попала мне в руки сразу после войны и поразила свежестью образов: «Из наволочек выкипают сны и паром вьется исповедь рубашки». Я выучил чуть ли не полкнижки наизусть. Автор в то время был в местах, не столь отдаленных. Когда он вернулся, то вскоре умер, и я о нем больше ничего не слышал. Может быть, у Казарновского остались неизвестными ненапечатанные стихи? Кстати, я не знаю, когда родился и умер Казарновский.

АПРЕЛЬ

Какая радостная
просинь
В словах,
на сердце,
на дворе!
В апреле
город небо носит,
Немного
сдвинув
набекрень.
Как стал
общителен ручей,
А воздух
по-мальчишьи боек.—
Пора улыбок
и грачей!
Пора сердечных
новостроек!
Когда все
просто и возможно,
А невозможное
легко,
Когда беседуют
серьезно
О личной жизни
облаков,
И ни черта
не разберешь,
А площадь
очень нараспашку,
И пробегают,
словно дрожь,
Автомобильные
мурашки.
И все беспечно
веселит —
От теплой сырости
до штрафа.
И необычен
свой же быт,
Как биография
жирафа...
И чувства,
отданные в рост...
И ливнем
вымытые тени...
В апреле сердце,
как матрос
В порту
лукавых наваждений.
На жактовском дворике тоже весна,
Голицо-сопрано визжит у окна:
«Прощайте, перчатки и шапка!» Орет
Гавайской гитарой — взволнованный кот.
На кухне нет ругани.— Мир и уют,
Так тихо, что слышно, как дети растут.
Школьник мечтает, весне очень рад,
Нельзя ли пальто перешить в стратостат?

Сунув под мышку засаленный том,
Уходит Весну прописать управдом.

Лучи сверкают
рыжей стаей,
В прозрачном небе
теплота.
И, ранив яркою
приманкой
Сердечко детское
в груди,
Товары
старой китаянки
Кричат зиме:
«Уйди!
уйди!»

1934

МНОГОЭТАЖН

Римма КАЗАКОВА

Живу над «Березкой»...
Мне нравится,
хотя и вот-вот надоест,
как чекодержатели давятся
и греться заходят в подъезд.

И, чем-то постыдно убогая,—
скорее,
скорее,
скорей! —
вскипает торговлишка бойкая
валютой
у наших дверей.

Конечно, есть личности разные
на том пятачке небольшом.
Спецы. Дипломаты... Сограждане,
страдавшие за рубежом.

Их вовсе обидеть не хочется,
да и не о них разговор.
Но топчется очередь, корчится...
Беда. Смех и грех. И укор.

Сама покупала, бывало, я
на чеки платки и духи.
Мне благ этих толика малая
давалась подчас за стихи.

Не даром
и не уворовано,—
цена и оценка труда,—
а все-таки белой вороною
себе я казалась тогда.

А здесь, у «Березки» технической,
где нынче — базар и вокзал,
не раз некий тип демонический
вопросом:
— Есть чеки?! —
терзал.

На этаких
небо обрушено!
Их день —
беспросветен и лих.
Шипит спекулянтская шушера
и стонет у окон моих.

Отменят «Березку».
И нравится
мне жесткий такой поворот.
Отмоем понятие «равенство»,
припомним, что значит — народ!

Давайте-ка все же — по совести,
на радость, а не на беду,
от каждого — впрямь! —
по способности
и каждому — лишь по труду...

И — чистою,
вечною,
истинной,
чей облик так много таит, —
пусть будет березкой единственной
березка, что в поле стоит.

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

Стоит спуститься с этажа поэтической публицистики в прозаический полуподвал подле магазина. Чего только не увидишь в служебном помещении участкового инспектора. Лица меняют лица, потом начинают повторяться. «Клиентов» встречают, как хороших знакомых. И беседы зачастую протекают в самых мирных тонах. Тут бы и опустить резвое перо...

Но на улице здешние завсегдатаи, упреждая просьбу, мгновенно извлекают паспорт и протягивают работнику милиции. А затем, как правило, покорно следуют за ним, не испытывая, видимо, ни малейшего трепета. А через час-другой возвращаются на свои постоянные места — искать своих «лохов».

Так эти люди называют владельцев чеков «Внешпосылторга». Их самих, по принятой при «Березках» терминологии, именуют «ломщиками». При них, случается, действуют помощники, обрабатывающие продавца чека, нареченные «съемщиками». Таким специалистом может оказаться миниатюрная, беззащитная девушка, деньги которой у «брата». То бишь «ломщика», виртуозную работу которого по-свойски продемонстрировал один из таких «специалистов». Он, правда, пожелал остаться неизвестным.

— Итак, ты «лох»,— пояснял он процесс.— У тебя пятьсот чеков, и хочешь их «сдать» один к двум. То есть за тысячу рублей. Я достаю пачку денег. Она, заметь, согнута пополам, «сломана», по-нашему. Теперь считай...

— Тут полсотни не хватает.

— «Не может быть»,— говорю я, пересчитываю и, извинившись, лезу в карман и достаю заранее заготовленную банкноту. Ты отвлекаешься на этом движении. Я кладу купюру сверху и вручаю тебе. Ты мне чеки...

И в этот момент я «ломаю» ровно половину пачки. Больше нельзя — «статья». А уж почему ты этого не заметил, — спроси у иллюзиониста Акопяна. Он любит показывать фокусы...

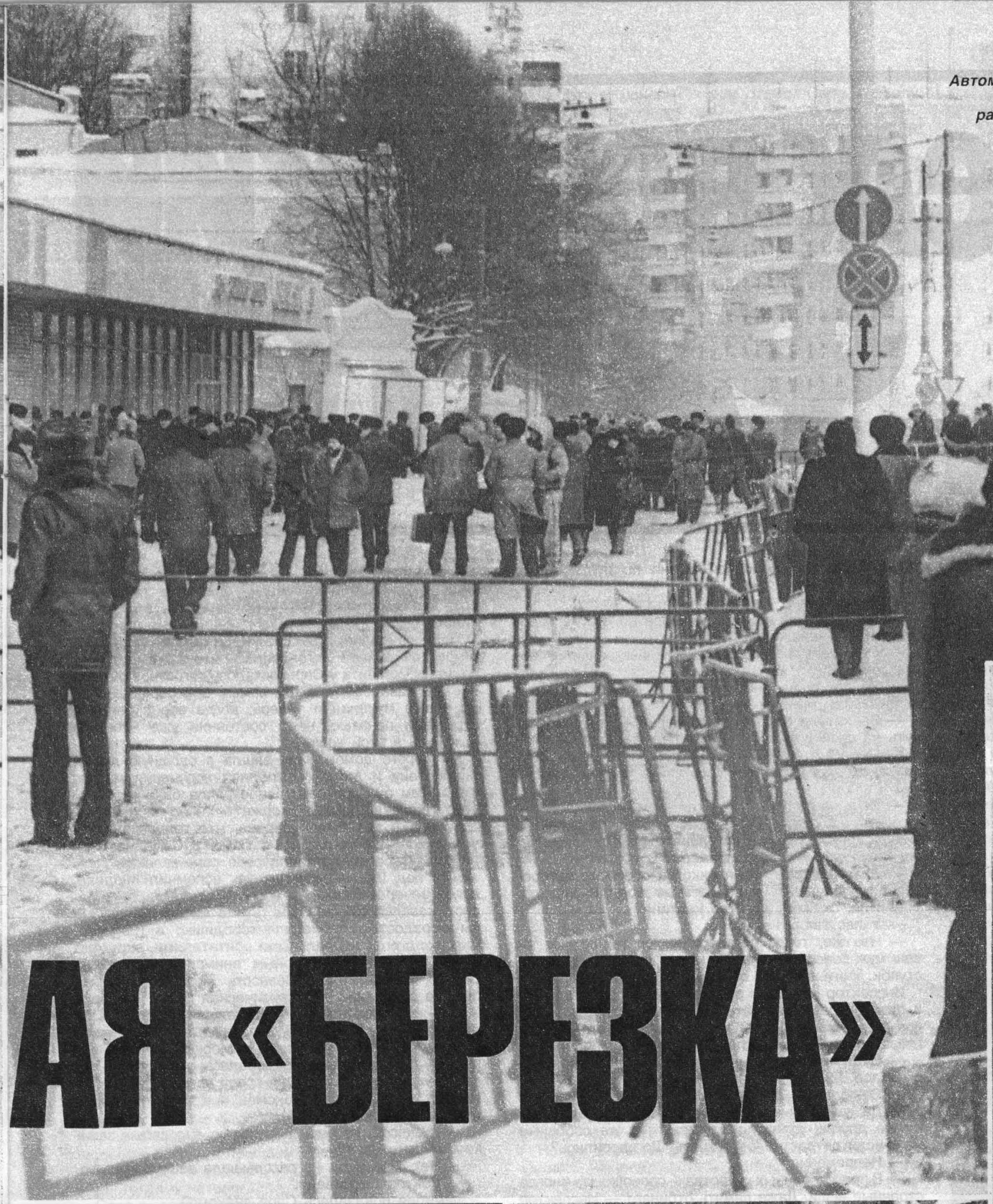
— Но это обман!..

— А кого я обманул? Спекулянта, который хочет продать чеки за двойную стоимость? Нет, дорогой, я санитар общества. И действия мои уголовному кодексу не противоречат. Вот посижу тут часок, погреюсь и пойду «лоха» ловить. Он-то, хе, мерзнет. Сговорчивей будет...

— Ну, хорошо, а какова конечная цена чека?

— По рубль пятьдесят копеек. Но ты поймай меня! Я к «Березке» не пойду...

Закон бессилен против «ломщиков». Все они по документам либо сезонные рабочие, либо инвалиды второй группы. Переосвидетельствовать же их можно только по месту жительства. Так что Закон о нетрудовых доходах им не грозит.



Автомобильное движение разрешено...

АЯ «БЕРЕЗКА»

И это все мое!

— А их доход между тем доходит до пятнадцати тысяч рублей в месяц,— сообщает оперуполномоченный уголовного розыска 22-го отделения милиции Москвы О. М. Рафеенков.

— Но мы ничего не можем предпринять против них, хотя и знаем их в лицо, знаем, что именно они — профессиональные спекулянты. Гораздо более высокой квалификации, чем незадачливые любители.

— У вас дома есть словарь Даля? — спросил меня один из «ломщиков».— Вот и посмотрите, что означало прежде хорошее слово «спекулятор».

Я нашел это слово у Владимира Ивановича. Оно означает «предприимчивый, оборотливый человек». Но есть у него и другое, более подходящее для такого случая значение — «палач». «Ломщик», разумеется, голов не рубит. Но и не щадит. И даже, со своей точки зрения, борется за социальную справедливость.

На московской Сухаревке лет сто назад бытовала пословица — «на грош пятаков». Астраханский переулок неподалеку от былой Сухаревки — система ловкачей прежняя, способы изменились. Алчность наказуема, как всегда. Так что, наживайтесь, граждане! Ступайте к «ломщикам». Их можно легко узнать: в мороз они в дубленках, на голове — дорогая шапка, всегда широкие штаны с множеством карманов. В оттепель — суперкуртки, шапки остаются. Модная обувь в несмываемых многослойных белых разводах от постоянной «тусовки» в снеговой жиже.

Гордость — наживе не помеха.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Морис Касл и Артур Дэвис работают в африканском секторе британского разведуправления. Коммунисты спасли от тюрьмы будущую жену Мориса, африканку, и помогли ей бежать из ЮАР. Не разделяя марксистского учения, Касл в благодарность за спасение жены передает им секретные сведения — так он борется с режимом апартеида. Из-за этого погибает Дэвис, которого подозревают в двойной игре и отравляют. Возникает необходимость срочно переслать важную информацию. Морис делает это, понимая, что тем самым выдает себя. Он отправляет Сару с сыном к матери, а полковнику Дейнтри, который по поручению главы разведуправления Харгривза и доктора Персивейла проверяет, дома ли Касл, говорит, что жена ушла от него. После отъезда полковника Морис сидит один в доме в ожидании ареста. Однако в последний момент, когда Касл готов впасть в отчаяние, прибывает связной и увозит его в аэропорт. В гостинице до неузнаваемости изменили его внешность. Не вызывая подозрений у агентов, Морис садится в самолет и улетает.

Инспектор внимательно разглядывал трубки, аккуратно разложенные на специальной подставке. Очевидно, он был знатоком курительных трубок и по достоинству оценил коллекцию.

— Спасибо, что сами пришли сюда, а не просто известили меня о случившемся по телефону.

— Понимаете, миссис Касл, я пришел еще и потому, что у меня к вам есть несколько вопросов. Полиция в Беркампстеде считает, что ваш дом могли обокрасть. Окно на кухню, как я сказал, было приоткрыто, и грабитель, видимо, застрелил собаку. По всей вероятности, вещи на своих местах, но это можете подтвердить только вы или ваш муж. Однако связаться с ним, очевидно, так и не удалось. У мистера Касла есть недоброжелатели? Следов борьбы в доме не обнаружено, да их, видимо, и нет, поскольку злоумышленник был, очевидно, вооружен.

— Мне ничего не известно о его возможных недругах.

— Кто-то из соседей обмолвился, что ваш муж будто работает в министерстве иностранных дел. Сегодня утром с большим трудом удалось разыскать подразделение, где он работает, но там сказали, что ваш супруг с пятницы не появлялся на службе. Хотя в принципе должен был бы... А когда, миссис Касл, вы видели мужа в последний раз?

— В субботу утром.

— Вы приехали сюда в субботу?

— Да.

— А он остался дома?

— Да. Понимаете, мы решили с ним расстаться. Навсегда.

— Вы поссорились?

— Мы так решили, инспектор. Мы женаты семь лет. После семи лет семейной жизни по пустякам не ссорятся.

— А револьвер у него был, миссис Касл?

— Мне об этом по крайней мере ничего не известно. Но не исключено.

— Он очень расстроился, что вы решили расстаться?

— Никто из нас не испытывал особой радости, если вы так ставите вопрос.

— Вы хотели бы поехать в Беркампстед и взглянуть на свой дом?

— Сама я этого не хочу, но они ведь могут, надо полагать, заставить меня поступить так, не правда ли?

— Речь не об этом. Но, видите ли, нельзя исключить, что ваш дом обокрали... Может, пропали какие-нибудь ценные вещи, а установить это без вас нельзя. Ваши украшения, к примеру?

— Драгоценности меня никогда особо не интересовали. Мы ведь не такие богатые люди, инспектор.

— Или, скажем, дорогая картина?

— У нас таких нет.

— Что же, тогда остается выяснить, не мог ли ваш муж совершить какой-нибудь необдуманный поступок. Учитывая, что он был расстроен и вооружен.

Инспектор взял в руки китайскую пепельницу и стал ее рассматривать. Затем снова переключил все внимание на Сару. Она поняла, что его добрые глаза вовсе не были глазами невинного ребенка.

— Судя по всему, такое предположение вас, миссис Касл, нисколько не тревожит.

— Отнюдь. Не думаю, что он пошел бы на это.

— Да, да, понимаю. Безусловно, вы знаете его лучше других; думаю, вы правы. Тут же сообщите нам, если он даст о себе знать. Договорились?

— Непременно.

— В расстроенных чувствах совершают иногда странные вещи. Даже память отбивает.— Инспектор напоследок взглянул на коллекцию трубок, будто расставался с ней помимо своей воли.— Я позвоню в Беркампстед, миссис Касл. Хочу надеяться, что вас больше не потревожат. Проинформирую вас, когда что-нибудь прояснится.

Уже в дверях Сара спросила инспектора:

— Откуда вам известно, что я здесь?

— Соседи и дети знают обычно гораздо больше, чем нам кажется, миссис Касл.

Сара подождала, пока инспектор благополучно не сел в машину, и только тогда вернулась в дом. Она решила ничего пока не говорить Сэму. Пусть сын сначала немного отвыкнет от Буллера. Вторая, настоящая миссис Касл встретила Сару в гостиной.

— Обед стынет,— сказала она.— Так это действительно был полицейский?

— Да.

— Что ему нужно?

— Адрес Мориса.

— Зачем?

— Не знаю.

— И ты дала ему адрес?

— Дома Мориса нет. Откуда я знаю, где он?

— Надеюсь, этот полицейский здесь больше не появится.

— Не удивлюсь, если он заглянет снова.

Дни шли своей чередой, но от инспектора Батлера не было никаких известий. Сара больше не звонила в Лондон, поскольку это не имело смысла. Как-то раз, когда по поручению свекрови она разговаривала по телефону с мясником, чтобы заказать телячьи отбивные, ей показалось, что аппарат прослушивается. А может, у нее разыгралось воображение? Ведь техника подслушивания достигла таких высот, что простому смертному заметить это не по силам.

Под давлением миссис Касл Сара побывала в местной школе и договорилась, что Сэм будет туда ходить. От визита у Сары осталось тягостное ощущение, ей казалось, что тем самым она обрекла себя на новые мучения и теперь, когда все скреплено сургучной печатью, не в состоянии уже что-либо изменить в этой жизни.

По дороге домой Сара зашла в овощную лавку, библиотеку и аптеку, выполняя поручения миссис Касл. Там она соответственно взяла баночку зеленого горошка, роман Джорджетт Хейер и упаковку аспирина (Сара была уверена, что головные боли у миссис Касл из-за них с Сэмом). Сама не зная почему, Сара представила себе серо-зеленые горы земли под Йоханнесбургом. Их вспомнил Мюллер, когда вечером заехал в гости. Мюллер, враг и расист, казался сейчас Саре ближе миссис Касл. Она бы с радостью променяла городишко в графстве Суссекс с его либеральными обитателями, окружившими ее таким притворным вниманием, даже на Соуэто. Нарочитая любезность может причинить больше страданий, чем физическая боль. Человеку нужна не любезность, а настоящая любовь. Она любила Мориса, любила запахи своей увядающей страны. Теперь у нее нет ни Мориса, ни родины. Может, поэтому Сара обрадовалась, услышав по телефону голос недруга. Она сразу поняла, что с ней говорит враг, хотя незнакомец представился «другом и коллегой мужа».

— Надеюсь, не очень беспокою вас своим звонком, миссис Касл?

— Нет. Простите, не расслышала вашу фамилию.

— Доктор Персивейл.

Фамилия показалась Саре знакомой.

— Слушаю. Морис мне что-то говорил о вас.

— Мы как-то отлично провели время в Лондоне.

— Да, да, теперь вспомнила. Дэвис тогда тоже был с вами.

— Бедняга Дэвис.— Последовала пауза.— Хотелось бы знать, миссис Касл, не можем ли мы с вами побеседовать?

— По-моему, мы сейчас этим и занимаемся.

— Хотелось бы поговорить более откровенно, не по телефону.

— Но я нахожусь не так близко от Лондона.

— Мы могли бы прислать за вами машину, если пожелаете.

«Мы»,— подумала Сара.— Вот этим самым «мы» он выдал себя, дав понять, что говорит от имени организации. Такие слова, как «мы» или «они», отпугивают, поскольку служат предостережением, заставляют быть начеку.

— Думаю,— продолжил вкрадчивый голос,— если у вас найдется время, мы могли бы пообедать вместе где-то на этой неделе...

— Не уверена, что мне это удастся.

— Я хотел поговорить о вашем муже.

— Да, я уже догадалась.

— Мы все несколько обеспокоены за Мориса.

Сара мгновенно почувствовала облегчение. «Мы» означало, что им, возможно, и инспектору Батлеру хорошо известно, где сейчас Морис. Далеко — между ними простиралась вся Европа. Сара почувствовала себя так, будто вместе с Морисом сумела скрыться от них и была на полпути к своему дому, который находился для нее теперь там, где жил муж. И все же нужно проявлять осторожность, как в те старые времена в Йоханнесбурге.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—14.

— Проблемы Мориса меня больше не волнуют,— ответила Сара.— Мы с ним расстались.

— И все же, полагаю, вам небезразлично узнать, что с ним?

Значит, у них имелись сведения о Морисе. Сара вспомнила слова Карсона: «Он в безопасности в Лоренсу-Маркише. И ждет тебя. Надо лишь переправить туда тебя саму». Если Морис на свободе, то скоро они снова будут вместе. Сара поняла, что улыбается. «Слава богу,— подумала она,— что они не изобрели еще видеотелефона». Она постаралась взять себя в руки и серьезным тоном ответила Персивейлу:

— Боюсь, меня не очень интересует, где сейчас Морис. Может, вы мне напишете? А то мне не на кого оставить ребенка.

— Нет, миссис Касл. Это вряд ли возможно. Просто есть вещи, о которых неудобно писать. Что вы скажете, если мы пришлем машину завтра?..

— Завтра не годится.

— Тогда в четверг.

Сара выдерживала паузу до тех пор, пока молчать дольше было просто неприлично.

— Пожалуй...

— Мы можем прислать за вами машину в одиннадцать часов...

— Особой необходимости в этом нет. Есть удобный поезд, он отходит отсюда в одиннадцать пятнадцать.

— Ну и отлично. Встретимся тогда в ресторанчике «Браммеллз», что у вокзала Виктория.

— На какой это улице?

— Ну вот тут я и попался. По-моему, Уолтон или Уилтон-стрит, но нестрашно, любой таксист доставит вас в «Браммеллз». Там очень уютно и тихо,— успокаивающе добавил собеседник, словно профессионально рекомендовал какую-нибудь престижную частную клинику.

Сара хорошо представила себе этого человека: видимо, самодоволен, как и большинство врачей, имеющих знатную клиентуру; моноклем он наверняка пользуется только для того, чтобы выписать рецепт. Что, в свою очередь, как и вставание кого-то из членов королевской семьи, должно дать пациенту понять, что визит окончен.

— Тогда до четверга,— сказал Персивейл.

Сара не ответила, положила трубку и направилась в гостиную. Она снова задержалась к обеду, но это ее мало волновало. Про себя она напевала «слава всевышнему», вспомнив, что этому ее когда-то учили миссионеры-методисты. Миссис Касл смерила ее удивленным взглядом.

— Что случилось? Что-нибудь произошло? Опять звонил тот полицейский?

— Нет. Звонил доктор. Друг Мориса. Ничего не случилось. Вы не станете возражать, если я съезжу в четверг в Лондон? Утром отведу Сэма в школу, а домой он вернется сам.

— Конечно, нет. Но я планировала позвать мистера Боттомли на обед.

— Вот и отлично. Сэму и мистеру Боттомли как раз будет о чем поговорить друг с другом.

— Находясь в Лондоне, ты предполагаешь встретиться с адвокатом?

— Возможно.— Такая полуложь была мелкой монетой за счастье, вновь обретенное Сарой.

— А где ты тогда будешь обедать?

— Это не проблема, перехвачу где-нибудь сэндвич.

— Все же жаль, что ты собралась ехать именно в четверг, я сделала мяснику специальный заказ. Тогда,— не преминула воспользоваться случаем миссис Касл,— если заглянешь перекусить в «Харродз» [1], купи мне там что-нибудь.

Ночью Сара никак не могла заснуть. Ей словно удалось наконец достать календарик, и можно теперь отсчитывать дни положенного срока. По телефону звонил враг — Сара ничуть не сомневалась. Но он не принадлежал ни к южноафриканской секретной полиции, ни к БОСС, поэтому особых причин для беспокойства у нее вроде и нет. Ведь в ресторане ее не станут избивать, так что глаза и зубы будут целы.

Сара несколько разочаровалась, вычислив доктора Персивейла, который дожидался ее в конце поблескивающего зеркалами зала ресторана «Браммеллз». И выглядел Персивейл вовсе не таким, каким она его себе представляла, а скорее походил на старомодного семейного врача — носил очки в серебряной оправе и не пытался скрывать свою полноту. Когда Персивейл поднялся из-за стола, чтобы поздороваться с Сарой, в руках вместо рецепта он держал огромное меню.

— Очень рад, что у вас хватило мужества прийти сюда,— обратился он к Саре.

— Почему мужества?

— Ирландские террористы любят подбрасывать бомбы в этот ресторанчик. Однажды такое уже было. Но в отличие от авиационной бомбежки, когда бомба дважды не попадает в одно и то же место, не исключено, что ирландцы могут повторить свой налет.

Персивейл передал ей меню. Целая страница, заметила Сара, посвящена закускам. А все меню, где на титульном листе красовался портрет мужчины и которое нарочито именовалось «выбор блюд», казалось почти таким же длинным, как и местный телефонный справочник миссис Касл. Доктор Персивейл любезно заметил:

[1] Один из самых фешенебельных универмагов Лондона.

— Копченую форель я бы вам заказывать не советовал, здесь она несколько суховатая.

— Вообще-то я не особенно голодна.

— Надо, чтобы у вас появился аппетит. Для начала бокал хереса, пока будем беседовать о наших делах?

— Я бы предпочла виски, если не возражаете.

Когда официант поинтересовался, какой сорт виски ей подать, Сара попросила «джей-энд-би».

— Закажите, пожалуйста, для меня сами,— обратилась она к доктору Персивейлу.

Чем раньше они разделаются с полагающимися в таких случаях условностями, тем скорее она сможет услышать новости о муже, поскольку пришла сюда ради этого.

На стене висел большой портрет Джорджа Брайана Браммелла, именем которого назван ресторан, тот же портрет оттиснут и на обложке меню. Интерьер ресторана был безупречным. По всему чувствовалось, что хозяева заведения не поскупились на средства. В зале сидело еще несколько посетителей. Мужчины походили друг на друга, словно хористы из старомодной музыкальной комедии, одинаково подстриженные и одетые в темные костюмы и жилеты. Столики в ресторане находились друг от друга на почтительном расстоянии, и два столика рядом пустовали. «Интересно,— подумала Сара,— так предусмотрено специально или это просто стечение обстоятельств?» Только сейчас Сара обратила внимание, что на окнах снаружи решетки.

— В подобных ресторанах,— заметил доктор Персивейл,— лучше всего заказывать что-нибудь из национальной английской кухни. Я бы, например, предложил ланкаширское рагу.

— Заказывайте все, что пожелаете.

Персивейл довольно долго изучал меню и выбирал вино. Наконец он обратил внимание на Сару, разглядывая ее сквозь очки в серебряной оправе.

— Итак, самая тяжелая работа позади,— с облегчением вздохнул Персивейл.— И дело теперь за ними.— Доктор отпил из бокала, смакуя херес.— Миссис Касл, видимо, все это время вы сильно волновались.— Он протянул руку и коснулся ее запястья, словно на самом деле был семейным врачом.

— Волновалась?

— День за днем в ожидании известий...

— Вы, по всей вероятности, имеете в виду Мориса...

— Мы все очень дорожили Морисом.

— Вы говорите о нем в прошедшем времени, так, будто его уже нет в живых.

— Я не это хотел сказать. Разумеется, мы и сейчас весьма ценим Мориса. Однако он выбрал иной путь и, как мне кажется, чрезвычайно опасный. Хотим надеяться, что вас это не коснется.

— Каким образом? Мы же с ним разошлись.

— Ну да, верно. Вполне естественно. Ведь пытаться скрыться вдвоем — слишком вызывающе. И тогда паспортные контролеры наверняка бы уже не сглупили. Ведь вы весьма привлекательная женщина, притом цвет кожи...— После небольшой паузы Персивейл продолжил:— Конечно, нам известно, что он не звонил вам домой. Но существует так много способов дать о себе знать — взять, к примеру, общественные телефоны-автоматы или посредников. Мы не в состоянии следить за всеми его друзьями, даже если бы и знали, кто они.

Персивейл отодвинул в сторону бокал с хересом и освободил место для тарелки с рагу. Сара почувствовала себя менее скованно, когда они вот так, вплотную, заговорили о самом главном.

— Считаете меня тоже предателем? — спросила она Персивейла.

— Понимаете, в конторе мы не употребляем такие слова. «Предатель» — термин для газетчиков. Вы африканка — я не акцентирую, что вы именно из Южной Африки,— так же, как и ваш сын. Очевидно, этот факт в значительной степени повлиял на Мориса. Давайте скажем,— он выбрал для себя иное подданство.— Персивейл попробовал рагу.— Осторожно.

— Что?..

— Я хотел сказать, что морковь очень горячая.

Если это был допрос, то здешние изощренные методы напрочь отличались от методов агентов секретной полиции Йоханнесбурга и Претории.

— Дорогая моя,— обратился к Саре Персивейл,— как вы намерены поступить, когда он все же выйдет с вами на связь?

Сара решила больше не осторожничать. До тех пор, пока она будет скрытничать, она ничего не выяснит.

— Поступлю так, как он мне скажет,— заявила Сара.

— Очень рад, что вы ответили именно так,— парировал доктор Персивейл.— Значит, можем говорить друг с другом вполне откровенно. Конечно, нам известно, и, думаю, вам тоже, что он благополучно добрался до Москвы.

— Слава богу!

— Насчет бога не уверен, а его советских друзей поблагодарить можете. И если не быть категоричным, в данном случае бог оказался на их стороне. Могу также предположить, что рано или поздно Касл предложит вам отправиться к нему.

— И я поеду.

— Вместе с ребенком?

— Разумеется.

Доктор Персивейл снова с удовольствием принялся за рагу. Он, несомненно, принадлежал к числу тех, кто получал истинное наслаждение от еды. Сара осмелела, услышав, что Морис находится в безопасности.

— Вы не можете помешать мне уехать.

— Не надо заявлять это так безапелляционно. Вам, вероятно, известно, что в конторе заведено на вас солидное досье. Там, в Южной Африке, вы были очень дружны с неким деятелем по фамилии Карсон, коммунистическим агентом.

— Да, верно. Я помогала Морису, работая на вас, хотя тогда и не подозревала об этом. Морис говорил, это нужно для его книги, которую он писал об апартеиде.

— Не исключено, что Морис уже тогда помогал Карсону. И теперь Морис в Москве. Строго говоря, это, собственно, не входит в нашу компетенцию. Но МИ-5 вполне может решить, что в вашем деле надо разобраться по-настоящему. Если хотите получить совет человека опытного, дружески относящегося к Морису...

Сара вдруг вспомнила неуклюжего мужчину в длинном пальто, как он играл с Сэмом в прятки в холодном лесу.

— И к Дэвису,— вставила она.— К Дэвису вы тоже относились дружески, не так ли?

Доктор Персивейл не донес ложку с соусом до рта.

— Не говорите, бедняга Дэвис! Прискорбный случай... В общем, он был еще молод.

— Лично я портвейн не пью,— намекнула Сара.

— Моя милая, вы не совсем последовательны. Давайте решим насчет портвейна, когда станем выбирать сыры. Здесь, кстати, подают отличный «уэнслидейл». Я лишь хотел сказать вам, что не следует принимать опрометчивых решений. Оставайтесь спокойно в провинции и живите у свекрови с вашим сыном.

— С сыном Мориса.

— Вероятно.

— Что вы имеете в виду под «вероятно»?

— Вы ведь встречались с Корнелиусом Мюллером. Довольно несимпатичный тип из БОСС... Одна фамилия чего стоит! Так он считает, что настоящий отец ребенка — дорогая, вы должны простить меня за грубые намеки, просто хотелось бы предостеречь вас от тех ошибок, которые допустил сам Морис...

— Не усматриваю пока в ваших словах ничего предосудительного.

— Так вот, Мюллер полагает, что отцом ребенка должен быть кто-либо из ваших соплеменников.

— Догадываюсь, кого он имел в виду, но если и так,— его давно уже нет в живых.

— Но он жив.

— Нет, он убит во время бунта.

— Вы лично видели его труп?

— Нет, но...

— Этот человек в тюрьме. Отбывает пожизненное заключение. Так говорит Мюллер.

— Не верю.

— Мюллер утверждает, что парень готов заявить об отцовских правах на ребенка.

— Мюллер лжет.

— Ну, да, конечно, не исключено. Африканец может оказаться подставным лицом. Лично я не вдавался пока в юридические тонкости, но сомневаюсь, удастся ли ему доказать что-либо в наших судах. Ребенок вписан в ваш паспорт?

— Нет.

— А свой паспорт у него есть?

— Нет.

— Тогда, чтобы вывезти мальчика из страны, вам придется подать прошение о выдаче ему паспорта. А это связано, как правило, с бюрократической волокитой. Чинуши, ведающие паспортами, могут иногда тянуть дела до бесконечности.

— Какие же вы негодяи! Сначала вы убили Карсона. Потом убили Дэвиса. А теперь...

— Карсон умер от воспаления легких. Бедняга Дэвис скончался от цирроза печени.

— О том, что это было воспаление легких, говорит Мюллер. О том, что все дело в циррозе печени, говорите вы. Теперь вы угрожаете мне с Сэмом.

— Не угрожаю, дорогая, а советую.

— Да, ваши советы...

Сара была вынуждена замолчать. К столику подошел официант, чтобы убрать тарелки. Доктор Персивейл доел рагу, Сара к еде не притронулась.

— Как вы отнесетесь к старому доброму английскому пирогу с яблоками и гвоздикой? И немного сырку на десерт?

Доктор Персивейл обратился к Саре вполголоса, игриво наклонясь в ее сторону, словно называл цену, которую готов был заплатить за определенные услуги.

— Нет. Благодарю. Мне ничего больше не надо.

— Тогда, голубчик, принесите счет,— с явным сожалением сказал доктор Персивейл официанту. Когда официант отошел от столика, он упрекнул Сару:— Миссис Касл, не стоит обижаться. Лично я ничего против вас не имею. Если вы обозлитесь, то наверняка наделаете много ошибок. Это как попасть не в свой квадрат или ячейку.— Он стал развивать любимую теорию, но потом замолчал, очевидно, поняв, что в данной ситуации подобное сравнение неуместно.

— Сэм — мой сын. И я вправе увезти его, куда захочу. В Москву, в Томбукту, в...

— Вы не сможете взять Сэма с собой до тех пор, пока у него не будет паспорта. И мне очень не хотелось бы, чтобы МИ-5 предприняла против вас какие-либо предупредительные меры. Если, например, они узнают, что вы подали прошение о паспорте... а об этом они обязательно...

Сара встала и ушла, ушла, невзирая ни на что, оставив доктора Персивейла дожидаться, пока принесут счет. Задержись еще на минуту — и она не была уверена, что не бросилась бы на доктора с десертным ножом, который не успели убрать со стола. Однажды Сара видела, как в общественном парке Йоханнесбурга зарезали какого-то белого. Комплекцией пострадавший чем-то напоминал Персивейла. Со стороны это казалось совсем несложным. В дверях Сара обернулась и посмотрела на доктора. На фоне зарешеченного окна казалось, что Персивейл сидит в полицейском участке. Доктор, конечно, следил за женщиной глазами и осторожно погрозил ей указательным пальцем. Хотел ли он этим жестом сделать Саре замечание, или предупреждение, ее не волновало.

Глава II

Врач подтвердил опасения Сары в отношении Сэма. Однако первые хрипы распознала миссис Касл. Пожилым людям не требуется специальной медицинской подготовки. Похоже, диагнозы они научились ставить благодаря накопленному жизненному опыту, а не шестилетней учебе в медицинских институтах. Доктор в данном случае требовался лишь для того, чтобы юридически одобрить, чтобы проштамповать ее собственные назначения. Врач был молодой и относился к миссис Касл с величайшим уважением, как к крупному специалисту, у которого мог почерпнуть необходимые сведения.

— А у вас дети вообще часто болеют коклюшем? Я хотел сказать, у вас дома? — спросил доктор Сару. Под «домом» он, вне всякого сомнения, имел в виду Африку.

— Не знаю. А это опасно? — в свою очередь, поинтересовалась Сара.

— Нет, не опасно,— добавил врач.— Но карантин довольно большой.

Последнее замечание доктора прозвучало малоутешительно. Теперь, когда Мориса нет рядом, Саре не с кем было поделиться своими горестями. Миссис Касл сохраняла невозмутимое спокойствие — пожалуй, лишь несколько раздражена переменами, нарушившими установленные в доме порядки. Если бы не эта дурацкая ссора, полагала миссис Касл, Сэм спокойно мог бы болеть у себя дома в Беркампстеде, и она тогда давала бы все необходимые советы по телефону. Свекровь оставила их вдвоем, послав Сэму воздушный поцелуй, взмахнув старческой ладонью, напоминавшей сморщенный осенний листок. Миссис Касл пошла вниз смотреть телевизор.

— А дома мне болеть никак нельзя? — спросил Сэм.

— Нет. Тебе нужно оставаться здесь, пока не поправишься.

— Жаль, что тут нет Буллера, я хотя бы с ним тогда разговаривал.— По собаке Сэм скучал больше, чем по Морису.

— Тебе почитать?

— Да, пожалуйста.

— А потом ты поспишь.

Сара все же успела захватить с собой несколько книжек, когда они впопыхах складывали вещи перед отъездом. Среди них оказалась и та, которую Сэм окрестил «книжкой про сад». Мальчику она нравилась больше, чем матери. В ее воспоминаниях о детстве не было места для сада: лучи безжалостного солнца накаляли кровлю из рифленого железа и обжигали, когда они играли на глиноземе. Даже методисты не могли сделать так, чтобы там проросла зеленая травка.

Сара открыла книгу. В гостиной работал телевизор. Даже на расстоянии приглушенные голоса нельзя было принять за живую человеческую речь, настолько искаженными, словно загнанными в жестянку, они казались.

Сэм заснул до того, как Сара начала читать. Одну руку мальчик по привычке свесил вниз, чтобы Буллер полизал ее. «Разумеется, я очень люблю сына,— подумала Сара.— Но сейчас сын стал вроде кандалов, которыми охранка сковала меня по рукам и ногам. Пройдет немало времени, прежде чем меня освободят... но и тогда...» Сара мысленно вернулась

в роскошный ресторан, где доктор Персивейл погрозил ей пальцем.

Неужели и болезнь сына они тоже могли подстроить?

Сара тихо прикрыла дверь и спустилась вниз. Скрипучий, как из жестянки, голос смолк — телевизор выключили. У лестницы ее ждала миссис Касл.

— Я пропустила новости,— начала Сара.— Сэм попросил ему почитать. Мальчик уже уснул.

Свекровь смотрела мимо нее, словно пыталась разглядеть что-то ужасное.

— Морис находится в Москве,— проговорила она.

— Да, знаю.

— Его показали по телевизору в окружении журналистов. Он оправдывался. У него, однако, хватило выдержки и нахальства... Так ты поругалась с ним из-за этого? Ты поступила абсолютно правильно, уйдя от него.

— Но на самом деле все обстоит иначе,— пыталась объяснить Сара.— Мы только сделали вид, что поссорились. Он не хотел впутывать меня.

— Но все же пришлось.

— Нет.

— Ну и слава богу! Не хотелось бы мне выставлять тебя за дверь с больным ребенком.

— А Мориса вы бы выставили за дверь, зная, что произошло?

— Нет, я бы попыталась его задержать до прихода полиции.

Миссис Касл повернулась и направилась обратно в гостиную, она прошла почти всю комнату, пока, как слепая, не наткнулась на телевизор. Она на самом деле была сейчас, как слепая, заметила Сара. Свекровь шла по комнате с закрытыми глазами. Сара дотронулась до ее руки.

— Присядьте, пожалуйста. Вы очень взволнованны.

Миссис Касл открыла глаза. Сара ожидала увидеть в них слезы. Но глаза были абсолютно сухи, сухи и беспощадны.

— Морис — предатель,— заявила свекровь.

— Миссис Касл, постарайтесь понять. Во всем виновата я, а не Морис.

— Ты же сказала, что в его делах не участвовала.

— Морис хотел помочь моему народу. Если бы он не любил меня и Сэма... Такую цену он решил заплатить, чтобы спасти нас. Здесь, в Англии, вам просто трудно представить, от каких ужасов он нас спас.

— Предатель!

Сара, вторично услышав это обвинение в адрес мужа, не смогла больше сдерживаться:

— Ну хорошо, пусть предатель. Но кого, позвольте спросить, он предал? Мюллера и его друзей? Секретную полицию?

— Понятия не имею, кто такой Мюллер. Морис предал свою родину.

— Ну, конечно, родину,— проговорила Сара, презирая в душе шаблонные клише, которыми привыкли пользоваться.— Как-то однажды Морис сказал, что его страна — это мы с Сэмом.

— Хорошо, что хоть отца его нет в живых.

«Еще одно клише. В кризисных ситуациях, вероятно, хватаются за старые клише, как ребенок за родителей».

— Отец, возможно, понял бы Мориса лучше, чем вы.

Спорить со свекровью не имело смысла, как и тогда, накануне расставания с Морисом.

— Простите меня,— добавила Сара.— Я не это хотела сказать.— Сара была готова отдать все, что угодно, лишь бы ее оставили в покое.— Я уеду, как только Сэму станет лучше.

— Куда ты поедешь?

— В Москву, если меня выпустят.

— Но Сэм останется тут. Сэм — мой внук. И я — его опекунша,— заявила миссис Касл.

— Только в том случае, если нас с Морисом нет в живых.

— Сэм — британский подданный. Я добьюсь, что как несовершеннолетний он станет подопечным Канцлерского отделения. Завтра же обращусь к своему адвокату.

Сара не имела ни малейшего понятия, что такое «Канцлерское отделение». «Наверно,— подумала она,— еще одно препятствие, которое не мог даже предвидеть незнакомец, звонивший из телефона-автомата».

Мужчина просил простить его за беспокойство и, как в свое время доктор Персивейл, представился другом Мориса. Сара поверила ему больше, чем тогда Персивейлу, хотя незнакомец говорил довольно осторожно, двусмысленно и вдобавок с легким иностранным акцентом. Незнакомец извинился за то, что Сара пока не воссоединилась с мужем. Все довольно быстро организовать, если она решится ехать одна. Но с ребенком практически невозможно пройти паспортный контроль, как бы хорошо ни были подготовлены ее документы.

Тихим от отчаяния голосом Сара ответила:

— Я не оставлю Сэма одного.

Незнакомец, в свою очередь, сказал, что со временем удастся найти способ, чтобы Сэм приехал к ним. Пусть она только доверится ему... Потом он на эзоповом языке стал объяснять Саре, где и как они могут встретиться, что следует взять с собой только ручную кладь — видимо, теплое пальто — всем остальным ее обеспечат.

— Нет. Нет, без Сэма ничего не получится,— произнесла Сара и повесила трубку.

Ну вот, а теперь Сэм вдобавок ко всему заболел. Саре не давала покоя непонятная фраза: «Канцлерское отделение». В ней было что-то казенно-больничное. Неужели ребенка насильно можно поместить в больницу так же, как детей заставляют посещать школу?

Саре не к кому было обратиться за помощью. Во всей Англии она не знала никого, кроме миссис Касл, мясника, зеленщика, библиотекаря, школьной учительницы и, разумеется, мистера Боттомли, который, как ей казалось, подстерегал ее повсюду: у входа в дом, на центральной улице, даже по телефону. Он так долго пробыл в Африке миссионером, что, видимо, чувствовал себя своим лишь в компании Сары. Он был с ней весьма любезен, но досаждал расспросами и время от времени отпускал благочестивые пошлости. «Интересно,— как-то подумала Сара,— а как он поведет себя, если попросить его помочь уехать из Англии».

На следующее утро после пресс-конференции Мориса, о которой передавали по телевизору, Саре почему-то позвонил доктор Персивейл. Выяснилось, что Морису должны заплатить какие-то деньги и доктор хотел узнать номер банковского счета Касла, чтобы перевести туда указанную сумму. В таких вопросах, заверил ее Персивейл, они чрезвычайно щепетильны.

Доктор Персивейл и его люди, вероятно, опасались, что денежные затруднения заставят Сару пойти на отчаянный шаг. Деньги были своего рода взяткой, чтобы удержать ее здесь. Доктор Персивейл добавил тоном домашнего врача:

— Очень рад, что вы, моя дорогая, ведете себя весьма разумно. Оставайтесь и дальше умницей.— С таким же успехом Персивейл мог бы посоветовать: «Продолжайте принимать антибиотики».

В семь часов вечера, когда Сэм уже уснул, а миссис Касл, как она сама выражалась, «приводила себя в порядок» перед ужином, раздался телефонный звонок.

В это время обычно звонил мистер Боттомли, но позвонил Морис. Его было слышно так хорошо, словно он говорил из соседней комнаты. Сара удивленно спросила:

— Морис, где ты?

— Ты знаешь, где я. Я люблю тебя, Сара.

— И я люблю тебя, Морис.

— У нас мало времени,— объяснил Морис,— нас могут разъединить в любой момент. Как дела у Сэма?

— Болеет. Ничего серьезного.

— Борис передал, с ним все в порядке.

— Я ничего ему не сказала. Еще одно дополнительное препятствие. Вообще на нашем пути оказалось довольно много препятствий.

— Да, ты права. Поцелуй за меня Сэма.

— Обязательно.

— Нам не нужно больше притворяться. Теперь нас будут слушать постоянно.— Последовала пауза. Сара подумала, что Морис положил трубку или их разговор прервали.— Я безумно скучаю по тебе, Сара,— снова заговорил Морис.

— И я тоже. Но я не могу оставить здесь Сэма одного.

— Разумеется, нет. Я понимаю.

— Когда он немного повзрослеет...— произнесла Сара и тут же пожалела о сказанном. Слова прозвучали как обещание какого-то призрачного будущего, когда они оба уже состарятся.— Наберись терпения.

— Конечно, Борис тоже так думает. Я потерплю. Как мама?

— О ней мне сейчас не хотелось бы говорить. Давай лучше о нас. Расскажи, как ты там?

— Знаешь, все относятся ко мне очень хорошо. У меня есть работа. Мне признательны. Гораздо больше, чем мне удалось сделать.— Он сказал что-то еще, но Сара не расслышала Мориса из-за шума на линии,— что-то об автоматической ручке и шоколадной булочке: — Так что мать почти не ошиблась.

— А друзья у тебя есть? — поинтересовалась Сара.

— Да, я не одинок. Не беспокойся, Сара. Один англичанин, который раньше работал в Британском совете, пригласил меня к себе на дачу по весне. По весне,— повторил он.

Сара с трудом узнала голос мужа. Говорил пожилой человек, который не мог с уверенностью сказать, что дождется прихода очередной весны.

— Морис, Морис, прошу тебя, давай надеяться на лучшее! — взмолилась Сара.

Последовала длинная, томительная пауза, и она поняла, что разговор с Москвой прерван.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЖУРНАЛ!

Ровно год назад «Огонек» сообщил своим читателям, что готовится новое издание «Журнала мод», и в подробном интервью с его главным редактором Лидией Витальевной Орловой даже рассказал о том, как новинка будет выглядеть. Честно говоря, ни я, автор того интервью, ни моя собеседница в то время не до конца верили в осуществимость этих планов: столь разительным было их отличие от реальных условий, в которых находился тогда «Журнал мод». Ведь даже тот прошлогодний огоньковский материал был посвящен не ему, а выходу в свет на русском языке первого номера всемирно известного западногерманского журнала «Бурда», чье рождение было отмечено красочным шоу в Колонном зале Дома союзов.

На фоне того яркого праздника нарядов особенно контрастно выглядело жалкое прозябание нашего собственного «Журнала мод». Пятнадцать сотрудников его редакции ютились в двух небольших комнатках на Кузнецком мосту. Большего за все 42 года своего существования журнал так и не смог «выбить». Кроме основного издания, крошечный коллектив выпускал еще два журнала: «Модели сезона» и «Мода стран социализма». Их оформление, качество бумаги и печати оставляло желать лучшего и не могло конкурировать с зарубежными образцами, имевшими отличную полиграфическую базу. Оставалось только надеяться, что когда-нибудь и на нашей улице будет праздник.

И он пришел.

Миновал всего год, но как разительны перемены. На том же самом Кузнецком мосту редакция получила наконец просторное помещение, где имеется возможность не просто работать, но делать журнал, достойный наших замечательных женщин. Уже первый номер нового варианта «Журнала мод» показал, как реализованы идеи, еще недавно казавшиеся отдаленной перспективой.

То, что он действительно новый, легко убедиться не только по его внешнему виду, но и по содержанию. Это хорошо, что ему оставили старое имя. Тут и уважение к традиции, и убедительная демонстрация, с чего мы начинали и куда пришли. И определенная надежда на перспективу развития. Если мы всего за год смогли сделать такой разительный рывок, то почему бы в этом направлении не двигаться дальше? Тем более что для совершенства, как известно, пределов нет.

В Государственном центральном концертном зале «Россия» состоялся театрализованный показ моделей, посвященный представлению первого номера «Журнала мод». В этот вечер было сказано много добрых слов и пожеланий в адрес новорожденного, были продемонстрированы лучшие работы модельеров Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Риги, Минска, Вильнюса.

Конечно, кто-то может иронично заметить, что и тут мы не удержались от подражания. Мол, даже идею праздника позаимствовали у прошлогоднего шоу «Бурды». Такая ирония верна только наполовину. Идея праздничного представления будущим читателям нового модного журнала — наше изобретение. И если мы и должны в данном случае сказать спасибо «Бурде», то лишь за то, что она напомнила нам о нашем давнем изобретении. В 1923 году в нашей стране вышел первый советский журнал моды «Ателье», членами редколлегии которого были многие деятели нашей культуры и искусства. Выход первого номера журнала был отмечен праздничным показом модной одежды. Снимал его для кинохроники наш в будущем прославленный оператор Эдуард Тиссэ.

Так что хороших идей в области моды у нас и самих всегда предостаточно. Только вот слишком подолгу мы тянем с их реализацией. Может быть, теперь это дело пойдет несколько быстрее.

Очень уж хотелось бы.

Л. ПЛЕШАКОВ

ПРОШУ СЛОВА

АССОРТИМЕНТ ДЛЯ КОНТИНГЕНТА

Михаил ЗАДОРНОВ

«Редкая птица долетит до середины Днепра» — эти слова мы знаем с детства. А теперь представим себе, что некто работает в современной газете и ему дают задание написать очерк. Думаю, он постарается передать величие Днепра с гораздо большим чувством патриотизма. Скажем так: «Редкий представитель семейства пернатых долетит до середины главной водной артерии Украинской ССР!» И далее поведает нам о том, как чудна эта артерия при благоприятных метеорологических условиях.

Если б А. П. Чехов работал в современной газете, ему бы не дали написать так «несовременно»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...» Он бы наверняка постарался блеснуть журналистским красноречием: «В человеческом индивидууме все должно отвечать эстетическим нормам: и морально-нравственный фактор, и внутренние резервы, и изделия текстильной промышленности, и лицевой фасад...»

Конечно, не каждый журналист может писать так, как классики. Но каждый журналист должен понимать, как сильно влияют на современный русский разговорный язык газеты, радио, телевидение... В словаре Даля более двухсот пятидесяти тысяч слов. А в наше время — статистики подсчитали — журналисты, дикторы и комментаторы пользуются всего двумя тысячами слов. Безусловно, это удобно — образовать из минимального количества слов расхожие «деловые» выражения и закладывать их готовыми в предложения, как кассеты в магнитофон. Например, слово «лес» требует подобрать к нему эпитет,— какой лес? А «лесной массив» уже не требует никакого эпитета. В крайнем случае «зеленый»... и достаточно. Или слово «поле». Надо подумать, крепко напрячься, чтобы описать это поле. А написал «бескрайние просторы», и думать не надо, и начальство довольно. Люди, которые каждый день читают газеты, смотрят телевизор, слушают радио, сами начинают невольно употреблять в своей речи подобные словообразования.

Однажды за мной заехал директор дома отдыха одного министерства. Вечером я должен был там выступать. Когда мы сели в машину, я спросил директора:

— Кто сегодня будет в зале?

Он очень важно мне ответил:

— Контингент у нас широкий!

Хотя мог ответить просто: «Зрители у нас разные».

Русское слово «зрители» — живое. За ним мы видим людей, которые улыбаются, смеются, грустят, гневаются... А «контингент» — слово обезличивающее. Оно осредняет и подстригает всех под одну гребенку. Это и зрители, и покупатели; и офицеры, и японцы... Происходит заимствование иностранных слов, которые можно употреблять не думая и которые обедняют наш родной язык, а следовательно и наше мышление. Потому что в языке отражается образ мыслей человека.

Я задал второй вопрос:

— Как у вас кормят?

Не менее важно он ответил:

— Ассортимент у нас богатый!

Хотя опять-таки мог ответить «Кормят у нас хорошо»

Но, во-первых, он, по-видимому, принимает этот чиновничий язык за красноречие. Во-вторых, ему кажется, что этими словами он как бы доказывает мне свою принадлежность к номенклатуре крупного министерства. А главное, как человек, не чувствующий языка, он не понимает, что ассортимент — это не еда. Это то, что ест контингент!

Так мы и разговаривали, пока ехали.

— Во сколько выступление?

— Сразу после вечернего приема пищи.

— У вас хороший клуб?

— У нас передовой очаг культуры! На двести посадочных мест!

Когда я выступил перед контингентом, после вечернего приема пищи, в передовом очаге культуры, директор пожал мне руку и с необычайной теплотой сказал:

— Благодаря вам мы оптичили еще одно мероприятие!

Признаться, я не сразу понял, что слово «оптичить» означает «поставить за мероприятие галочку». Но ему на всякий случай ответил: «А вас разрешите оспасибить!» Он даже не улыбнулся. По-моему, подумал, что теперь так в «кругах» говорят.

После этого случая я стал все чаще замечать, что продавщицы в магазинах не говорят «посуда», а говорят «посудный инвентарь». Не говорят «ковер», а говорят «ковровое изделие». В профсоюзных и комсомольских организациях процветает словообразование «охваченные взносами». В автобусах то и дело слышится выражение «обилеченный пассажир». В некоторых ЗАГСах молодоженов после регистрации называют «обра́ченными». Ихтиологи изобрели словосочетание «зарыбление водоемов». А зоологи, характеризуя «снежного человека», уверяют, будто он с головы до пят... обволощен. Даже детские врачи стали говорить детям, что им нужно «увеличить калораж питания». По-моему, ребенок, услышав такое, вообще может перестать есть.

Наконец, в газетах читаем, как «славной поступью» кто-нибудь движется куда-то «маршрутами созидания» и чего-то попутно засыпает или заливает в «закрома Родины». Причем, что это такое «закрома Родины» и где они находятся, до сих пор никто не знает. Впрочем, как никто до сих пор не знает, где и кое-что из того, что в них каждый день засыпают.

Наверное, некоторые авторы считают, что «закрома Родины» — это художественный образ. Но образ хорош, когда он использован один раз. Как только он начинает повторяться, он становится таким же штампом, как в банальной прозе «лучи заходящего солнца», «небо, шатром раскинувшееся над головой», «добрая улыбка на лице нашего резидента» и «злобная ухмылка на физиономии их агента»...

Конечно, нельзя винить только журналистов за то, что происходит обеднение нашего родного языка. Да и не всех журналистов можно за это винить. Нельзя судить категориями. Большая вина лежит и на тех, кто издает бесчисленное количество инструкций, положений, памяток, написанных этим уродливым языком. В профкоме одного ПТУ я прочитал название брошюры «Положение об улучшении отпуска сбалансированного рациона питания и контроля за полнотой утвержденного набора продуктов на одного учащегося». Стыдно, очень стыдно! Лучше бы кормили ребят как следует.

Во время съезда комсомола я смотрел телемост. С одной стороны — сибирская стройка, с другой — Дворец съездов. С того конца телемоста рабочий спрашивает у делегатов: «Когда вы нам, наконец, пришлете рабочую форму?» Отвечает одетый с иголочки комсомолец-делегат: «Мы по этому вопросу уже второй год владеем обстановкой!»

Мало кто задумывается над тем, что многие из этих выражений просто неграмотны. Мне недавно позвонили из одного райкома комсомола и спросили, кого бы я мог рекомендовать им для выступления? Я предложил позвонить Е. Петросяну. Инструктор мне ответил: «На Петросяна мы уже выходили». Выходить можно на медведя. А на Петросяна выходить нельзя! Так же неправильно говорить «верный ленинец!» Потому что если человек ленинец, значит, он уже верный идеям Ленина! А если говорят «верный ленинец», значит, имеют в виду, что где-то есть неверные ленинцы.

С другой стороны, разве можно ждать от молодого поколения грамотности, если даже учительница русского языка в средней школе однажды при мне сказала на конференции: «После ремонта наша школа стала не годна для эксплуатации детей».

В школьном учебнике русского языка написано, что существует несколько стилей языка: деловой, разговорный, газетный, литературный... И так далее. Я понимаю, что ученые могут защищать докторские диссертации на эти темы. Чем больше будет этих диссертаций, тем больше будет у нас официально считаться стилей. Но смешно думать, что, приходя на рынок, я должен говорить одним стилем, на работе другим, дома третьим, читать и думать на четвертом... Трудно представить себе А. С. Пушкина, который, написав: «Я помню чудное мгновенье», сядет писать статью в газету, в которой будет восхищаться «закромами Родины». А на следующий день в разговоре с цензором будет защищать ассортимент своих стихов.

Я представляю себе Пушкина в этой ситуации потому, что именно он в прошлом веке оздоровил русский язык, привнес в него снова народную образность и мудрость. В то время, как «избавленные чином от ума» уже тогда начинали уродовать язык иностранными словами и бюрократизмами. И вот теперь эта же опасность угрожает нашему современному языку. И угрожает всерьез!

Восемнадцать миллионов работников в системе управления живут по инструкциям, положениям и памяткам, написанным языком канцелярского красноречия. И если филологи «узаконивают» в новых словарях подобные уродства, значит, эти филологи принадлежат не к истинно российским ученым, а, как точно написано в гардеробах множества институтов, всего лишь к «профессорско-преподавательскому составу». То есть еще к одному обезличенному контингенту, потому что не может ученый-филолог или преподаватель русского языка, который любит свое отечество, сразу после издания антиалкогольного постановления выбросить из учебников русского языка стихи Пушкина: «Выпьем, няня, где же кружка?» Или этот представитель современной филологии считает, что великий поэт в свете последних постановлений подает детям дурной пример спаивания своей няни?

Благодаря приспособленцам, преподавание в школе литературы, к сожалению, чем-то напоминает прививку. Ввели в детстве небольшую дозу вакцины оспы — и человек никогда больше ею не заболеет. Так и с классикой в школе. Ввели небольшую дозу Некрасова, Достоевского, Толстого... и на всю жизнь у всех к ним иммунитет выработали.

Вот и вырастают одно за другим поколения, которые не чувствуют литературного живого русского языка, не понимают, как обидно человеку услышать, что в самый счастливый день тебя назвали «обра́ченным».

Неужели придет время, когда влюбленные будут приходить к своим девушкам с цветами... простите, с букетами цветочно-штучных изделий и... ласково делать такое заявление: «Дорогой друг и товарищ! Я испытываю к тебе всесторонние любовные ощущения, давай организуем с тобой долгосрочную семейную ячейку на взаимовыгодной основе»?

А дети, возвращаясь домой из детского сада, будут говорить родителям: «Мы сегодня всем коллективом играли в войну в обстановке сердечности и полного взаимопонимания!»

Язык отражает мышление человека. Раз обедняется язык, значит, обедняется мышление. Понятно, что для бюрократа его язык, мышление, дела и зарплата составляют единую гармонию. Но невольно задумываешься, сколько же их — обедненных духом и мышлением людей, если они смогли повлиять на язык нескольких поколений!

Мы живем во время освобождения нашего общества от многих накопившихся недостатков. Но перестройка невозможна без личностного мышления. А значит, и без оживления языка. Перестройка не может быть кампанией контингента по улучшению ассортимента. Перестройка не может подчиняться инструкции, положению, памятке... Иначе вековой бюрократ со своим мертвым мышлением навсегда овладеет обстановкой и наша перестройка превратится просто в оптиченное мероприятие.

Тим КЛЭРИ (США). *«ДЕЛО СДЕЛАНО!»*

«УОРЛД ПРЕСС ФОТО-88»

В тридцать первый раз собралось международное жюри «Уорлд Пресс Фото», чтобы определить лучшую фотографию 1987 года.

А начиналось все более трех десятилетий назад, когда по инициативе нескольких голландских фотожурналистов состоялся первый международный смотр такого рода. Сегодня его проводит специальный фонд «Уорлд Пресс Фото», цель которого — пробуждение и распространение интереса к репортерской деятельности как важному средству передачи информации и укрепления международного взаимопонимания.

Конкурс-88 собрал рекордное количество участников — 1234 профессионала из 64 стран мира прислали 9202 работы. Призы по девяти категориям завоевали авторы из Бразилии, Китая, Франции, ФРГ, Италии, Южной Кореи, Польши, Великобритании, США и СССР.

Лучшей фотографией года авторитетное жюри признало снимок американца Энтони Суау под названием «Киро-отчаяние». Объектив запечатлел мать южнокорейского студента, арестованного полицейскими на избирательном участке.

Специальная награда «Будапештский приз 1988» вручена Биллу Пире из США за фотографию «Эффект Мейснера». Приз учрежден Управлением венгерского туризма.

Наконец, советские победители. Наибольшего успеха добился фотокорреспондент ТАСС Игорь Уткин, получивший две высшие награды: «Золотой глаз» за спортивный снимок «Лягушачий пируэт» и золотую медаль за работу «Мы преодолеем».

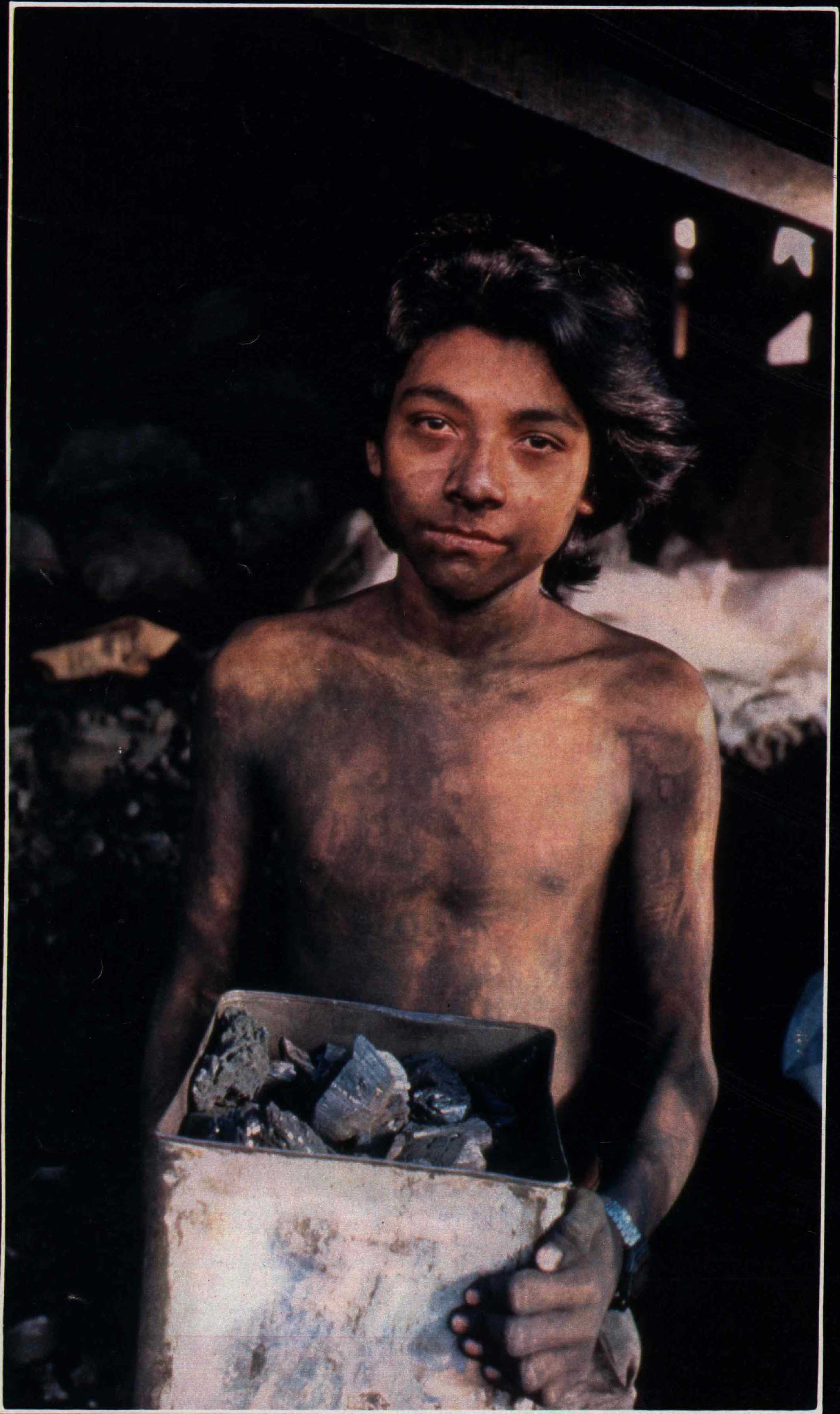
Другой «Золотой глаз» (в категории «Люди в новостях») вручен Юрию Абрамочкину из АПН за фотографию «Обеденный перерыв Матиаса Руста во время суда». Золотые медали достались также Александру Шогину (ТАСС) за «Колыбель для вундеркиндов» и Игорю Гаврилову («Огонек»). Последний отмечен за серию снимков «Расплата» о повседневной жизни осужденных в исправительно-трудовой колонии.

Почетных дипломов удостоены репортеры АПН Александр Поляков и Юрий Иванов, а также Евгений Стецко из «Смены».

Поздравим победителей и отметим, что выставка «Уорлд Пресс Фото-88» откроется нынешней весной в Амстердаме. Затем она начнет путешествие по городам Европы и всего мира. Дойдет ли до Москвы эта, несомненно, интересная экспозиция?

Будем ждать и надеяться.

Владимир ВЯТКИН,
фотокорреспондент АПН,
член международного жюри
«Уорлд Пресс Фото-88»



Питер ДЖОРДАН (США). *«ДЕТИ МАНАГУА. ШАХТЕР».*

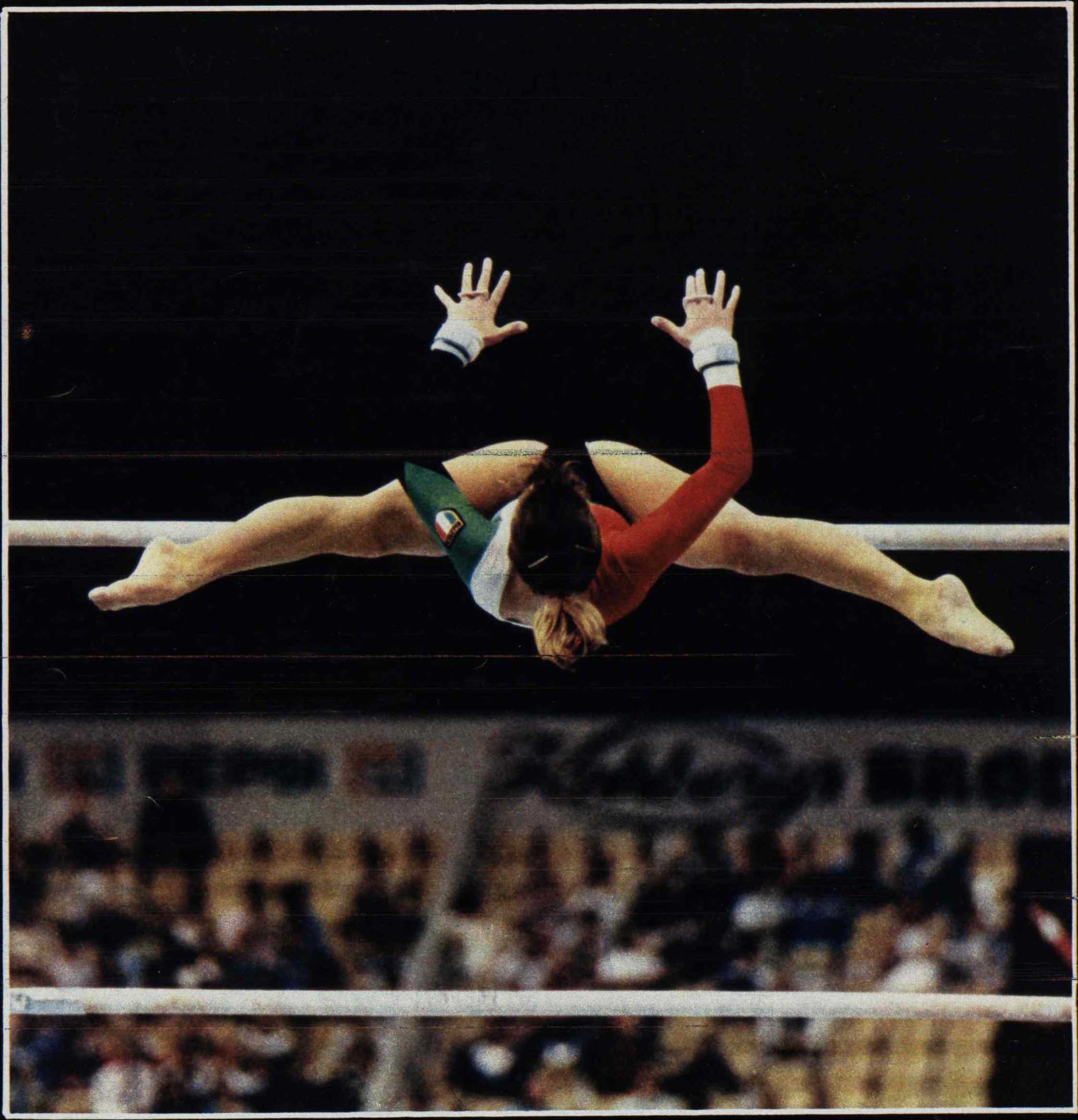
Энтони СУАУ (США). *«КИРО-ОТЧАЯНИЕ».*

Эрик ВАЛЛИ (ФРАНЦИЯ). *«СОБИРАТЕЛИ ДИКОГО МЕДА».*

Карлос УМБЕРТО (БРАЗИЛИЯ). *«ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ В РИО».*

Игорь УТКИН (СССР). *«ЛЯГУШАЧИЙ ПИРУЭТ».*

Джим БРАНДЕНБУРГ (США). *«ВОЛК ПРЫГАЕТ ЧЕРЕЗ ЛЬДИНЫ».*



Валентин ОСИПОВ

В ИНДИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ФЕСТИВАЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, НАЧАВШИЙСЯ В НОЯБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА И РАССЧИТАННЫЙ НА ЦЕЛЫЙ ГОД. ОДНОВРЕМЕННО В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОХОДИТ ФЕСТИВАЛЬ ИНДИИ. «ОГОНЕК» УЖЕ ПОДРОБНО ПИСАЛ ОБ ЭТИХ СОБЫТИЯХ. СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О ТОМ, КАКИЕ У ЭТОГО НАШЕГО ОБЩЕГО ПРАЗДНИКА ГЛУБОКИЕ ДРЕВНИЕ КОРНИ.

КАК НАЧИНАЛОСЬ...

Когда впервые узнали предки-соотечественники об Индии? В незапамятные времена уходит история связей народов. Иначе, понятно, и быть не могло — соседи.

Вот несколько примеров. Задолго до прославленного «Хождения за три моря» Никитина — «Слово о рахманах». Замечу, что это совсем небольшое произведение на особом счету — это памятник утопической мысли Древней Руси.

И вот, открывая первый том, самый первый в нашей письменности памятник «Повесть временных лет», в самом первом абзаце после самой первой звучно-торжественной строки «Се начнем повесть сию» — дважды об Индии. Блестящий символ!

Сколь же насыщенна история наших связей!

СВИДЕТЕЛЬСТВА КАЗЕННОГО ПРИКАЗА

Заманчиво перечислять и перечислять пряно-диковинные поименования товаров, чтоб получше представить эпоху: шубы собольи и бельи, «камочка ындейска», «кефтеря таусинова», «савры», «шолк зелен да рудожелт», «овчины, сафьян, парча, бархат, пух лебяжий и гусий», «104 цевки минуры», «5 пуд перетц ындейски», «перетц руский», «пшено сорочинское» — это рис, «чепучинске коренья», «бочка ладану оприч дерева», «ведро белил», «свечи душистые», «рыбья кость» — моржовый клык, зеркала, струи бобровые, аргамаки, попугаи, золото, яхонты, «лалы», «винисы», «бирюз», янтарь... Во множестве иного углядываю — нефть и «бёлое железо» (жесть). Кое-чему, не скрою, современного толкования не нашел. Да и далеко не все перечислил. Но и без того, надеюсь, ясно, какими многообразными складывались торговые отношения России и Индии в XVII веке. Все это вычитал в сотнях бумаг от купцов и к купцам, которые собирались в Казенном и Посольском приказах, а теперь, в наше время, заботливо изданы в преогромном томе «Русско-индийские отношения в XVII веке». Тот век — век расцвета торговли наших народов.

Но было ли духовное, культурное общение? Найти ли свидетельства тому в книге, в которой сплошняком лишь переписка с купцами, да немногие пока дипломатические документы?

Нашлись свидетельства. И как раз в этих самых коммерческих бумагах. Выходит, им, купцам, поклон за то, что поспособствовали знакомству культур, и в конечном счете уже теперь неважно, по денежной ли выгоде-корысти, по духовному ли велению-тяге.

Совсем нежданным-негаданным вышло обнаружить, что купцы позаботились о пишущих и читающих. Вдруг несколько раз ухватил в многосотстрочных описях-реестрах «стопы бумаги пишущей». Странно, что об этом пока нигде не сообщалось, хотя такие строчки просто драгоценны для истории общения культур. Кстати, бумага по тем временам отнюдь не дешева. Да, понимаю, спрос был. Давно сказано — «Цена по товару. Товар по цене».

Одного из пособников просвещения благодаря сохраненным архивам можно повеличать по имени — немало «стоп бумаги» закупил в России Мал Чанда. Увековечен и его русский собрат, что привез из Индии «13 пуд орешков чернильных»,— Максим Федоров сын Шельмина.

И даже печатного дела — книг — коснулось. С особой радостью узнаю из Выписи Астраханской таможни, что «купчина» Дурга Лала вывез из России не только «10 дестей бумаги пищей», но также «6 книг». Правда, дальше шла донельзя загадочная пометка — «неписанных». Что оно значит? Может быть, это лишь макеты или блоки, как в наш век издатели именуют заготовки, «полуфабрикаты» будущего издания? Так или иначе, но вспомнил, что в книге историка Б. Г. Курца «Сочинения Кульбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича» рассказано об издательском деле в нашей стране. Были, оказывается, в России две типографии. Московская, как, дивясь, описывал шведский дипломат, была изрядной мощности — «из восьми прессов, которые в ходе из года в год». Швед же пишет, что в числе самых разных торговых рядов в столице — иконный, суконный, сафьянный, скобяной, калашный, пирожный, ягодный и другие — был книжный.

Русские печатных дел мастера не обошли Индию любовью. Они оставили тому изумительное свидетельство-доказательство — книгу «Христианская топография Козмы Индикоплова», путешественника XVI века, с рассказом об Индии.

Со временем в общении культур появляется совсем новое. Но способствуют этому по-прежнему купцы-доброхоты. 1675 год, 28 февраля одному из них Посольский приказ среди десятков поручений дает и такое: «А буде обыщуться в Ындейском государстве самые художные мастеры каменных мостов и иных изрядных дел, и ему тех мастеров пригваривать в службу великого государя на время. И есть ли об них шах позволити и их к Москве вывести с собой».

Понимаю, что не случайна осведомленность об архитекторах и иных «художных мастерах» в далекой стране, которые уважительно поименованы «изрядными», незаурядными. Россия давно интересуется градостроительством и архитектурой Индии. Вот пример: за 29 лет до этого наказа приглашать художных мастеров торговые люди Сыроежкин и Тушканов выслушали не менее ответственное поручение Посольского приказа — узнать, «Как у индейского шаха Джагала по их вере молебные места устроены и каким строением, каменным ли или деревянной... Как домы их строены, каким строением и которого образца, и иные городы, которыми до шаха поедете, потому ж всякое строение смотреть, а чево не можно рассмотреть, и о том о всем проведывать подлинно». На грамоте дата — 1646, июня 24.

Индийским купцам того века многое и разное выпадало. Один из них стал даже помощником будущих историков крестьянской войны Степана Разина. Старинное следственное дело 1679 года приоткрывает это столь неожиданное — «Ответчик индеец Матфан Гоколев сказал, что то письмо руки его, а писано де в том письме, как был в Астрахани вор Стенька Разин».

ЗАПРОС НАПОЛЕОНА

Индия всегда притягивала к себе русских. Особенно это заметно в нашей культуре XVIII века и начала следующего.

Это поражало Запад. Сам Наполеон вдруг заинтересовался одним из подобных проявлений тяги интеллектуальной России к Индии. И запросил, как узнаю, подробные сведения о том, что это там за проект создания «Азиатской Академии» напечатал в 1811 году «Вестник Европы». Полюбопытствовал, естественно, и я. Уселся за журнал — в проекте вижу, что Индии отдан целый раздел.

Поразительно интересны подробности: что же замыслил изучать в своей академии автор в мельчайших деталях разработанного проекта; стоит, предполагаю, ознакомиться хотя бы с некоторыми: языки — «девангарийский» и «бенгальский», «санскритскую грамматику», науки — «История и География Индии», «Астрономия», литература — «Гитопадеза, или басни Вистну — Сармы», «Магабгарата, поэма на войну Курузов и Пандусов», «Картина Литтературы Индийской», «Перевод Веды», «Полный перевод и издание текста Гамта-Говинда», «Перевод Магабгараты», «Перевод Калидаза и Джаядевы», религия — «Система ламаизма и почитателей Будги», и еще, еще, еще. Замечаю, с каким почтением автор проекта свидетельствует своим соотечественникам — «Литература Индийская есть самая древняя, самая привлекательная и менее других известная».

Великого Калидаса, между прочим, у нас уже знали — всего на два года позже, чем в Англии.

ДЕКАБРИСТЫ И ДАЛЕЕ

В те времена, особенно в Англии, немало нашлось добровольных заступников за печально известную Ост-Индскую компанию. Исторически-де отсталая Индия должна быть благодарна привнесенной цивилизации, Индия-де немыслима без приобщения к английской культуре, промышленности и торговле...

А вот декабрист Пестель, как само собой разумеющееся, пишет о высокоразвитой родословной этой страны: «Южная Азия, будучи богатой и самой культурной страной, была также и колыбелью фабрик, вследствие этого и торговли». Ни слова о культуртрегерских или социальных заслугах колонизаторов. Только о том, что европейцы выкачивают из Индии прибыли.

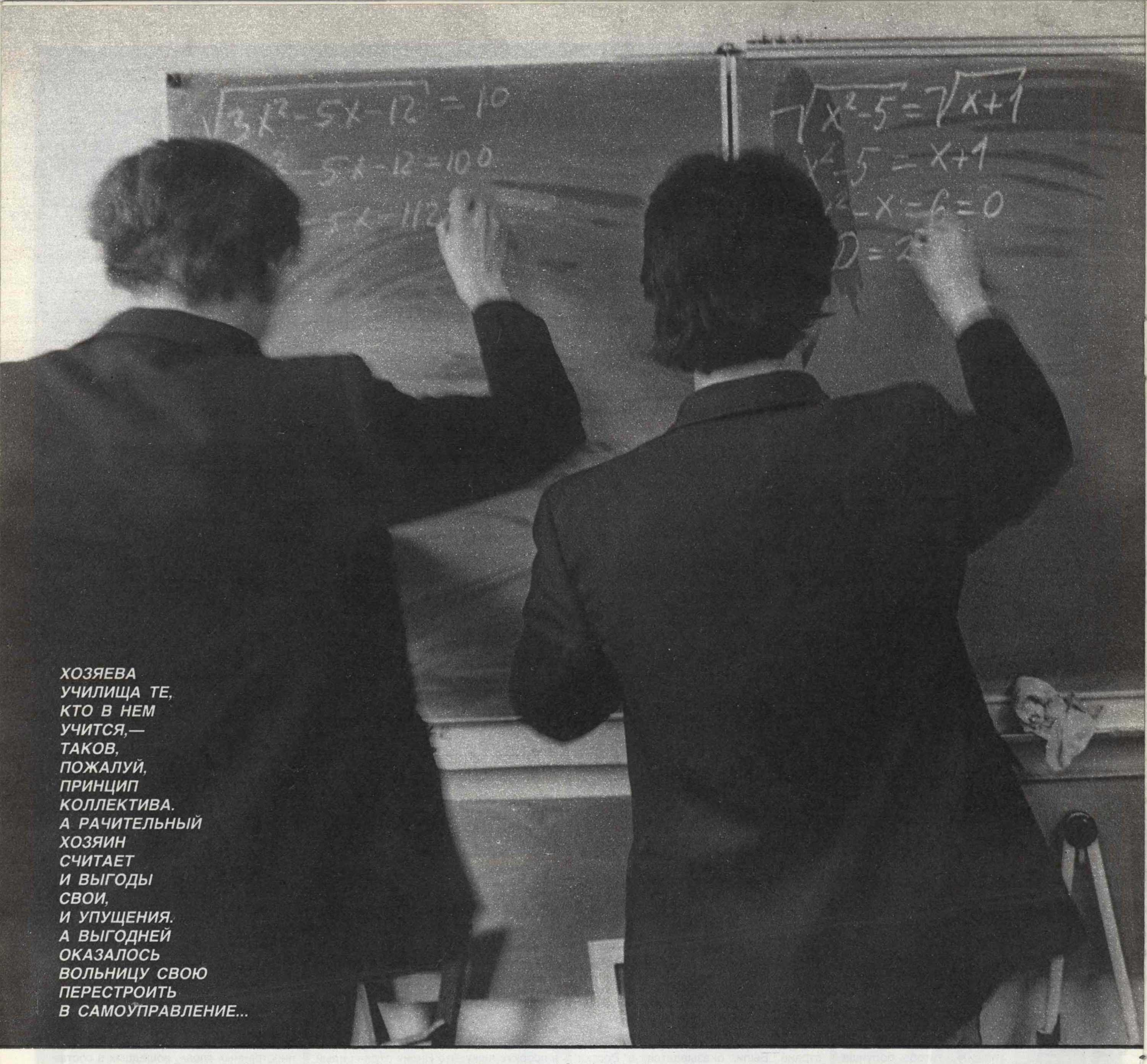
...Петр Каховский. Он вторит Пестелю и, пожалуй, что с большей настойчивостью провозглашает веру в талант народа Индии и ненависть к его поработителям: «Чем могла бы сделаться Восточная Индия, если б со временем последовала примеру Северной Америки? И что было бы с колоссом Великобритании, если б она лишилась сей твердой опоры своего могущества». Таковы заключительные слова его рецензии на одну из попавших в Россию книг об Индии. Рецензию обнаружил в «Вестнике Европы» за 1818 год.

Кто дальше продолжал? В. Жуковский отдал четыре года переводам из «Махабхараты». Его труд высоко оценил взыскательный Белинский. Свою любовь Индии запечатлели Державин, Крылов, Фет...

Рассказав о декабристах, упомяну — как же иначе! — о петрашевцах. И эта новая ветвь российской революционной истории не обошла вниманием Индию. 1845 год — известное у революционеров и жандармов пропагандистское пособие «Карманный словарь иностранных слов», вошедших в состав русского языка. Михаил Буташевич-Петрашевский включает в него слово «набоб». Толкует его, как и следует ожидать, разоблачительно: «...Всегда служили опорою трона и защитниками верховной власти... В Англии так называют всех знатных лиц, собравших в Индостане несметные богатства, и преимущественно тех, которые живут с восточным великолепием».

Вот же как настойчиво и щедро вспахивалась и начинала засеваться нива содружества культур нашей страны и Индии.

Пришли новые десятилетия, и на эту благородную ниву вступили Чернышевский, Толстой, Горький... Нам в наследство — их труды и заботы. М. Горький еще в 1912 году писал в Индию, углядывая прозорливо далеко вперед: «Мы должны показать нашим народам, что все те, которые жаждут жить в согласии с разумом, должны осознать единство целей, духа и объединиться в одну несгибаемую силу, способную окончательно победить все зло на свете».



ХОЗЯЕВА УЧИЛИЩА ТЕ, КТО В НЕМ УЧИТСЯ,— ТАКОВ, ПОЖАЛУЙ, ПРИНЦИП КОЛЛЕКТИВА. А РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН СЧИТАЕТ И ВЫГОДЫ СВОИ, И УПУЩЕНИЯ. А ВЫГОДНЕЙ ОКАЗАЛОСЬ ВОЛЬНИЦУ СВОЮ ПЕРЕСТРОИТЬ В САМОУПРАВЛЕНИЕ...

КОМАНДА МОЛОДОС

Олег ПЕТРИЧЕНКО, Александр НАГРАЛЬЯН (фото), собственные корреспонденты «ОГОНЬКА»

Свой дом юные жильцы крушили старательно и с любовью. Первым делом, как водится, выбили все стекла. Потом взялись за рамы, двери и косяки. Непринужденно расправились с унитазами. Кое-что написали на стенах и потолках. Новое пятнадцатиэтажное здание потихоньку обретало законченный вид.

— Пожалуй, больше всего меня поразили выжженные полы,— вспоминает М. Капитонова.— Ребята разводили в комнатах костры и жарили голубей. Что делать — я не знала.

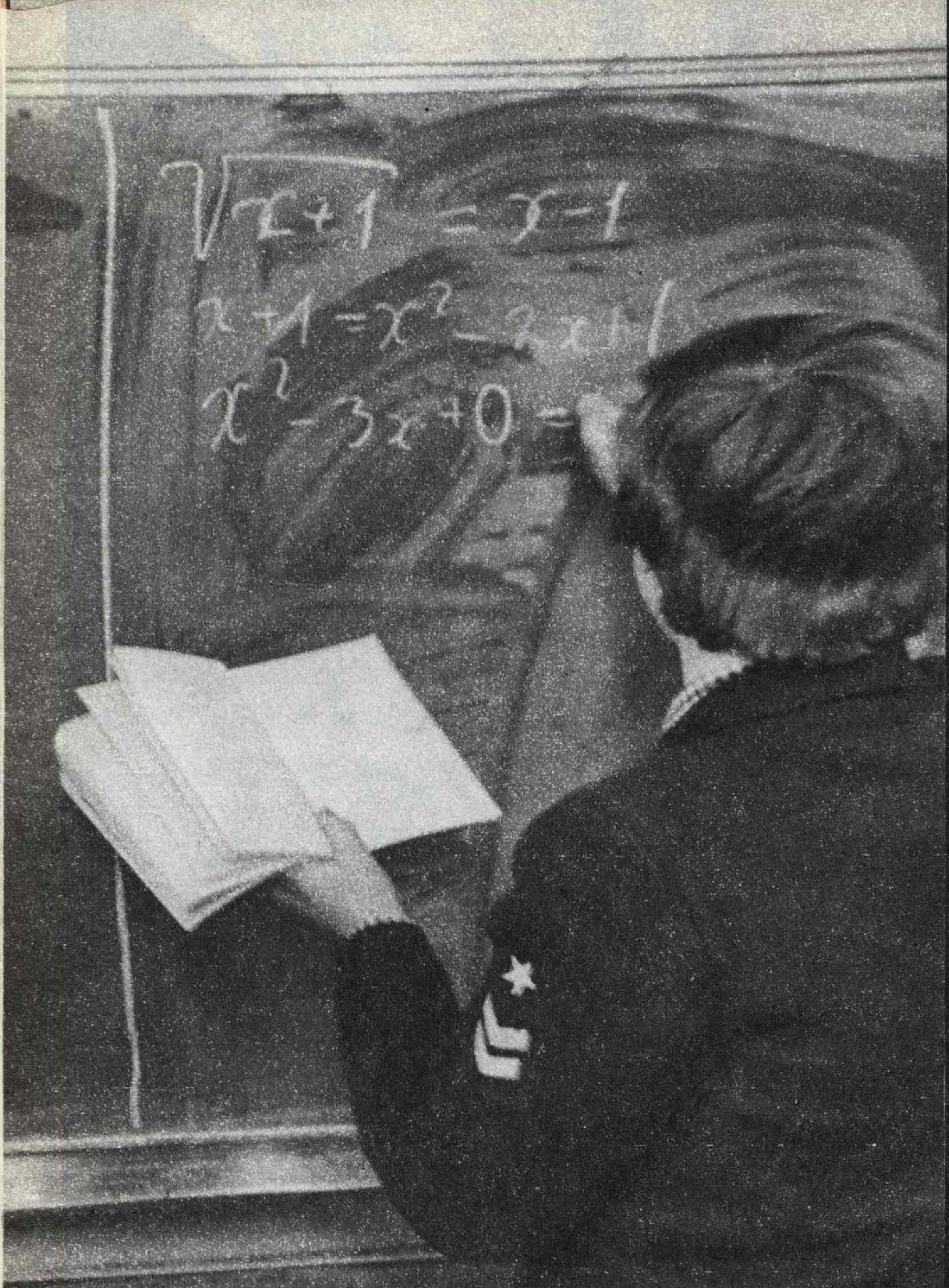
За два года, минувших с момента торжественного открытия нарядного комплекса ПТУ-127, здесь сменилось двое директоров и еще 12 разгневанных мужчин отказались от предложенной чести рискнуть своим добрым именем ради усмирения непокорной мальчишеской вольницы.

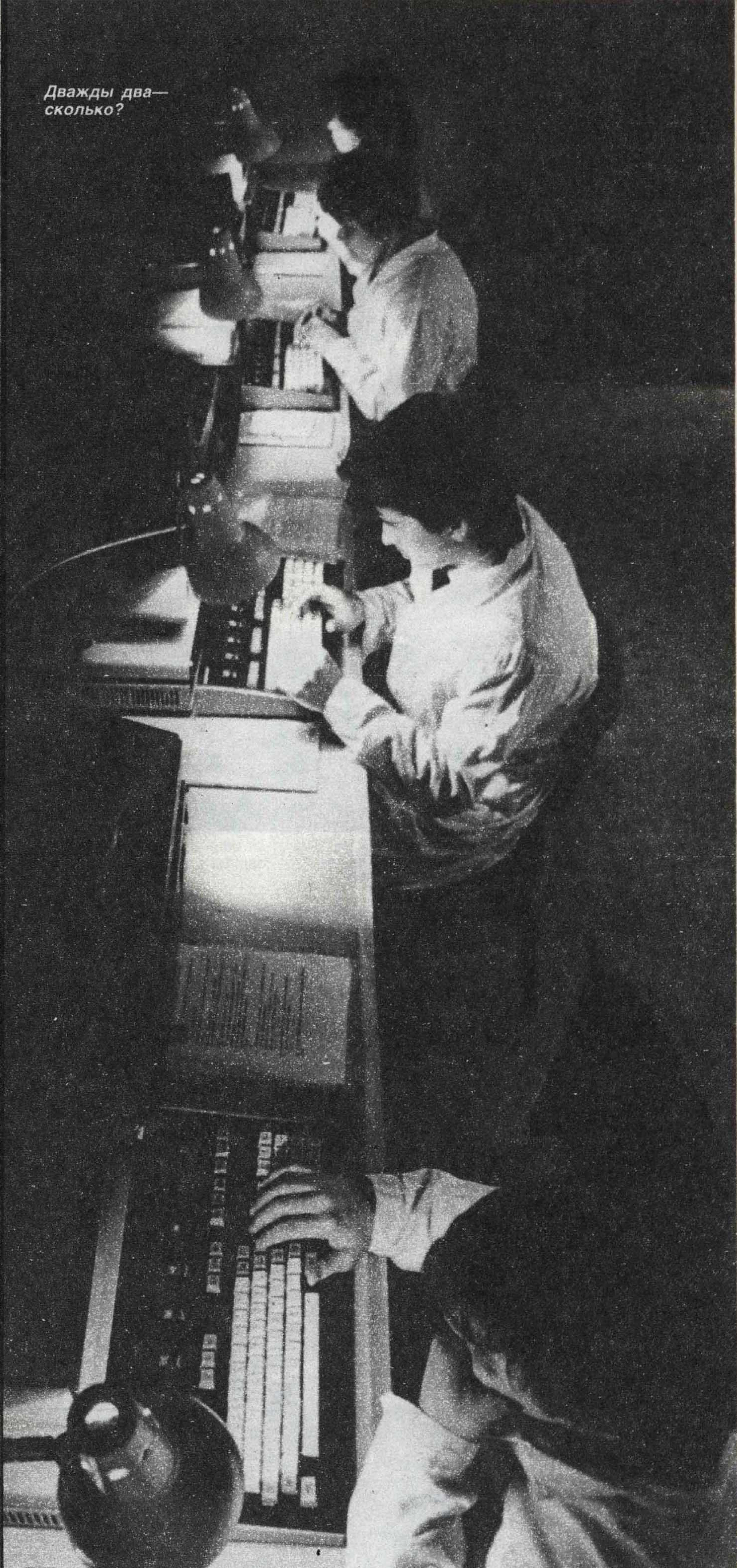
Маргариту Евгеньевну, начинавшую здесь преподавателем, на должность директора избрали. Избрал коллектив училища, почувствовавший в этой немногословной, красивой и спокойной женщине нечто недоступное номенклатурной логике непогрешимых кадровиков, ведь нужен был добрый, понимающий мальчишек человек.

Впрочем, этот вывод оставляю на своей совести. Я вроде тоже добрый и понимающий. Но десять лет назад, когда впервые побывал в этих старательно обшарпанных стенах, почему-то подумал о ремне. Широком отцовском ремне.

Но с отцами у здешних парней было не густо, а матери у большинства остались далеко. И чем «взяла» их Маргарита Евгеньевна? Может быть, тем, что не педагог по профессии и подходила к ним с обычной материнской, основанной на любви, а не на учебниках логики?

В училище ее привел случай. Цель после института была иной — аспирантура, наука, творчество. Но сложилось





Дважды два— сколько?

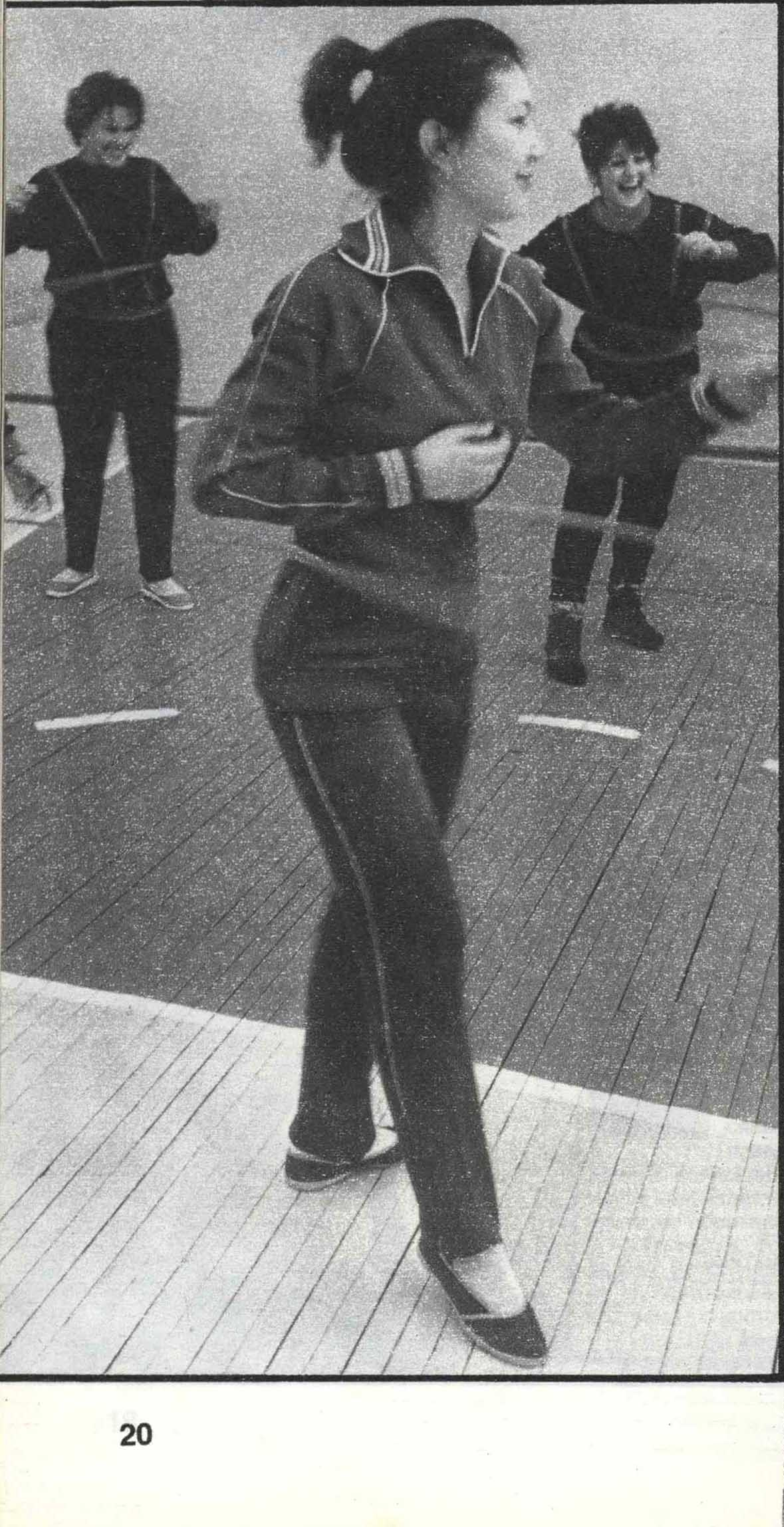
ТИ НАШЕЙ

так, что для начала, квартиры ради, ей пришлось поработать на стройке — стала женщиной-прорабом по башенным кранам. Когда родился сын, в перерывах между стиркой пеленок и прогулками, сумела сдать кандидатский минимум. Потом вроде бы временно, в ожидании места в аспирантуре, пошла преподавать в ПТУ. И как-то незаметно поняла, что никуда уже отсюда не уйдет.

— Хотя второй раз этот возок ни за что бы не потянула,— замечает Маргарита Евгеньевна.— Училище было запущено донельзя, и первой победой, как сейчас помню, стал санитарный паспорт, который я предъявила на заседании комитета народного контроля района, куда меня через год директорства вызвали для первого отчета. Без этого паспорта ребята жили как бы нелегально, без права на прописку, так как из-за жутких условий наше общежитие считалось для жилья непригодным.

Самое любопытное, что из «жутких условий» его вытащили те же самые руки, что еще недавно прошлись здесь «огнем и мечом». И сделали это совершенно добровольно и с не меньшим энтузиазмом. Наверное, тут можно было бы поразмышлять о таинствах подростковой психологии, влиянии формальных и неформальных лидеров и прочих

Кабинет информатики



«Микрон, его чувствовать надо!»— говорит наставник Виктор Иванович Копылков

Делайте, как мы!

Сладкое хобби Майи Сунчелеевой и Светланы Мелешкиной

излюбленных людьми пишущими премудростях. Но жизнь обычно куда проще размышлений о ней. Новый директор, чей рабочий день нередко начинался со звонков из милиции, сообщавшей об очередных «подвигах» ее воспитанников, не стала искать правых и виноватых, ужесточать надзор или предлагать на ужин вместо плохо ощипанных голубей по-царски приготовленных лебедей. Она предложила ребятам самоуправление. Следствием чего стала, в частности, такая вот клятва:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь выполнять все условия проживания на спортивном этаже и заверяю своих товарищей, что не посрамлю чести и достоинства проживающих. В случае, если отступлюсь, пусть меня покарает спортивная рука моих товарищей!»

Тут я, признаюсь, совершил некоторый скачок во времени, ибо до появления спортивного этажа и этой клятвы в училище произошло много разных перемен. Жизнь, похожая на вестерн, где шестеро шерифов-воспитателей носились по пятнадцати этажам за четырьмя сотнями потенциальных правонарушителей, нормализовалась, конечно, не сразу — были и ошибки, и неудачи. Но главное: все эти годы оставалось неизменным — ребята сами решали свои дела. Избрав совет общежития из 40 наиболее авторитетных своих товарищей, они на собственном опыте убедились, что покончить с надоевшей анархией оказалось гораздо легче, нежели построить на ее обломках нечто действительно интересное. Общежитие, которое раньше считалось домом, постепенно становилось им; бесцельные шатания по улицам утрачивали смысл, поскольку все, что хотелось, можно было отыскать здесь же — от дискотек и вечеров, к которым девчата пекут пироги, до занятий, скажем, в университете медицинских знаний или в кружке робототехники.

— Ребятам можно и нужно доверять,— убеждена Маргарита Евгеньевна.— Они ближе к детству, острее чувствуют и правду, и фальшь. Как в людях, так и в работе.

А кого обманываем, вывешивая над головой хамоватой вахтерши слащавый призыв: «Общежитие — твой дом, береги его!» Разве к себе домой мы приходим и приводим друзей с разрешения охранницы или коменданта? И сколько еще такой вот мелочной, оскорбляющей душу подростка фальши окружает его, отвращает от завравшихся, запутавшихся в демагогии взрослых.

Станочников у нас готовят во многих городах, и не ради специальности как таковой стремятся на невские берега ребята из Владивостока, Тюмени, Алма-Аты. За ПТУ-127 агитирует, конечно, и слава Ленинграда, но еще в большей степени его воспитанники, рассказывающие дома о здешнем житье-бытье. Не последнее место в этих рассказах занимает и свой цех, где каждому из них уже довелось попробовать себя даже в должности инженера.

И цех, и должность эти вовсе не игрушечные, как может предположить искушенный читатель, наслышанный о всякого рода педагогических экспериментах в производственной сфере. Как не игрушка и очень симпатичный малогабаритный токарно-револьверный станок с числовым программным управлением, собранный руками этих ребят и представленный на ВДНХ. Люди знающие ходят вокруг него и облизываются — очень хочется купить. Желающих — восемь тысяч, а из всех ПТУ страны серийный выпуск освоили пока только ленинградцы. В нынешнем году разгоняются, а в следующем обещали собрать 100 штук. Так что лет через 80 обеспечат все заявки, если, конечно, коллеги не поддержат.

А собирают сверхдефицитные станки в обычных учебных мастерских, точно таких же, какие есть в тысячах других ПТУ. Вот только отношение к делу здесь несколько иное, куда более серьезное, нежели в других училищах.

— Началось все два года назад, когда нам предложили создать свой цех,— рассказывает третьекурсник Олег Бахматов.— И самим выбрать себе «начальство» — технолога, бригадира, нормировщика, инженера по технике безопасности, контролера качества продукции. Бессменным руководителем цеха назначался мастер производственного обучения, ну а все остальные должности мы «примеряли» по очереди. На первых порах отнеслись к этому, как к игре, но очень быстро увлеклись всерьез — организация производства оказалась занятием достаточно сложным, требующим специальных знаний. Одно дело, когда стоишь у станка и отвечаешь только за себя самого. А тут голова должна болеть за всех, тем более что твои решения влияют на заработки товарищей.

Олег Бахматов, Дима Семенов, Миша Фатов, с которыми я беседовал,— будущие наладчики станков с программным управлением. Хотя почему будущие... Минувшим летом в городе-побратиме Пловдиве, куда их пригласили коллеги из училища № 1, выиграли первый в своей жизни международный профессиональный конкурс. Все трое отмечены знаками ЦК ВЛКСМ за отличную учебу.

Формально, чисто внешними переменами процесса обучения этот качественный рывок не объяснишь. Тут вспоминается история с «забастовкой» одной из групп, коллективно изъявившей желание перейти в другое ПТУ. С таким вот ультиматумом и пришли однажды к Маргарите Евгеньевне сразу 25 человек, раздосадованных тем, что им не платят здесь так называемую заводскую стипендию. Стипендия эта, с точки зрения Капитоновой, глубоко безнравственна, поскольку завод выплачивает ее ребятам, проходящим в ПТУ годичное обучение, не за какие-то особые заслуги или усердный труд, а просто за посещение занятий. Хотя другие директора и не обращают обычно внимания на такую «мелочь» — деньги-то не свои, жалко, что ли. Так же считала и группа, дружно собравшаяся дать тягу в соседнее, менее щепетильное в этом отношении училище.

Надо ли говорить, какой непростой разговор получился у Капитоновой с воспитанниками. Уж больно неоднозначно сейчас отношение к рублю: цены растут, честная бедность не в почете, и слишком стерлись от частого, неумелого употребления слова о долге и рабочей гордости. Но, видимо, Маргарита Евгеньевна нашла какие-то другие — группа осталась в училище.

— Мало научить профессии, важно научить честному отношению к ней,— считает она.— Незаработанные деньги — все равно что украденные, так же должны жечь руки. Не убедишь в этом сызмала — человека не вырастишь...

ПТУ-127 в нахлебниках ни у кого не числится: на свои заработанные купили видеомагнитофон, дисплеи, микрокалькуляторы, сами оплачивают турпоездки, спортинвентарь и прочее.

А зарабатывают здесь прилично, в среднем 200 тысяч рублей в год. Цифра, без сомнения, могла быть значительно больше.

СПТУ № 127 изготавливает кернеры на экспорт по 30 копеек за штуку, СПТУ № 33 такой же кернер по договорной цене реализует по 3 рубля. СПТУ № 127 реализует настольно-сверлильные станки по 290 рублей. Это станок, где много тонкого, квалифицированного труда. А СПТУ № 102 изготавливает наглядное пособие — таблицу Менделеева за 1000 рублей, где простой каркас и несложный электромонтаж.

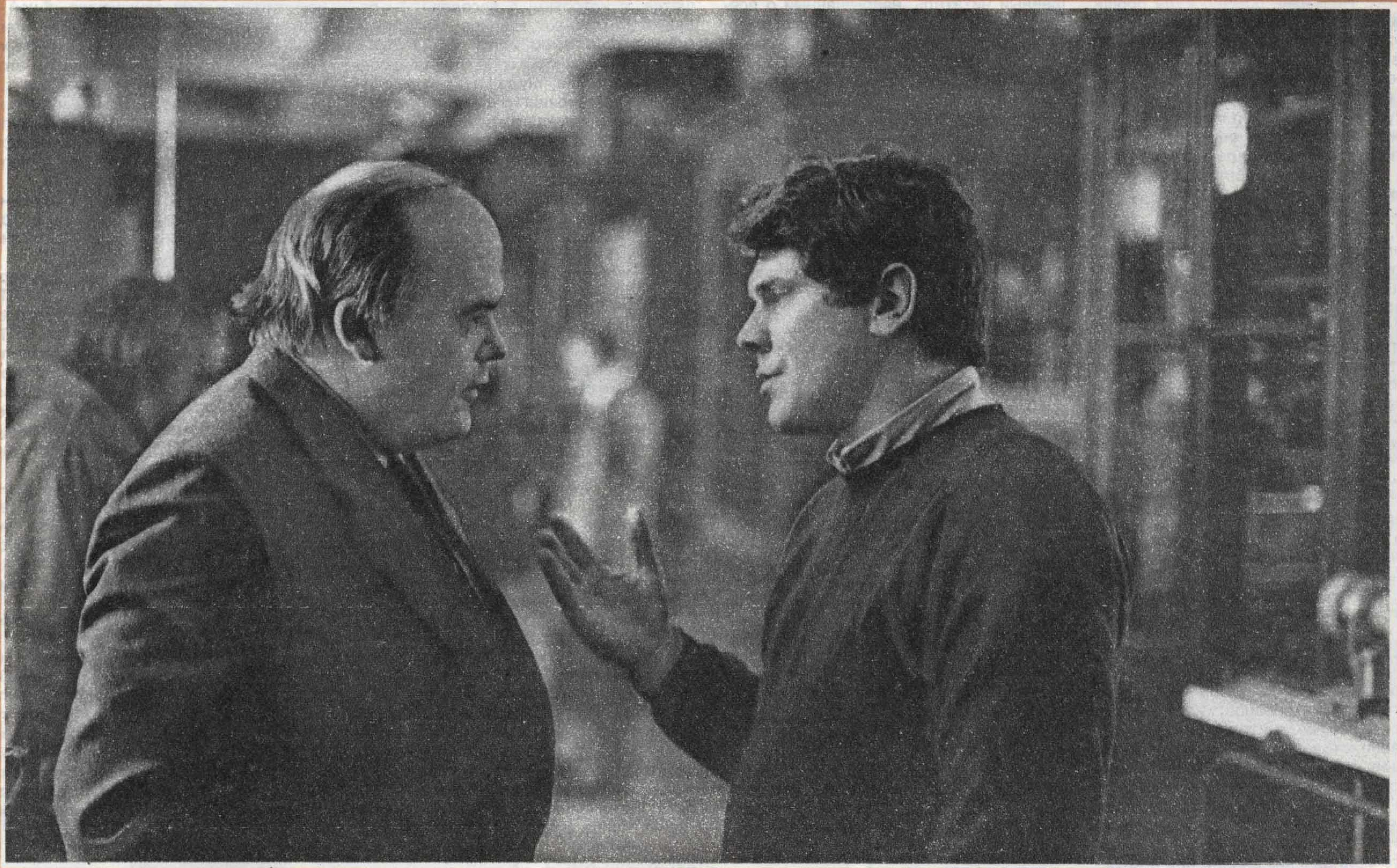
«Незаработанные деньги — все равно что украденные...» Эх, если бы все так считали, не гнались за показушной прибылью в ущерб честности, без которой любой диплом — всего лишь красивая, но абсолютно бесполезная для общества бумажка.

...И не хотелось бы лишний раз ссылаться на Макаренко, но вот ходил по училищу, беседовал с ребятами и невольно вспоминал коммуну, бесшабашные воспитанники которой удивили страну, наладив выпуск прекрасных, по меркам тех лет, фотоаппаратов, я вспоминал слова его о том, что хозрасчет — это лучший воспитатель. И как же разительно меняются эти мальчишки и девчонки на серьезной, настоящей работе!

Урок эстетики

В общежитии

Педагоги, друзья...



НИ АКАДЕМИК Е. ВЕЛИХОВ, НИ РЕЖИССЕР Ю. ПОДНИЕКС НЕ ПРЕДПОЛАГАЛИ, ЧТО ИХ РАЗГОВОР ОКАЖЕТСЯ НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА». ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ, КУДА КАЖДЫЙ ПРИЕХАЛ ПО СВОЕЙ РАБОТЕ. ЮРИС ПОДНИЕКС, НАЧАВ СЪЕМКИ НОВОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА, НА НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ПОСЕЛИЛСЯ СО СВОЕЙ КИНОГРУППОЙ В ПЕРЕСЛАВЛЕ И СНИМАЛ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА. ЕВГЕНИЙ ВЕЛИХОВ, ПРИСТУПИВ К СОЗДАНИЮ «ФОНДА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА», ПРИЕХАЛ В ПЕРЕСЛАВЛЬ ОРГАНИЗОВЫВАТЬ ДЕТСКИЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ ЛАГЕРЬ И, САМ ТОГО НЕ ОЖИДАЯ, СТАЛ ОДНИМ ИЗ ГЕРОЕВ ФИЛЬМА ПОДНИЕКСА.
В ТЕ ДНИ У АКАДЕМИКА И РЕЖИССЕРА БЫЛО НЕМАЛО ВСТРЕЧ, БЕСЕД, РАЗГОВОРОВ. ОДНО ИНТЕРВЬЮ Я ЗАПИСАЛ НА СВОЙ ДИКТОФОН.

ИГОРЬ ЯКИМЕНКО,
корреспондент «Огонька»

РЫВОК В БУДУЩЕЕ

Ю. Подниекс: Честно говоря, я немного удивился, когда узнал, что вице-президент Академии наук СССР, крупнейший физик, впрямую занялся организацией двух детских лагерей и вот уже вторую неделю живет в одном из них. Насколько я знаю, кроме чтения лекций по физике, вы педагогикой никогда раньше не занимались.

Е. Велихов: Видимо, потому, что по возрасту я перехожу в ранг дедушки, меня начинает тянуть к общению с теми, кто по годам мне годится во внуки. Как и любой дед, я узнаю в них самого себя. Когда я вижу ребят, работающих и играющих в одном из наших лагерей с компьютерами, меня, например, радует, что изучение программирования может дать им то же, что мне в их годы дала высшая математика. В детстве она дала мне свободу. В шестом классе я самостоятельно изучил ее, и учителя боялись меня, как огня. Мне очень повезло. У нас ведь учителю часто ничего не стоит подавить личность ученика. Самый лучший способ отстоять себя перед взрослыми — в чем-либо добиться превосходства над ними. Ребят за уши не оттянешь от компьютера не только потому, что это захватывающая игра. Он помогает им самоутвердиться.

Но, конечно, я здесь, в этом лагере, не только потому, что постепенно становлюсь дедушкой. У всего человечества сейчас появился шанс выжить, продлить свой род. Мы сумеем воспользоваться им, только если совершим скачок в духовном развитии. Именно в это русло сейчас надо направлять силы и средства. Пришла пора думать не только о научном или техническом прогрессе, о передовых методах и победах, но и о том, например, как мы общаемся со следующим поколением.

Оба детских лагеря, и компьютерный, и международный, создавались при непосредственном участии «Фонда за выживание человечества», они — первый результат его работы, с них здесь, в этом городе, начинается строительство международного культурного центра, который, быть может, сыграет свою роль в духовном развитии человечества. По сути дела, в Переславле сейчас зарождается новый центр духовной жизни.

В наших планах со следующего лета открыть здесь международный компьютерный лагерь, который будет работать круглогодично. При помощи реставраторов привести в божеский вид Никитский монастырь и разместить в нем международный культурно-исторический центр. Реконструировать Федоровский монастырь. В нем будет размещен центр по школьному компьютерному образованию. Предстоит построить новые сооружения для Института программных систем. Он открыт здесь недавно, и у него прекрасные перспективы. Будем строить новый жилой микрорайон и школу, начиненную компьютерами сверху донизу. Все предметы в ней должны вестись при их помощи. Будем многое менять здесь. ПО «Славич», например, надо в самые короткие сроки переводить на безотходное производство, а промышленность в дальнейшем строить с учетом экологической ситуации. Скорее всего она будет ориентирована на программное обеспечение.

То, что рассказываю,— схема. Попутно возникнут новые идеи, и мы постараемся, чтобы они не пропадали даром. В одной из окрестных деревень, например, каждое лето стихийно возникает колония московских художников и литераторов. Мы уже привлекли некоторых из них к начавшейся работе. Или, например, есть предложение отдать

одну из заброшенных деревень, рядом с Переславлем, кооперативу, который откроет в ней ресторан и торговые ряды для туристов.

Ю. П.: Насколько я понимаю, в Переславль возвращаются времена, когда Петр I строил здесь свою потешную флотилию.

Е. В.: На мой взгляд, для «Фонда за выживание человечества» Переславль — идеальное место. Здесь есть все: Плещеево озеро, земляника в лесу, старинные монастыри, крепостной вал, на котором стоял Александр Невский, овраг Дикариха, где 70 тысяч лет назад была стоянка человека,— здесь все окружение работает на его идею. Сразу оказываешься погруженным, одновременно в естественную среду обитания человечества, и в его историю.

Ю. П.: Пока вы рассказывали о том, что ждет эти места, я представил, какое может возникнуть зрелище, когда, допустим, на конгресс в Никитский монастырь, в новый центр, соберутся люди со всего мира, и, пока там будет идти бал смокингов, рядом будут ходить люди в телогрейках из окрестных деревень. Не подумайте ничего дурного, я просто визуально представил себе эту картинку.

Е. В.: Если к этому времени ничего не переменится в жизни людей из окрестных деревень, я сам на этот бал приду в фуфайке. Так что у них по крайней мере будет на этом балу свой представитель.

Поймите меня правильно, мы ведь не гостить собираемся и время от времени декларировать отсюда на весь мир прогрессивные идеи, а работать и по мере сил эти идеи осуществлять. Когда я говорю, что для выживания нам необходимо совершить скачок в духовном развитии, я имею в виду, в частности, следующее: растущее поколение должно получить широкое образование и обладать планетарным мышлением. Планетарным, а не элитарным. Достичь этого будет непросто. Во многом мы утратили духовную базу, необходимую для этого скачка.

Ведь в свое время в России, по сложившейся традиции, выполняли роль миссионеров и несли культуру вглубь сельские учителя и врачи. Доктор Чехов был далеко не единственным высокообразованным сельским врачом. Он был представителем той уникальной и сыгравшей огромную роль в жизни России среды, от которой сейчас по большей части остались одни воспоминания. Дед моей жены, например, окончил три учебных заведения. Одно — во Франции, другое — в Германии, третье — в России. И большую часть жизни провел в деревне. Он лечил ее и знал в ней всех поименно. А его жена, проехав с ним пол-Европы и имея такое же широкое европейское образование, жила в деревне вместе с ним и была сельским учителем. Их семья не была исключением. Многие наши духовные ценности возникли из той борьбы за умы людей, которую с учителем или врачом вели урядники и попы. Сейчас нечего даже говорить о духовном возрождении, если мы не возродим обе эти профессии — учителя и врача. Вряд ли стоит упрекать учителей. В силу ограниченности информационных средств и низкого социального положения они загнаны в угол. И мы просто обязаны, если хотим вырастить поколение людей с высокой культурой, изменить ситуацию. Вернуть эту среду к жизни. Отдав ли в их распоряжение современную технологию, привлекая ли в эту сферу новых людей, изменив ли социальный престиж этих профессий.

Ю. П.: Извините, что я задаю этот вопрос, но мне было бы проще понимать вас, если бы вы рассказали, как воспитывались сами и каким образом пришли к тем идеям, о которых говорите.

Е. В.: Была война, и рос я довольно в трудных условиях. Мать у меня умерла в 42-м году, отец — в 52-м. Я еще тогда в школу ходил. С 7-го класса я начал давать уроки и сам зарабатывал. Но рос в такой среде, где знали и о лагерях, и о преступлениях Сталина, и о том, что, с научной точки зрения, речи Лысенко — бред сумасшедшего. Поэтому психологически для меня не был так уже разителен перелом, который произошел в сознании людей к середине 50-х годов. Мне не пришлось избавляться от стереотипов сталинских времен. В этом отношении было намного проще.

И, конечно, был конкретный человек, который очень много мне дал. Это моя бабушка. Она вырастила меня, и сейчас я понимаю, что многим обязан именно ей.

Ю. П.: Мне недавно попалась подшивка старых газет, я долго листал ее и все время натыкался на утверждение, что в противоборстве двух систем, наша — выйдет победителем. Я помню, подумал тогда: а что, если бы та наша система действительно победила? И представил тех победителей, которые в пепле вокруг продолжают решать, кто был прав... Не граничило ли с безумием желание утвердить во всем мире систему, которая альтернатив не допускает?

Е. В.: Долгое время мы жили в обществе, похожем на военный лагерь. Появились люди, которые на этом противостоянии построили свою карьеру. Считалось, что ты любишь Родину только в том случае, когда говоришь о победе над врагом и призываешь к ней. Самым крупным шоком, который прошел через все слои общества, но, к сожалению, далеко не всех еще заставил протрезветь, было осознание, на мой взгляд, прописной истины: в атомной войне победителя не будет. Это был шок для обеих сторон, но власть стереотипов была настолько сильна, что и мы, и они, продолжали наращивать свою мощь и долгое время так и не могли ни о чем договориться. В результате человечество стоит на грани катастрофы, полного самоуничтожения.

Я ведь не случайно после возвращения из Чернобыля вспоминал на выступлениях библейский миф о Валтасаре, последнем Вавилонском царе. Он давал пир в ту самую ночь, когда Вавилон был разрушен, и на одной из стен его дворца перед собравшимися проступила надпись, предупреждающая о гибели.

Чернобыль — одно из таких предупреждений всему человечеству.

За время этого противостояния у нас возникли совершенно искаженные представления друг о друге. Для некоторых американцев, например, вся Европа — это уже социалистический кошмар. А мы, так просто преисподняя. Империя зла, которая должна быть уничтожена. С нашей стороны все выглядело как раз наоборот. У европейца — третья точка зрения, у представителей развивающихся стран — четвертая. Общее для нас всех было только одно — недоверие друг к другу.

Человеку была оказана милость — дан Разум. От него зависит, превратит ли он эту милость в проклятие. До недавнего времени разум, подгоняемый страхом и недоверием, работал в основном на самоуничтожение. Мы сможем избавиться от страха и недоверия только в том случае, если сможем разрушить лживые представления друг о друге.

Самое сильное средство, на мой взгляд,— человеческие контакты. Их должно быть как можно больше. Нам надо учиться общаться друг с другом. К этому есть много разных путей. Совместные детские лагеря, по-моему, очень привлекательный путь.

Ю. П.: Вы могли бы рассказать о личном опыте работы в Чернобыле?

Е. В.: Еще до поездки в Чернобыль я был чиновником такого высокого уровня, когда можно заниматься только тем, что начальству даешь советы, а подчиненным — команды. А там, рядом со станцией, я опять оказался в ситуации, когда должен сам пойти, разобраться и то, что нужно, сделать. Информация приходила совершенно искаженная, люди воспринимали события очень эмоционально, и на первых порах мы допустили очень много ошибок. Система руководства, где верхи заняты составлением приказов и сетевых графиков, а низы — их выполнением, развалилась. Там нужно было опять работать самому. И солдат мог давать советы генералу, а генерал делил все тяготы вместе с солдатом. В этом отношении там была хорошая школа, которую, кстати, прошло немало руководящих работников. Тот, кто пытался работать по-другому, там не задерживался.

Ю. П.: Я начну свой следующий вопрос издалека.

Приступив к съемкам нового фильма, я решил придерживаться следующей схемы. Условно наше общество сейчас разделено на три лагеря. Одна его часть поверила в провозглашенные идеи и со словами: «Моя революция!», действительно взялась ее делать. Другая часть озабочена тем, как бы сохранить полученные в прошлом привилегии и, выучив новые лозунги, следовать прежним маршем. И есть третья часть людей. Они сидят как будто в амфитеатре и смотрят, кто из первых двух окажется сильней. Мне бы очень хотелось, чтобы будущий фильм перетянул хотя бы часть «людей из амфитеатра» в лагерь к первым. А со вторых сорвал маски. Это, наверное, единственное, что я могу сделать средствами кино.

Вы — человек дела, и бороться вам приходится довольно часто. По вашему ощущению, насколько мы сегодня готовы к революционным преобразованиям? Способны ли мы полностью реализовать саму идею перестройки?

Е. В.: Ну конечно, так же, как и вчера, кое-кем делается все возможное, чтобы перестройку угробить. Но это же обычная история, сопротивление должно быть. Это диалектика. Мы должны понимать, что суть любого развития в единстве противоположностей. В борьбе их. В обществе всегда присутствуют оба начала: и прогрессивное, и консервативное. И неизбежна борьба. Если все сбалансировано, общество развивается. Здоровое состояние общества — это баланс. Но... Баланс этот должен устанавливаться естественным образом и быть динамичным.

Ю. П.: Каков он сегодня, как вам кажется?

Е. В.: Безусловно, пока в чем-то перевешивает консервативная сторона. Но нельзя забывать, что мы сейчас имеем дело с такими вещами, за которыми стоит несколько сотен лет истории. Когда читаешь историю времен отмены крепостного права или Карамзина, находишь множество проблем, схожих с нашими, и, если углубиться в историю нашего государства, можно увидеть, что оно неоднократно в решающие моменты развития прибегало к политике государственного принуждения. Сейчас нам приходится расплачиваться за ошибки не только тридцатых годов, но и за те, которые были совершены значительно раньше. Вспомните времена Аракчеева, например, или Павла I. Раз от разу все более разбухал государственный аппарат и все более казарменными становились методы правления.

Быть может, я ошибаюсь, но, мне кажется, наша крупнейшая ошибка сегодня заключается в следующем. Мы говорим об экономическом стимулировании, о материальной заинтересованности, о том, что одним надо зарплату понижать, другим премию давать. Личная материальная заинтересованность — только часть проблемы. У человека должно быть дело жизни, но должна быть и возможность по собственному усмотрению развивать его. Как говорит один наш известный ученый: «Кончайте вы предписывать всем, что думать и как работать. Дайте лучше возможность делом своим заниматься».

В нашей стране мало людей, которые за десятерых работать умеют и предпринимательской жилкой обладают. А что мы делаем? Даем звание Героя соцтруда, сажаем их в президиум. У них огромные возможности, они знают, как совершить переворот в своей отрасли. И надо, чтобы они взяли и сделали его. Возглавили предприятия и по собственному усмотрению, а не по инструкциям эти предприятия развивали. У нас же подчас думают, что, как только мы снимем искусственный потолок в зарплате да еще самостоятельность предоставим, так хаос начнется и все только и будут делать, что жиреть и обогащаться. Да ведь в этих условиях человек почти все, что у него есть, в развитие своего дела должен будет вкладывать. Иначе другие сомнут. Вот и получается, очень часто деловой человек оторван от дела. Сиди в президиумах, теряй время.

Желание сделать!.. Оно у нас все время чем-то заторможено.

Что у нас, например, происходит в науке и почему США опережают нас по количеству реализованных идей? Мы доходим в исследованиях до какого-то предела и говорим: «Мы, товарищи, идеи разработали, теперь пусть придет некто и воплотит их». А где его взять, этого некто? У американцев же целая система разработана. Ты — профессор, тебя осенило, ты что-то придумал. И у тебя сразу есть возможность открыть свое дело и заниматься им. И если ты стал бизнесменом, все очень рады этому. У нас же — это позор!

Ю. П.: А вы себя чувствуете бизнесменом или пока это только теоретическая возможность?

Е. В.: Любая идея, если ты хочешь довести ее до конца и воплотить в жизнь, требует определенного этапа предпринимательства. И я стараюсь не уходить от этого. Этот этап меня нисколько не смущает, я иду на него. Правда, здесь есть один существенный нюанс. Меня так давно избрали в академики, что мне безразлично, если кто-то скажет, что я не ученый, а черт знает кто. На человека, ставшего предпринимателем, у нас начинают тут же косо смотреть. А вот Святослав Федоров чувствует себя и ученым, и хирургом, и предпринимателем. Да так и должно быть.

Вовсе не обязательно всем кидаться в предпринимательство, но среда, в которой мы работаем, должна быть более свободной от стереотипов и предрассудков. Она должна обеспечивать сосуществование самых разных направлений и характеров.

В той же науке, если вы хотите добиться чего-то существенного, над проектом обязательно должны работать люди, которые умеют летать и ничего больше, те, что, образно говоря, оторваны от земли и ко всему легко относятся. Как любит говорить художница из нашего международного лагеря: «Знаете, почему ангелы летают? Потому что они к себе легко относятся». Но вместе с «ангелами» должны работать люди, которые твердо стоят на земле. Иначе вы никуда не прилетите. Такое содружество возможно только в здоровой среде, а не в аракчеевской казарме.

Эта среда должна быть живой, питательной, естественной. Если кто-то при этом летает лучше тебя, окажешься у него за спиной.

Я вовсе не за то, чтобы легкая жизнь была. Легкая жизнь унижает, а подчас и уничтожает человека. Он должен жить трудной жизнью, на полном пределе своих сил.

Ю. П: И все-таки. Неужели вы бы не хотели, чтобы жизнь у ваших детей была более легкой?

Е. В.: Один-единственный раз я был в доме отдыха и попал в условия, когда среда не позволяла мне работать.

Делать ничего не могу, читать не могу и даже думать не хочется. Я себя почувствовал крайне несчастным. Только работа может дать чувство полноты жизни. И только совершая усилия на пределе возможного, можно узнать, что такое счастье.

Желая детям легкой жизни, мы думаем, что заботимся о них, а на самом деле заботимся о самих себе, о собственном покое. Если говорить более широко, детей обрекают на безделие и отстраняют от активной жизни, потому что боятся их. Боятся их самостоятельности и независимости, боятся их способности отвергать то, что нам самим давалось с таким трудом. В них много есть такого, отчего взрослым становится страшно.

Мы удивляемся тому, что молодежь отвергает наши ценности, но, на мой взгляд, это естественно. Каждое поколение должно самоутвердиться, и конфликт отцов и детей связан прежде всего с тем, что дети должны самоутвердиться перед отцами. Недаром мы так любим внуков. И не случайно говорят, что мы их любим потому, что они отомстят за нас нашим детям.

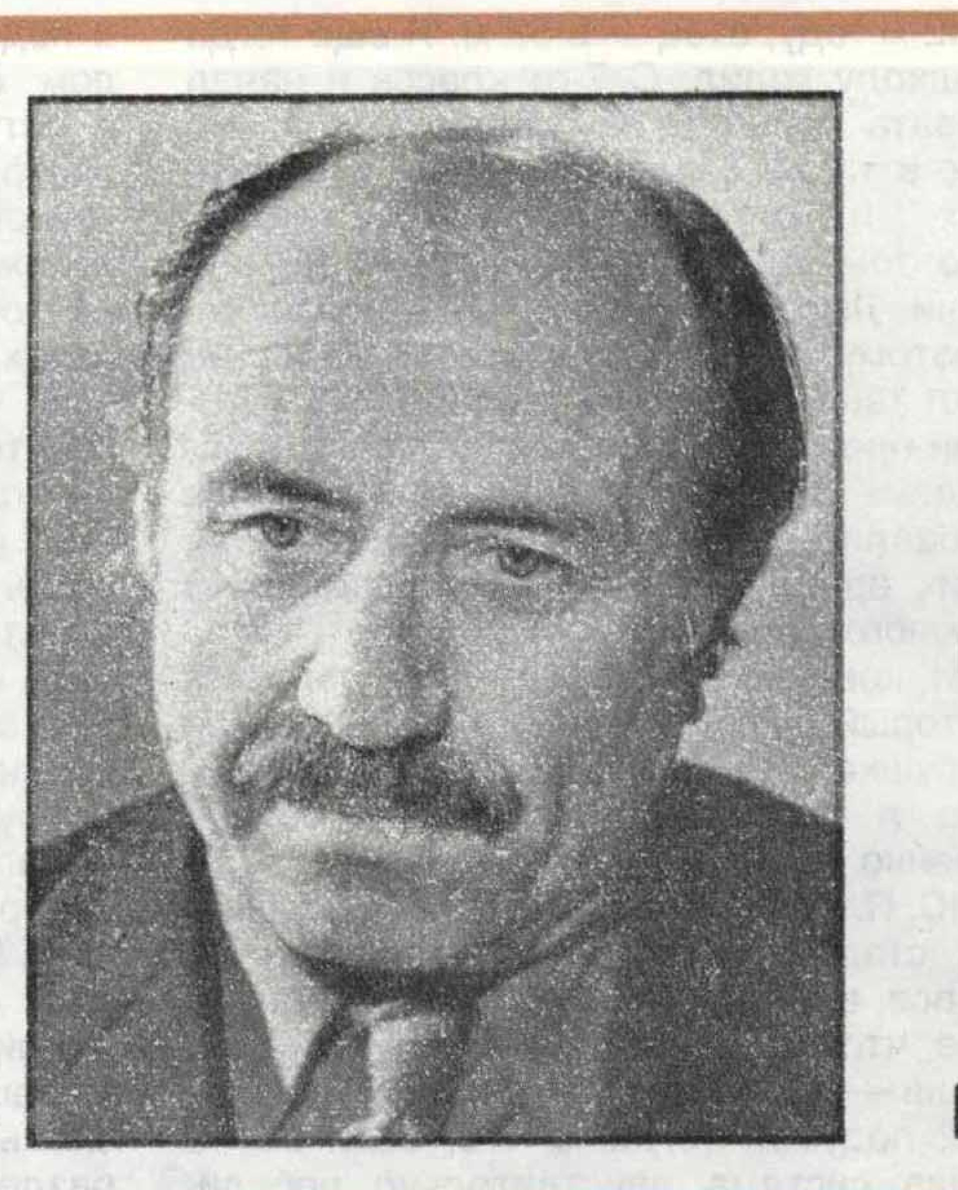
Так устроен мир. Каждое следующее поколение в какой-то степени отвергает ценности предыдущего и предлагает свои. Мы, в свою очередь, отстаиваем себя и находим контакт с внуками. В итоге жизнь сохраняет равновесие.

Это схема. Как и любая схема, она условна. Но я считаю, что каждое поколение не только вправе, но и обязано самоутвердиться. Что-то оно должно отвергнуть, что-то предложить свое. Это и есть процесс обновления.

Ю. П.: Вы затронули больную тему. По-моему, мы превратили почти в атавизм способность отвергать. Мы отреклись от принципа, которым очень дорожил Маркс: «Подвергай все сомнению». Ведь в течение десятилетий сомнения были недопустимы. Приступая раньше к работе над картиной, я каждый раз заранее знал, что я должен доказать и что опровергнуть. Утвердив за ценностями право на неподвижность, мы во многом обокрали самих себя. Мы теряли собственную жизнеспособность. Может быть, поэтому процессы, которые происходят сегодня в нашем обществе, мне напоминают реанимацию почти умерщвленного организма. Сейчас не столько новое рождается, сколько идет процесс возвращения к жизни того, что в нас было задавлено.

Е. В.: Тридцать лет назад происходило нечто подобное. Тогда ожили и наука, и искусство. Оживление было во всех сферах общества. Эта волна довольно быстро захлебнулась, но именно она подготовила новую. Так же, как революция 1905 года подготовила революцию 1917-го. Вал, который поднимается сейчас, по-моему, будет намного сильнее предыдущего. Сейчас у него совсем другая основа. Во-первых, люди в массе своей стали намного просвещенней. Во-вторых, мы действительно начали выходить из состояния общества, вооруженного до зубов. Кузькину мать мы никому показывать не собираемся. В-третьих, от нашей перестройки в большой степени зависит не только выживание нашего общества, от нее зависит, выживет ли человек как биологический вид в целом. Нам надо совершить скачок в духовном развитии, и сейчас у нас есть шанс его сделать. Быть может, наш последний шанс.

Я не скажу, что разбираюсь во всем, что происходит, не берусь воспитывать поколение наших детей. Те, кому двадцать, сами знают, как им быть. Мне кажется, что лучше мне взяться за внуков. Я это и делаю сейчас. Это более естественно. И когда наблюдаю за ними, вижу в них огромную потенцию. И меня самого они возвращают к самым первоначальным вопросам: что такое человек? для чего он родился? какие возможности он в себе таит? Мне кажется, что мы сейчас стоим на пороге этих открытий.



Одна из последних фотографий Кайсына Кулиева.

Далекий отзвук песни детства

Григол АБАШИДЗЕ

«В Чегемских горах стоял солнечный день... Я скакал по улице аула на своем белом ослике, распевая песенку: «Скачи, мой ослик! Скачи, мой ослик!» ...Я вспоминаю мое далекое-далекое, незабываемое, не сравнимое ни с чем детство на этой прекрасной земле моих отцов, которая мне дороже всего... Вспомнил моего белого ослика. Я посмотрел вдаль и с надеждой и верой, что сделаю кое-что нужное людям, спел свою давнюю песенку: «Скачи, мой ослик! Скачи, мой ослик!»

Эта строчка из песенки детства несколько раз повторяется, как рефрен, в автобиографической повести нашего незабвенного друга Кайсына Кулиева: «Скачи, мой ослик! Скачи, мой ослик!»

Она напомнила мне стихотворение, по-моему, лучшее из всех, что написано о детстве.

Оно принадлежит перу замечательного армянского поэта — Аветика Исаакяна:

Когда-то в детстве ребятами,
За селом в цветущих полях,
На деревянных конях
Уносились беспечно мы
В далекие сказочные миры
И бродили по волшебным местам.
Взрослым став, полюбил я
Корабли, поезда...
Не раз уезжал бог знает куда.
Видел разные страны далекие —
Прелестные уголки.
Прекрасные города...
Но, увы, никогда
Не мог побывать в тех
Волшебных краях,
Где мы в детстве скакали
На деревянных конях.

Каждая поэтическая натура, каждый из нас по-своему скачет в своих детских сновидениях: одни на сказочном крылатом коне, другие — на деревянной палочке...

А Кайсыну достался белый ослик — белокрылый ангел его детства.

Трудная жизнь была у нашего друга. Рано закрылся для него мир чудесных горских сказок.

Он с малых лет привык к тяжелому труду.

Будучи уже известным поэтом, он подвергался страшным испытаниям, невзгодам войны, незаслуженным несправедливостям.

Но, несмотря ни на что, он не озлобился, остался чистым и добрым, любящим жизнь, верным многострадальному родному народу.

Я верю, что будет жить, как жил,
Мой милый род, чье мужество,
бывало,
И мужество, и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил.

Произносил он это с хрипотцой в голосе, напускной бодростью, подавляя внутри себя боль и огорчение.

Судьба обошлась с Кайсыном жестоко, но он не жаловался и ни разу не омрачил горькими воспоминаниями веселые застолья, душой которых он бывал в кругу своих друзей. Он в одиночку переживал навалившиеся на его голову бедствия и учил себя терпению:

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
Терпи, как порох, спрятанный
в земле,
Как терпят боль от топора
чинары,
Как терпит камень молота удары.
Есть мужество боренья,
но не менее
Благословенно мужество
терпения,
Терпенье — вот мой друг,
Оружие героя,
Коль выбито из рук
Оружие другое.

Мы еще не были лично знакомы, не встречались ни разу, но знали друг друга по книгам.

И вдруг я получаю письмо издалека... Но послушаем самого Кайсына: «...В те годы я написал письмо Григолу. Это было редким исключением — мало кому из писателей я писал тогда. Такое... доверие было вызвано его стихами. В своем письме я еще спрашивал Абашидзе о Тициане Табидзе»...

На это письмо я тогда не мог внятно ответить, так как мы сами ничего не знали о репрессированном нашем прекрасном поэте, на имени которого лежало табу.

Потом, когда жизнь Кайсына нормализовалась, мы встретились в Москве, и скоро наше знакомство переросло в сердечную дружбу.

Помню, однажды летом Кайсын со всей своей семьей и сыном Пастернака Евгением Борисовичем на микроавтобусе приехали в Тбилиси.

Я где-то задержался и, вернувшись домой, застал у себя дорогих гостей в обществе моей жены.

Все три мальчика Кайсына, уставшие от длинной дороги, уже поужинав, легли спать, а мы, обрадовавшиеся неожиданной встрече, по-братски обнялись и сели за стол, за которым балкарский друг блистал не только остроумием, но и чтением своих еще не напечатанных стихов. А потом было множество литературных праздников и торжеств, на которых обязательно присутствовал наш верный друг, произнося запоминающиеся речи, в которых не раз объяснялся в любви Грузии.

Эту любовь с присущей ему щедростью он выражал в своих лучших стихотворениях и посвящениях, статьях и эссе о творчестве его грузинских друзей.

Ведь не зря отовсюду веками
Устремлялись поэты сюда.
И влюблялись, плененные вами,
В вашу землю они навсегда.
И недаром же ваши предтечи
Вдохновить стихотворцев могли —
Так, что строки на вашем наречье
К небесам поднимались с земли.

С такими восторженными словами обращался он к поэтам Грузии.

Кайсын был еще моложав, когда к нему пришла «поздняя», в глазах посторонних, любовь, любовь настоящая, перед которой падают все преграды и бессильны все предрассудки.

Любовь перед заходом солнца озарила жизнь и творчество Кайсына новыми мягко-нежными красками, и мы, читая вдохновенные строки беспредельно влюбленного поэта, рады были новому взлету его могучего таланта.

Тогда Кайсын еще раз побывал в Грузии, вместе со своей возлюбленной — прекрасной Елизат.

Они очень подходили друг другу, и мы радовались их счастью, не подозревая, что скоро Кайсын покинет нас, и уже навсегда...

Скоро за этим последовали хирургические вмешательства, и Кайсын вынужден был долгие месяцы лежать в больницах.

После безрезультатных операций, когда стало неотвратимо ясно, что наука бессильна помочь ему, Кайсын обратился к народным средствам. Это привело его в Тбилиси, но на этот раз он приехал инкогнито, не дав знать о своем приезде грузинским друзьям...

Позже, когда мы узнали о его тайном приезде, он оправдывался тем, что не хотел своей болезнью омрачать настроение дорогим его сердцу людям.

Он сознавал, что ему мало оставалось жить, но не просил сочувствия, не сдавался, боролся, как мог.

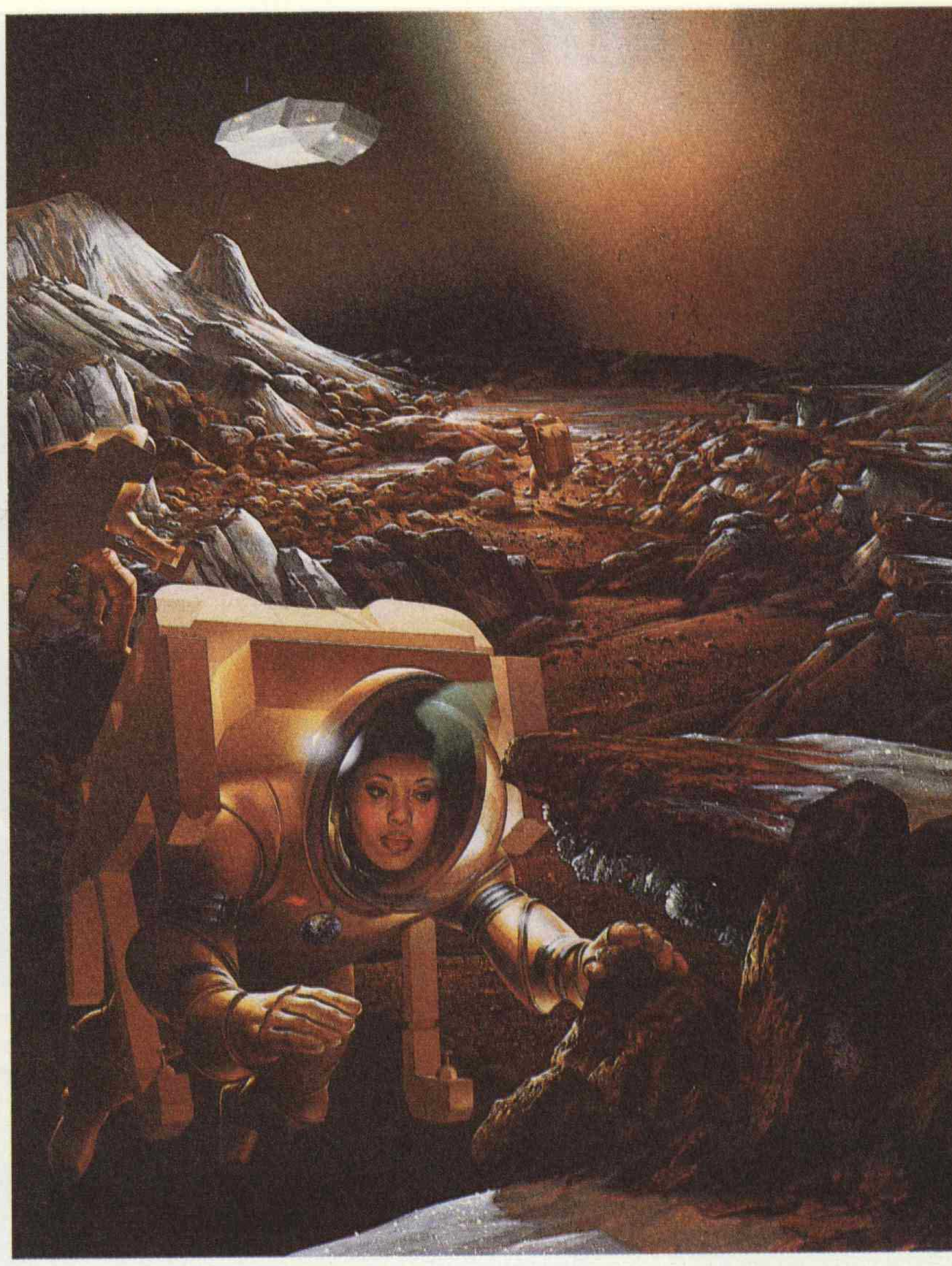
Он гордым, несломленным ушел в свое физическое небытие и встретил смерть таким же рыцарем, каким был в любви, дружбе.

Его прах покоится у подножия большого Кавказа, поблизости от покрытого вечным снегом, неоднократно воспетого им Эльбруса.

А душа его, переселившись в его стихи и в нашу память, устремилась в бессмертие на белом ослике, и нас не покидает далекий отзвук песни его детства:

Скачи, мой ослик!
Скачи, мой ослик!

РОБЕРТ МАККОЛ (США).
КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ РЕМОНТИРУЮТ СОЛНЕЧНУЮ БАТАРЕЮ.



ПАМЕЛА ЛИ (США).
ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОВЕРХНОСТИ ЯДРА КОМЕТЫ.

А. ЛЕОНОВ, А. СОКОЛОВ (СССР).
НА МИРНОЙ ОРБИТЕ.

ОЛЕГ ТУРКОВ (СССР).
ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ. SOS-87.

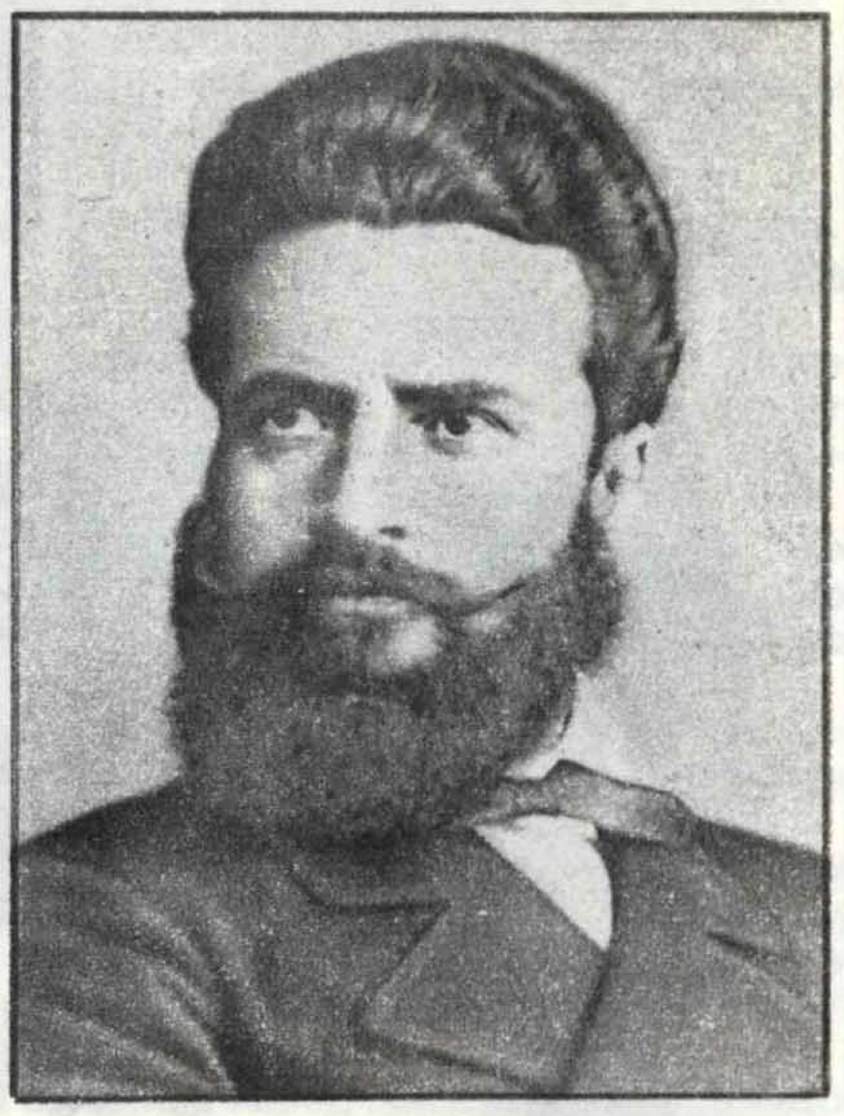
Начало на стр. 8.

можную альтернативу в наш век — космос должен стать ареной всеобщего мирового сотрудничества.

Большинство американских художников-космистов идут по пути точной иллюстрации (книги, научные гипотезы, события дня и т. д.). Наши же мастера стремятся осмыслить человеческий дух, вести композицию через образ и метафору. И в этом мы как бы дополняем друг друга. В дальнейшем предполагается расширить формы нашей работы. Будут создаваться общие творческие группы, издаваться книги по космосу... Уже сейчас нами намечен пятилетний план совместной работы. Так, например, в конце 1988 года должна состояться большая выставка под названием «Фобос», посвященная международному эксперименту по изучению спутника Марса. Для нее ведущий художник-космист США Роберт Маккол и я сделаем панно, рассказывающее об основных этапах мировой космонавтики. Эту картину мы намерены передать в дар ООН».

Выступления записал
Олег ТУРКОВ,
участник советско-американской выставки.

Недавно исполнилась 110-я годовщина освобождения Болгарии от османского ига. Долгожданную свободу народу принесла русская армия, победившая в войне с турками, а боевые действия сопровождались национально-освободительной борьбой болгарского народа. Неоценимый вклад в эту борьбу, начавшуюся еще до русско-турецкой войны, внес поэт и публицист Христо Ботев.



Георгий БОРИСОВ,
болгарский поэт

ЖИВОЙ СРЕДИ ЖИВЫХ

17 ноября 1863 года на судне из Константинополя вместе с несколькими соотечественниками, имена которых история не сохранила, в Одесский порт прибыл болгарин Христо Ботев.

Юноше не было еще и шестнадцати лет. В кармане своего новенького сюртука, приобретенного ранее в столице Османской империи, у него лежало письмо русского вице-консула в Пловдиве Найдена Герова товариществу болгарских торговцев в Одессе. Геров просил соотечественников взять на себя расходы по дальнейшему обучению блестяще окончившего школу в городе Калофер Христо Ботева.

С этого памятного дня началась необыкновенная одиссея того, кто впоследствии произнес пророческие слова: «Нет власти над головой, которая согласна скатиться с плеч ради свободы и блага всего человечества».

Крайне скудны письменные свидетельства о раннем периоде жизни гениального поэта-революционера, идеолога болгарского национально-освободительного движения. Ботев, как и тысячи болгар, в России нашел убежище во время мрачной ночи пятивекового османского ига и зверской расправы над болгарским народом. Он приехал в страну, открывшую двери нескольким поколениям болгар, жаждущих знаний. В страну, которую болгарин веками с благоговением называл «дедушка Иван» и от которой ждал, по словам народного поэта Ивана Вазова, «как от мессии», чтобы она принесла Болгарии долгожданное избавление от иноземного ига.

К концу своего трехлетнего пребывания в Одессе Ботев пишет в стихотворении «Моей матери»:

Ты ли печальные песни певала,
Ты ли три года меня проклинала,
Что я бродягой бездомным
шатаюсь,
С тем, что душе ненавистно,
встречаюсь?

Может, кому-то покажется неестественным подобный вопль у юноши — одного из немногих счастливцев, которому улыбнулось счастье учиться в России. Да к тому же — ступить на ее землю спустя всего два года после отмены крепостного права.

Глухим, слепым ли был Ботев или настолько находился под влиянием своей личной скорби и тоски по родине, что не уловил этого весеннего пробуждения в тогдашнем российском обществе? Или в высшей степени было уязвлено его национальное честолюбие как представителя народа, находящегося в крайне бесправном положении?

Ничего подобного. Из-за нехватки средств, в отличие от большинства своих земляков, вместо первой одесской гимназии он оказался во второй. Там предлагались полный пансион и бесплатная школьная форма, но царил такой прусский порядок, что обучение отходило на задний план. Из-за разнородного социального состава учащихся и сословных контрастов процветали издевательства, даже телесные наказания. Вот как свидетельствует об этом ближайший в то время товарищ Ботева — Георгий Смилов: «Дисциплина, педантизм и форма, которую как будто нарочно в целях экономии шили очень тесной, подавляли его и не давали ему возможности заниматься учебными предметами. Гимназия была для него каторгой».

Я далек от мысли, что именно вторая одесская гимназия способствовала формированию будущего революционного мировоззрения Христо Ботева. Но, бесспорно, общая атмосфера и существовавшие в то время уродливые формы социального и политического бесправия разжигали огонь в его непокорной душе.

И вот результат: спустя всего два года — не без участия своих болгарских попечителей в Одессе — Ботев был исключен из гимназии за... неуспеваемость. И, естественно, ему перестали выплачивать финансовую помощь.

Формулировка «за неуспеваемость», конечно, была самой унизительной и удобной для исключения иностранного гимназиста, позволявшего себе критиковать порядки в гимназии и ее учебную систему. Было бы неудивительным, если бы разочаровавшийся будущий «бунтарь» потерял всякий интерес к наукам. Но, как вспоминают его товарищи по школе, «он ложился спать и просыпался с шестью томами Белинского». Сам Ботев напишет позднее: «Молчание было бы наибольшим преступлением для человека, · любящего себя, свой народ, свое отечество».

Такую вот школу проходит Ботев и полученные уроки собирается увезти с собой на родину. Еще не наступил, однако, тот знаменательный день, когда на полуразвалившейся мельнице около Бухареста он встретится с Василом Левским — апостолом болгарской свободы, гениальным практиком болгарского революционного движения. Нам не поведала история, о чем говорили два титана национального Возрождения, о чем мечтали и думали они. Известно только, что после встречи с Левским, который отправился в Болгарию создавать подпольные революционные комитеты, Ботев занялся изданием газеты болгарских эмигрантов и положил конец своим скитаниям.

Пьем, поем про волю песни,
Скалим зубы на тирана.
И в корчме нам будто тесно,
И кричим мы: «На Балканы!»

так писал Ботев в своих стихах.

Ключ к разгадке его судьбы спрятан, по-видимому, в следующих словах: «Прежде всего мы должны быть людьми, а потом уже болгарами и патриотами...»

Путь Ботева к этой идее проходил и через Россию.

При жизни Ботев издает — вместе со своим товарищем Стефаном Стамболовым — тонкую книжечку «Песни и стихотворения». За двадцать восемь лет своей жизни он написал всего двадцать стихотворений. Они были рассеяны между его статьями и фельетонами, заметками и сообщениями в издаваемых им газетах. Хотя стихов и немного, но они заполняют сознание болгар вот уже целое столетие. Стихи Ботева, как песни, с которыми болгарин появляется на белый свет и умирает.

...В прошлом году я встретил поэта Игоря Шкляревского. Из разговора с ним выяснилось, что он переводит Ботева.

— Двадцать стихотворений,— простонал Шкляревский, широко известный своим переводом «Слова о полку Игореве»,— а целый год вожусь с ними. И знаешь, что я установил? Да он вообще непереводимый!

Да, одна из прелестей ботевской поэзии — ее язык. И сегодня он звучит гораздо современнее, чем стихи некоторых живых стихотворцев.

Самыми простыми словами поэт достигает почти физической предметности, которая не терпит ни праздной описательности, ни шелковой паутины эпитетов. Ботев познал тайны поэзии. Он не стремился мыслить образами, ибо знал, что самый великий образ — это действие.

Как-то Ботев написал:

Я пошел на смерть и муку
В боевом народном стане.

Именно так произошло в действительности. Вместе с отрядом в двести человек, где он был воеводой, Ботев переправился через «тихий голубой Дунай», провел свой отряд совершенно невредимым через всю Северную Болгарию и пал, сраженный пулей в сердце, поднимаясь с товарищами в горы. Первый его биограф Захарий Стоянов писал, что турки отрубили ему голову и, насадив ее на кол, три дня носили ее в назидание другим, а потом бросили в реку...

И по сей день мы не знаем, где покоится прах Христо Ботева.

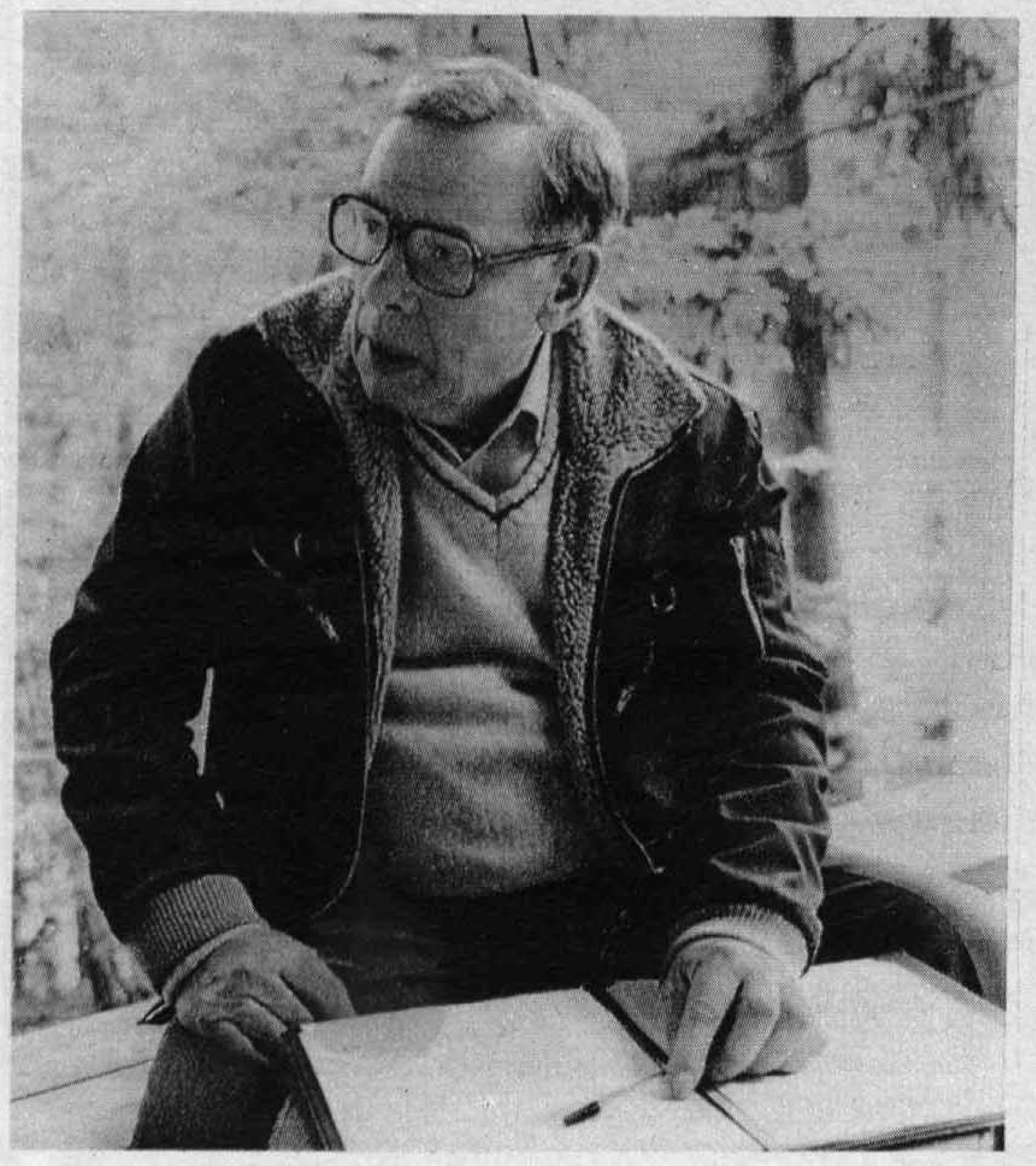
* * *

...Поистине мистический трепет пережил и я, будучи ребенком, когда в 1956 году по Софии пронесся слух, что Ботев жив, что он находился в заточении в Малой Азии, а сейчас возвратился. Мы тут же стали подсчитывать, сколько же ему должно быть лет. Выходило, что 107. Но почему бы и нет? Ведь Болгария славится своими долгожителями. Говорили, будто он жив и здоров, правда, весь поседел и ничего не помнит...

Однако мы, живущие сегодня, помним!

Кто в грозной битве пал
за свободу —
Не умирает: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают...

Перевод с болгарского
Евгения ДИМИТРОВА
Агентство София Пресс,
специально для «Огонька».



САНО

Георгий ЖЖЕНОВ

«Быть человеком!» — эта тема находит разнообразное и всегда убедительное выражение в творчестве народного артиста СССР Георгия Степановича Жженова. Человек трудной судьбы, он умеет рассказать, как даже в экстремальных условиях человечность проявлялась и побеждала, дарила надежду и тогда, когда не было, казалось, надежды. Георгий Степанович за последние три десятка лет сыграл не менее сотни ролей. На экране Жженов появился в конце пятидесятых годов как-то внезапно, уже крупным, сформировавшимся, вполне зрелым мастером. Что ж, такие судьбы не редкость, когда актер лет в сорок, о котором почти не слышала широкая публика, вдруг стремительно завоевывает зрителей, становится «открытием». Но со Жженовым дело другое: в 1938 году он был арестован по ложному обвинению, прошел лагеря, ссылку. В 1954 году был реабилитирован. Перешагнув уже на вторую половину жизни, он сумел заново создать себе имя, обрести не только популярность, но и большую любовь зрителей... А ведь все это могло прийти намного раньше. Уже в таких фильмах тридцатых годов, как «Чапаев» и «Комсомольск», в небольших ролях мы можем заметить молодого Георгия Жженова... Хочется привести слова его учителя, кинорежиссера Сергея Герасимова: «Наблюдая за этим замечательным артистом сквозь следы прожитых лет, я обязательно вижу его прежним, семнадцатилетним. Много ему пришлось пережить, но все испытания жизни словно добавили ему ту мудрую обжитость, которая делает человека личностью, сохраняя ему долгую молодость...» Сегодня мы представляем Георгия Жженова в новом качестве, публикуя отрывок из его воспоминаний, более полный текст которых планируем издать в «Библиотеке «Огонька».

Прииск агонизировал.

Все началось полгода назад, летом, когда «Верхний» еще только организовывался. «Верхним» он назывался потому, что находился в самом дальнем, верхнем конце распадка между сопками, у самых истоков ключа, по руслу которого проходил единственный транспортный путь.

Из Магадана грузы шли по центральной трассе — главной жизненной артерии Колымы до поселка Оротукан, затем по круглогодично действующей дороге на нижний участок прииска «17-й», расположенный в долине на выходе из распадка, у подножия сопок, здесь дорога кончалась.

Дальше десять километров в сопки только пешком или тракторами в сухое время года по высохшему, каменистому руслу ключа до «Верхнего».

На прииске добывали касситерит — оловянный камень. Главный рудный минерал для получения олова.

Шла война. Касситерит был необходим военной промышленности страны. Его добыче на рудниках и приисках Дальстроя придавалось огромное значение — не меньшее, чем добыче золота.

Выполнение плана было равносильно выполнению воинского приказа. Никакие объективные причины срыва в расчет не принимались. С приискового начальства спрашивалось жестко и строго. Оно обязано было отчитываться перед Магаданом ежесуточно. В свою очередь, и начальство не давало поблажек своим подчиненным на прииске...

В июле 1942-го из Магадана на «Верхний» были заброшены несколько этапов с заключенными.

Едва разместив людей в наскоро сколоченных бараках и палатках, начальство уже на следующий день по прибытии этапа выгнало всех в забои на работу.

Июль стоял на редкость сухой и теплый.

Производственное начальство прииска, используя благоприятную погоду, усиленно завозило с «17-го» различное оборудование и механизмы. Трактора с гружеными санями беспрерывно подвозили все новые и новые грузы...

Лагерное начальство, вместо того чтобы подготовить к холодам бараки, своевременно, посуху обеспечить лагерь необходимым на зиму продовольствием и теплой одеждой, занималось созданием уютных условий жизни охраны лагеря (ВОХР) да «проблемой» колючей проволоки для ограждения зоны лагеря.

Вся техника — трактора и весь остальной транспорт — щедро дымила соляркой, подвозя стройматериалы для изб охраны и сторожевых вышек («скворечен»), возводимых по всем четырем углам зоны лагеря.

Сама вахта с новыми, пахнущими живой лиственницей воротами уже была гостеприимно распахнута.

Над воротами во всю их ширь от столба к столбу сияла фанерная «радуга», задрапированная присобаченным к ней кумачовым транспарантом: «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства!»...

Однажды уставшее за день солнышко, весь месяц ласково светившее работающим людям, скрашивая их тяжелый подневольный труд, свалилось на закате в огромную лиловую тучу.

Утром после душной ночи, когда бригады, выстроенные на развод у вахты, разбирал конвой, с серого, как портянка, низкого неба упали первые редкие капли... Погода явно менялась. Начался дождь, равномерно барабаня по спинам конвоя и пузырясь в образовавшихся на дороге лужах.

Когда бригады дотянулись до забоя и начали нагружать скальной породой тачки и отгонять их в приемные бункера приборов, с серого неба уже вовсю лились «библейские» потоки... Поплыли по намокшей подошве забоя деревянные трапы... Ноги с налипшей на них глиной делались стопудовыми, скользили и разъезжались... Груженые тачки сваливались с трапов в грязь, глина липла к лопатам, не вываливалась из тачек... Нечеловеческие усилия требовались, чтобы удержать опрокинутую груженую тачку и не дать ей свалиться в бункер вместе с породой...

Вымокшие, с ног до головы измазанные в глине люди из последних сил терпели, ожидая минуты, когда конвой поведет их наконец в лагерь, где можно хоть на короткое время укрыться от дождя, обсохнуть и проглотить свой обед...

Но накормить в этот день людей не удалось: залило дождем обеденные котлы, чадили и не разгорались плиты, внутри наспех сооруженной кухни шел дождь...

Здоровьем заключенных расплачивалось начальство за собственное легкомыслие и безответственность.

Потекли и крыши бараков. Намокли постели. Дневальные круглые сутки шуровали печи. В непросыхавших за ночь шмотках — матрацах и подушках,— в одежде, развешанной на просушку вокруг раскаленных докрасна бочек из-под солидола, превращенных в печи, завелись белые помойные черви...

Как и всегда, беда не приходит одна! После непрерывного в течение шести суток летнего проливного дождя, во время которого работы в забоях не прекращались ни на минуту, вдруг ударили морозы — не заморозки, настоящие морозы с температурой минус 20—25 градусов!

Полуголодные, измученные, больные люди натягивали на себя влажное, дымящееся от пара тряпье, мгновенно становившееся колом на морозе, и брели в этом задубевшем панцире в забои отрывать тачки, кайла и прочий нехитрый инструмент забойщика, намертво вмерзший в землю.

Самое выносливое существо на свете — человек! Чего только ему не приходилось преодолевать: голод, холод, болезни, одиночество... зверь гибнет — человек живет!

Какое-то проклятие нависло и над «Верхним». Едва только люди свыклись с неожиданными морозами и у них затеплилась надежда: с «17-го» вышли два трактора с грузом продовольствия и зимних теплых вещей для лагеря,— погода преподнесла еще один сюрприз — налетела пурга! Налетела внезапно, мгновенно смешав небо с землею.

Шквальный ветер с ураганной скоростью гонял по промерзшей земле сотни тонн колючего, жалящего снега, от которого не было спасения нигде. Снежная круговерть, несколько дней хозяйничавшая вокруг, завалила двухметровыми сугробами все забои и все подходы к ним...

Оказалась забитой снегом и единственная дорога по ключу, откуда шли трактора с продовольствием и обмундированием на помощь попавшим в беду людям.

Каравану не повезло. Он был застигнут в пути ураганной пургой и безнадежно застрял в вымерзшем ключе. Что было полегче (в основном обмундирование), пурга разметала по распадку в разные стороны; все остальное, вместе с тракторами и санями с продовольствием, похоронила в наметенных завалах твердого, как камень, спрессованного снега, превратив до весны в часть колымского пейзажа...

Когда пурга стихла, была предпринята попытка сбросить продовольствие с самолета, но и она окончилась неудачей: то ли из-за ошибки летчика, то ли из-за плохой видимости груз упал в нескольких километрах от лагеря, в сопки. Лишь незначительная его часть угодила на территорию прииска.

Транспортная связь с внешним миром прервалась. Положение на «Верхнем» становилось все более отчаянным. Кончились продукты. Уже несколько дней в обеденные котлы бросали для навара пустые мешки из-под муки, чтобы хоть как-то замутить воду и создать иллюзию съедобности. Как ни экономило начальство, сколько ни растягивало остатки муки, сокращая суточную выдачу хлеба до блокадной ленинградской нормы, настал день, когда мука на скла-

ЧКИ

лость на гнев, я решил не испытывать судьбу по пустякам.

— А это правда? — сказал.— Где они?

— На «17-м», где же еще!

— Так пошлите за ними кого-нибудь, гражданин начальник!

Он рассмеялся.

— Кого я пошлю? Хочешь жить — сам сходишь.

— Мне не дойти. Вы же сами видите, в каком я состоянии.

— А у меня весь лагерь такой,— еще пуще развеселился он.— Вот так-то, артист! Десять километров всего, и ты живой. Думай! Сходить на «17-й» я тебе разрешаю.

Когда начальник ушел, мне стало страшно. Я понял, что он не шутил, посылки существовали. Но, к сожалению, они опоздали. Про меня, уже не стесняясь, говорили: "Этот — местный!»

Честно говоря, признаки близкого «финиша» я и сам чувствовал — мне было безразлично все! Моя песня на этом свете была спета.

Такое состояние испытывает замерзающий, когда физическая боль ушла, покинула тело и человеку стало вдруг неожиданно легко. Лишь бы не тревожили его, не кричали, не мучили, а оставили бы навсегда в покое.

И вот это смирение перед неизбежностью, в котором я находился и из которого, казалось, ничего уже не могло меня вывести, разлетелось вдребезги. От покоя не осталось и следа.

Сообщение о посылках, ждущих меня всего в десяти километрах, занозой вошло в заторможенное цингой сознание, бередя его, рождая непонятное беспокойство, лихорадочную необходимость сосредоточиться на чем-то, ускользающем из сознания, и действовать, действовать. Я почти перестал спать. Меня мучили видения. Огонек надежды лампадным язычком затеплился во мне и, постепенно разгораясь все ярче и ярче, ширился, растворяя десятикилометровую толщу мрака, которую мне предстояло преодолеть... Там, далеко, на выходе из этого вязкого бесконечного мрака, чудились мне луковые и чесночные заросли, меня ждали горы колбас, сыра, масла, запах хлеба, табака...

Понимая, что шансов добраться до посылок с каждым днем становится меньше и меньше, что надо торопиться, и в то же время сознавая, что сил мало, я старался всячески экономить силы. Пообещав банщику поделиться содержимым будущих посылок, уговорил освободить меня от заготовки дров и стирки белья. Правдами и неправдами добывал лишний черпак баланды, выторговывал на «толчке» драгоценный кусок хлеба, старался меньше двигаться.

И наконец решился.

В этот день ночевать в зону не пошел — остался в бане, благо разрешил начальник. Последние часы перед выходом хотелось побыть в тепле, еще раз обмозговать все, проверить.

Всего два года назад расстояние в десять километров было сущим пустяком, не стоило и разговора. В Дукчанском леспромхозе регулярно, два раза на дню, в течение всей зимы совершал эту «прогулку»: утром — в тайгу на трелевку леса, вечером — домой, в лагерь. Но тогда я был здоров. Теперь голод и цинга, настигшие меня, сделали эти километры непреодолимыми.

Плохо было с одеждой; особенно тревожила обувь. Лапти или резиновые забойные калоши — другого выбора не было. О валенках и не мечтали; не у всех «вольняшек» они были. Идти в калошах — заведомое самоубийство: не убережешь ноги, поморозишь. В лаптях легче и теплее, лишь бы портянок побольше.

Лыковые, «Берендеевы» лапти! Вам памятник на Колыме полагается! Скольким заключенным спасли вы ноги в горестные зимы военных лет!

Выйти задумал до рассвета. Банщика Липкарта решил не будить, не хотел лишний раз видеть перед дорогой его скептическую ухмылку.

Ушел из бани незаметно, тихо.

Когда мехцех — последнее приисковое строение — остался за спиной, послал прощальный взгляд лагерю и медленно побрел по лунной дорожке, напоминавшей серебряную ленту фольги, размотанную по голубому безбрежью снега, навстречу восходу солнца, в сторону заповедного «17-го»...

Вскоре начали слипаться, намерзать ресницы. Сплюнул. Слюна на лету превратилась в ледышку — первый признак, что мороз за сорок. Не заметил, как прихватило лоб, щеки.

Все годы пребывания на Колыме больше всего боялся обморозить лицо. Поэтому часто щупал его на морозе, проверял чувствительность, берег. Актер без лица — не актер! И в прямом, и в переносном смысле. Свято помнил это, верил: если суждено остаться в живых, мое лицо мне понадобится. Вот и сейчас, как только почувствовал, что деревенеют щеки, вытянул из-под воротника бушлата обрывок байкового одеяла, заменявшего шарф, обмотал им лицо, оставив щелку только для глаз. Пока растирал

де кончилась совсем. Голод все больше и больше давал о себе знать. Его уже чувствовали не только заключенные. Охрана и вольнонаемные работники также подтянули пояса и сели на непривычный для себя полуголодный паек. Правда, как только стихла пурга, они протоптали пешую тропинку на «17-й» и, благо сил хватало, носили на себе или возили на санках необходимые продукты. Во всяком случае, голодная смерть им не грозила.

Хуже пришлось заключенным. В лагере уже вовсю свирепствовали цинга и дизентерия...

Так же как кварц является спутником золота, так и эти болезни являются постоянными спутниками голода. Невероятно исхудавшие или, наоборот, распухшие от цинги, пораженные фурункулезом люди жалкими кучками лепились к стенам лагерной кухни, заглядывали в щели и лихорадочными, воспаленными глазами сумасшедших следили за приготовлением пищи...

Тут же, на этом «толчке», заключались самые невероятные сделки: черпак завтрашней баланды или завтрашний кусок хлеба выменивались на сегодняшнюю очередь за обедом или на сегодняшнее теплое место у печи в бараке... Чудом сохраненный окурок менялся на пайку хлеба или, наоборот,— пайка на окурок... Продавалась очередь за пищей только что умершего, но еще не списанного с довольствия товарища... Все «завтрашнее» не котировалось — в цене было только сегодняшнее.

В промерзших бараках на уцелевших «островках» нар валялись, тесно прижавшись друг к другу от холода, больные, голодные люди. Каждое утро на нарах оставалось несколько умерших («давших дуба») заключенных. Их скрюченные, застывшие тела в примерзших к изголовью шапках стаскивали с нар, волоком тащили за зону лагеря и где-нибудь подальше от людских глаз прикапывали до весны в снег. Кайлить, «выгрызать» могилы в вечной мерзлоте не было сил. Мертвые сраму не имут, подождут, не обидятся, им не к спеху!

Доски и жерди с освободившихся нар тут же шли в печь. Карабкаться за сухостоем на склоны сопок по уши в снегу посильно здоровому человеку, а их в лагере оставались единицы. С каждым днем все меньше и меньше способных передвигать ноги заключенных выходило утром на развод к вахте. Голодный, злой конвой вел их за перевал в сопки на поиски упавших с самолета продуктов. На выходе из поселка, проходя мимо механического цеха, где под навесом стояли железные бочки с техническим солидолом для смазки тракторов и прочей техники, наиболее слабые, потерявшие над собой волю и контроль заключенные, набрасывались на солидол и, судорожно давясь, запихивали его в рот, стараясь скорее проглотить, пока конвой или бригадир не отгонит их.

Цинга отняла у людей последнюю волю, валила с ног. Человеком овладевала апатия, безразличие ко всему, покорность судьбе... Приближающаяся смерть уже не пугала, а скорее была желанной. В эту зиму смерть стала привычным, не вызывающим никаких сострадательных эмоций явлением. Из семисот с лишним человек, населявших лагерь, перезимовала только половина.

По весне из-под подтаявшего, осевшего снега торчали конечности человеческих тел, как бы с мольбой взывая к живым о захоронении по-христиански в землю. С теплом это и делалось. Заключенные хоронили из милосердия, начальство — по обязанности, из соображений санитарии.

* * *

Снег начался к вечеру и падал всю ночь, оттепельный, набухший, тяжелыми хлопьями ложась на обезображенную землю. Нагое тело вечно мерзлой земли, истерзанное массовыми взрывами, исцарапанное в поисках золота и касситерита, окуталось за ночь саваном чистого, нехоженого снега.

К утру потянуло на мороз. Вызвездило небо.

Разбросанные по забоям темные силуэты занесенных снегом экскаваторов с вытянутыми в небо хоботами напоминали останки давно вымерших доисторических чудовищ.

Ни зверь, ни человек, казалось, никогда не ступали здесь. И только ночью, как бы подчеркивая космическую звенящую тишину ледяного безмолвия, были слышны упругое характерное «бык-пык-бык-пык-бык-пык» двухтактной «Червонки», выдававшей лагерю тусклый электрический свет, да изредка карканье огромной вещей птицы — колымского ворона, не к добру зачастившего в эти края.

Но и эти звуки смолкали, едва начинало брезжить на востоке.

«Придет или нет?» Я неотрывно всматривался в занесенную снегом пустынную в свете луны тропинку, протоптанную от бани в сторону вольного поселка. От напряжения и мороза слезились глаза. Отдаваясь тупой болью в висках, где-то под самым горлом нехорошо билось сердце...

«Неужели не придет?» Петляя по пологому склону сопки, тропинка убегала вверх, к линии горизонта, и исчезала там, растворяясь во мгле предутренних сумерек. Никого.

«Неужели обманет?» Вчера вечером, уходя из бани распаренный и довольный, он пристально оглядел меня с ног до головы и, как бы окончательно решившись на что-то, ему одному ведомое, с усмешкой бросил:

— Ладно. Рано утром зайду за тобой! Жди.

И вот я жду.

Жду, как подсудимый ждет минуты вынесения приговора.

Жду, понимая, что другого выхода у меня нет и не будет никогда. Вчера судьба неожиданно подарила мне последний шанс. Я обязан воспользоваться им, пока еще на ногах, пока цинга не отняла окончательно остаток моей воли.

Хватит ли у меня сил, стараюсь не думать сейчас. Этот вопрос еще встанет передо мной со всей своей беспощадностью позже, когда он придет... Если, конечно, он придет.

Хватит ли сил? Может, и не хватит. Скорее всего не хватит, как не хватило и в прошлый раз, когда я, наконец, собрался с духом и рискнул пойти.

Тогда, пять дней назад, я переоценил свои возможности, не рассчитал сил. Их оказалось меньше, чем я предполагал. Я посчитал, что смогу одолеть если не все двадцать километров пути туда и обратно, то уж, во всяком случае, половину — до «17-го».

«Лишь бы добраться до него,— думал я тогда.— Обратно идти будет легче...»

«17-й» являлся тем заколдованным, заповедным местом, к которому я, подобно Иванушке из русской сказки, стремился во что бы то ни стало, через все испытания и преграды,— там ждала меня жизнь! Туда пришли две посылки, посланные мне матерью из Ленинграда в 1940 году.

Жизнь искала меня в течение трех лет по разным лагерям Колымы и нашла в самый критический момент, когда я, голодный, потерявший всякую надежду, медленно умирал от цинги где-то у черта на куличках, в заледенелом распадке Оротуканских сопок.

Что это? Стечение обстоятельств? Перст божий, сотворивший чудо? Или вещее сердце Матери с его никогда не умирающей волей и надеждой?

О посылках я узнал в один из банных для «вольняшек» дней, когда начальник лагеря зашел в баню попариться с мороза.

— Все еще живой, артист?! — удивился он, увидев меня на обычном месте за горящим бойлером.— Долгожитель! Хочешь, обрадую? Посылки пришли тебе из Ленинграда.— Новость была настолько невероятна, что я никак не отреагировал.

— Чего не радуешься? — Мое молчание его озадачило. Зная, как быстро начальство меняет ми-

щеки, пока заматывался и прятал руки в варежки, онемели пальцы.

Мелькнула мысль: «Зря вышел в такой мороз — не дойду!» В памяти возникли герои книг Джека Лондона — мужественные, сильные, выносливые мужчины, неизменно выходившие победителями из любых, самых жестоких схваток с Севером, если только в их души в критический момент не заползало сомнение. В таких случаях сомнение будило воображение, воображение рождало страх — страх разъедал, парализовывал волю человека.

Надо было идти быстрее, чтобы согреться, но не слушались, не шли распухшие, ватные ноги. Несколько раз оступался, падал, поднимался, продолжал идти через силу в надежде, что вот-вот появится второе дыхание, станет легче. Одышка заставила смириться — явно не срабатывало, не справлялось перетруженное сердце. Когда в очередной раз споткнулся и упал, окончательно понял: придется отдыхать — идти дальше нет сил.

Так и остался сидеть на дороге.

Нежный, хрустальный звон стоял в ушах — утренняя поземка играла стеклянными иглами изморози, катая их по ледяному насту. Казалось, звучит светлая, как детский хор, весенняя музыка.

Когда немного восстановилось дыхание и унялось сердце, собрался с мыслями, пытаясь определить, где нахожусь и долго ли шел. Прислушался в надежде поймать знакомое бормотание поселковой «Червонки». Обычно ее хорошо было слышно за несколько километров. Сейчас, кроме звенящей тишины в ушах и собственного свистящего дыхания, ничего не услышал — «Червонка» молчала. Значит, время уже перевалило за семь часов утра.

Светало. По знакомым очертаниям ближних сопок выходило, что отошел от поселка всего-навсего километр-полтора, не больше. Через силу поднялся. Поплелся дальше. Ветер дул навстречу. Одолевал холод. Не было ни одной клеточки тела, которая не страдала бы. Малейшее движение вызывало озноб, приносило мучение. Хотелось съежиться, оцепенеть, забыться. Но всякий раз кто-то неведомый во мне наперекор моей слабости упрямо твердил: вставай, иди, двигайся, двигайся. В этом твое спасение.

По опыту предыдущих зим знал: нет злейшего врага для человека, идущего или работающего на большом морозе, чем жаркий костер и частый «перекур», только работа и движение, движение... Без конца движение, иначе конец!

Все мои заочные банные расчеты за теплым бойлером полетели к чертям, если за два с лишним часа пути мне удалось одолеть всего только километр с небольшим. Сколько же потребуется времени на весь путь? Ответ не оставлял никаких надежд. Получалось, что идти придется сутки, не меньше. Ни физических сил, ни иной энергии преодолеть это расстояние во мне не было. Что же делать? Идти или возвращаться? Похоже, что любое мое решение уже ничего не меняло. Пойду ли я вперед или возвращусь — безразлично, конец один. Еще час-другой, и я или замерзну на тропинке, или окажусь в той точке, откуда возвращение назад окажется одинаково невозможным, как и путь вперед. С каждым шагом моим вперед уменьшалась вероятность возвращения.

Да и куда возвращаться? В лагерь? Зачем? Чтобы медленно умереть там? Ведь только предчувствие близкого конца и погнало меня, больного, из лагеря в дорогу.

Мозг мой мучительно переваривал весь этот хаос лихорадочных мыслей и наконец выбросил единственный, безжалостный в создавшейся ситуации ответ: «Возвращайся».

Какое-то время я еще продолжал автоматически передвигать ноги, двигаясь, как автомобиль с выключенной скоростью, потом остановился, медленно повернулся спиной к леденящему ветру и поплелся, спотыкаясь, обратно.

Ни отчаяния, ни жалости к себе я не чувствовал. Скорее наоборот — сознание принятого решения и ветер, от которого, наконец, нашел спасение, подставив ему спину, принесли облегчение.

Отчаяние настигло поздно ночью, когда я, насквозь промерзший и обессиленный, перевалился через порог остывшей бани, ткнулся на свое обычное место между теплым бойлером и стеной и завыл, как собака, почуявшая покойника.

* * *

Прошло три дня. И вот снова начальник лагеря вызвал банщика и приказал топить баню.

Целый день несколько слабосильных зеков скребли, чистили, мыли полы и лавки в парной, грели воду и топили бойлер. Две сорокаведерные деревянные бочки, заменявшие ванны, были наполнены горячей водой. Втайне от банщика мы исполнили традиционный «ритуал» — помочились в обе бочки, выражая тем самым нашу пламенную любовь к начальству, умудрившемуся за несколько зимних месяцев отправить на тот свет половину вверенных им заключенных.

К вечеру в бане было тепло и чисто.

Начальник лагеря привел с собой оперуполномоченного прииска. Это был высокий худощавый лейтенант с внимательным взглядом темных недоброжелательных глаз. На приисках Оротукана этого человека звали «Вороном».

Чем-то он действительно напоминал зловещую птицу: блестящая шевелюра иссиня-черных прямых волос, явное пристрастие к черному цвету в одежде. Правда, кличка «Ворон» прилипла к нему не столько за внешнее сходство, сколько за ту недобрую молву, мрачным шлейфом ходившую за ними по жизни, где бы они оба ни появлялись — ворон и человек.

А появлялся он всегда, когда случалось что-нибудь чрезвычайное. Появлялся налетом, неожиданно. Его не любили и боялись.

И исчезал он так же внезапно, как и появлялся. Случалось, вместе с его исчезновением и в лагере становилось на несколько человек меньше.

Родные этих несчастных потом долго и безуспешно разыскивали пропавших. В те годы горемык было столько, что управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей не успевало отвечать на настойчивые запросы родственников. Окончательно запутавшись в местонахождении своих «подопечных», начальство управления лагерей или молчало, или отвечало стереотипной фразой «В списках живых не значится», что не всегда соответствовало истине.

Шли первые, особенно тяжелые годы войны.

Выполнение плана было главным мерилом в оценке действий начальства. Борьба за план любыми средствами! Не считаясь ни с какими человеческими жертвами — людей хватит! Не хватит — привезут! Особенно «врагов народа». Колыма этим «товаром» снабжалась последние годы регулярно и без ограничений — к этому привыкли все.

Еще только брезжили новые времена перемен, когда станет ясно, что оптовым расходом людей переусердствовано; и тогда с начальства за допущенный произвол, приводивший к массовым обморожениям, увечьям, к бессмысленной гибели людей в лагерях, будут срывать погоны и привлекать к уголовной ответственности.

Эти времена только грядут, а пока по-прежнему из бухты Находка с началом очередной навигации отваливали корабли с набитыми в трюмы зеками и, подобно косякам нерестящейся горбуши, шли курсом на север, в места обжитых «нерестилищ»: в бухты Нагаево, Пестрая Дресва на Чукотке и прочие, где и «выметывали» в лагеря десятки тысяч свежих жертв ненасытному Молоху...

Политические заключенные содержались в лагерях вместе с уголовными преступниками, а ведь политическими были в подавляющем большинстве ни в чем не повинные люди! Жертвы пресловутого «культа личности» (так «интеллигентно» преподнесено истории время чудовищной тирании и издевательств над миллионами людей).

Жизнь политических заключенных в таких совместных лагерях, ох, как нелегка!

Помимо прямого произвола лагерного начальства, ужас усугублялся еще и тем, что все сколько-нибудь ответственные командные места и должности занимали, как правило, уголовные преступники: авантюристы, растратчики, взяточники, грабители, воры, нравственные подонки и прочая нечисть. Они заслуживали чуткого, бережного к себе внимания, как по ошибке и недоразумению споткнувшиеся об Уголовный кодекс!

Но не совершавшие преступления, несчастные люди, в основной своей массе не пропущенные даже через «шемякины суды» того времени, а репрессированные заочно Особым Совещанием НКВД СССР (органом, никогда не существовавшим в Советской Конституции), назывались «врагами народа»! На их долю в лагерях приходился тяжелый физический труд и общие, подконвойные работы.

Жизнь такого лагеря была цепью непрерывных чрезвычайных событий: травмы, обморожения, увечья, отказы от работ, саморубство, сопротивления приказам, побеги и попытки к ним, бандитизм, убийства, самоубийства, воровство, грабежи.

Все это, как и многое другое, являлось сферой деятельности оперуполномоченного.

В его обязанности входило про всех все знать! Искать криминал. Находить виновных. Наказывать, искоренять, карать. В те недоброй памяти колымские годы глаголы эти были в большой моде.

Оперуполномоченный имел среди заключенных своих информаторов и «сексотов». Они снабжали его сведениями о своих же товарищах. Информация угодная, данная не по долгу совести, а из страха. Кто станет сотрудничать с оперуполномоченным по доброй воле? Только слабые или подлые люди, заклейменные презрительной кличкой «стукач».

Лагерь не место соблюдения законности и порядка. Установлением истины заниматься там некому. Страдали и правые, и виноватые. Кто меньше, кто больше, кому как повезет и как взглянется уполномоченному. Одни отделывались карцером, на других заводили уголовные дела. Нередко — по статье за контрреволюционный саботаж (статья, применяемая за проступки, повлекшие за собой потерю трудоспособности, пусть даже временную). Подсудным всегда оказывался пострадавший.

Особо суровое наказание следовало за обнаруженное в зоне лагеря печатное слово — книгу или (не дай бог!) газету. В этих случаях «виновный», особенно если он сидел по политической статье, исчезал с концами.

А с весны 1943 года на «пятачке» каждого колымского лагеря, где проходили утренние разводы и вечерние поверки, в обязательном порядке начальству вменялось в обязанность вывешивать на специальных стендах для прочтения заключенными все центральные газеты страны!

Менялось время. Менялась цена человеческой жизни. Эхо победной битвы за Москву и под Сталинградом докатилось наконец и до Колымы.

* * *

Начальство явилось навеселе. Оба оживленные и разговорчивые. Вокруг них вовсю «шестерил» Липкарт. Услужливо помогал раздеваться, расстилал под ноги простыни, суетился... Увидев меня у бойлера, начальник изобразил на лице радость:

— С возвращением, артист!.. Как жизнь молодая? — Слово «артист» ему явно нравилось. В его представлении я был чем-то вроде клоуна.

— Подвел ты меня, артист, ох, как подвел!.. Я, можно сказать, поставил на тебя, побился об заклад с лейтенантом, а ты взял и обманул меня... Нехорошо! Я говорю ему,— он показал рукой на уполномоченного,— пойми, говорю, у него нет другого выхода, он должен дойти!.. Иначе подохнет здесь — он это понимает! Это я про тебя, а он мне свое: «Один не дойдет — замерзнет!» — Плохо, говорю, ты знаешь артистов!.. Они народ особенный, двужильный!.. Так что случилось?.. Почему вернулся?

Я молчал. Уполномоченный с иронической улыбкой внимательно смотрел на меня.

«Оставили бы вы меня все в покое,— думал я.— Ну чего привязались?..»

— В чем дело, артист? — Начальник повысил голос.— Ты меня слышишь?

Я утвердительно кивнул головой.

— Отвечай, как полагается, когда тебя гражданин начальник спрашивает! — накинулся на меня Липкарт.— Почему вернулся с полдороги?

«Этот все еще не может смириться с потерей обещанной ему доли в посылках»,— подумал я...

— Почему? — не отставал начальник.— Силенок, что ли, не хватило, да?.. Испугался замерзнуть?

Не глядя на него, я молча кивнул.

— Забрали бы вы его от меня, гражданин начальник; видите, он уже «фитилит»! — услышал я голос Липкарта.

И, как я ни крепился, слезы все больше и больше застилали глаза. Я низко опустил голову, пытаясь сдержать их, но не смог и беззвучно заплакал.

— Ну все — местный! — Махнул на меня рукой начальник, давая понять, что сеанс общения закончен, отвернулся и, стянув с себя нижнее белье, с веселыми «охами и ахами» полез в бочку с горячей водой. Его примеру последовал и уполномоченный.

...Они веселились, поочередно бегали в парную, с хохотом обливали друг друга ледяной водой, «травили» анекдоты, с наслаждением пофыркивая в своих бочках, обсуждали предстоящие дела...

...Я тихо скулил в своем углу, обняв теплый бойлер, следить за которым, судя по всему, была моя последняя обязанность на этом свете.

Из обрывков их разговоров, долетавших до меня, я понял, что утром уполномоченный отбывал в Оротукан, в управление.

Я и теперь не могу объяснить свое поведение в тот момент, фантастическая мысль зародилась у меня в мозгу: «А что, если попроситься вместе с ним? Ведь путь его обязательно будет проходить через «17-й», другой дороги не существует!..» Я понимал всю безнадежность моей мысли, понимал, что своей фантастической просьбой вызову лишь презрительную усмешку, и все же, с непонятной самому себе решимостью, решимостью отчаяния, что ли, выбрал момент, когда они, надев полушубки, докуривали послебанные цигарки, подошел к уполномоченному и, глядя ему прямо в глаза, тихо сказал:

— Гражданин начальник! Возьмите меня с собой до «17-го».

* * *

Он появился, как и обещал вчера, перед самым рассветом с последними тактами «Червонки», когда над вахтой лагеря медленно угас электрический фонарь.

Легко подпрыгивая на неровностях тропинки, за ним бежали детские саночки, то обгоняя хозяина, то, наоборот, застревая в наметенном снегу... Он легко дергал за веревку, привязанную к санкам, и те опять весело устремлялись под горку... На санках

1935 год.

Кадр из кинофильма «Комсомольск».

раньше. Никакой самодеятельности — иначе уйду! Подходят мои условия? Сдюжишь?!

От нескольких затяжек махоркой у меня все поплыло перед глазами, словно уполномоченный разговаривал со мной, сидя на вертящейся карусели... Уже много месяцев в лагере не было ни крошки табака... Боясь упасть, я прислонился спиной к углу бани и, кое-как справившись с головокружением, ответил:

— Постараюсь.

— Тогда все,— подытожил он.— Тронулись!

И мы пошли. Он впереди с саночками, я за ним...

Три дня назад природа сопротивлялась моему бессмысленному походу: обрушила на землю пятидесятиградусный мороз с поземкой и леденящим ветром и заставила в конце концов вернуться.

Сегодня же сама улыбалась и подбадривала. Одарила ясным, безветренным утром, подрумянив его слегка бодрящим морозцем. Тропинку под ногами застелила мягким ковром ночной пороши — так хорошо, хоть песни пой!.. В голове, как птица, залетевшая в комнату, забилась не к месту привязавшаяся фраза: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!..»

Расстояние между лидером и мной постепенно стало увеличиваться. Несколько раз обернувшись, уполномоченный сбавил темп, пошел медленнее...

...«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!..»

лежал маленький чемодан — обычный дерматиновый чемоданчик: в городах с такими ходят в баню или носят завтрак на службу.

«Зачем ему санки? — подумал я.— Такой чемоданчик проще нести в руках...»

Был он в форме.

Поскрипывали по утреннему морозу фетровые с отворотами светлые бурки... Распахнутый, подогнанный по фигуре черный полушубок ладно сидел на нем,— видно, лагерный портной очень старался угодить. Оперуполномоченный был крут. Вызвать его неудовольствие или гнев считалось рискованным — за это можно было поплатиться добавкой к сроку, а то и жизнью.

В каких закоулках человеческой души или сознания добро научилось уживаться со злом, милосердие с жестокостью? Все слилось воедино, все перемешалось... Иначе какими доводами разума можно объяснить этот поступок уполномоченного с его же поступком полгода назад?..

...Тогда, во время вечерней поверки, из строя заключенных неожиданно вышел высокий человек и, глядя в упор на уполномоченного, заявил протест против бесчеловечного обращения с людьми, против издевательств, жестокости и произвола, творимого лагерным начальством...

Такое, конечно, не прощалось. Ночь он просидел в карцере. А утром уполномоченный, сидя верхом на лошади и исступленно размахивая нагайкой, на глазах у всего лагеря угнал непокорного в следственный изолятор «17-го»...

С советским разведчиком Сережей Чаплиным мы были сокамерниками в ленинградских «Крестах», товарищами по этапу на Колыму, напарниками на таежных делянках Дукчанского леспромхоза, где два года кряду выводили двуручной пилой один и тот же мотив: «тебе — себе — начальнику»...

Когда началась война и нас этапировали в тайгу на прииски, мы поклялись друг другу: тот из нас, кто уцелеет во всем этом бардаке и кто вернется домой, должен разыскать родственников другого и рассказать им все, что знает.

Суждено было остаться в живых мне — Сережа погиб. Я выполнил данное ему слово. Разыскал его родственников. Беседовал с его дочерью. Родители назвали ее Сталина (какая жуткая ирония судьбы!).

Ушел из жизни редкого мужества, гордый человек, достойный за свое благородство и смелость самых высоких наград и почестей! Его осудили по статье 58, за измену Родине. Позорно предали свои же органы НКВД, офицером которых он был и которым служил, как настоящий коммунист, беззаветно и рыцарски честно всю свою недолгую жизнь.

Время, мудрое время в конце концов расставило все и всех по своим местам!.. Время восстановило светлую память о нем. После смерти Сталина его реабилитировали полностью. О Сергее Чаплине написана книга. Честная книга. Увы — посмертно!

Сегодня мне предстояло повторить последний путь моего друга. Повторить в той же компании, только на этот раз человек, спускавшийся сейчас по тропинке со своими саночками, был пеший... и без нагайки.

«Только бы не передумал»,— шептал я про себя, как заклинание, глядя на подходившего ко мне уполномоченного...

Он остановился, без обычной своей иронической улыбки хмуро оглядел меня, как бы прикидывая, на что я гожусь, раздраженно пнул ногой саночки и полез в карман за махоркой... Саночки покатились было, но, ткнувшись в стену бани, встали... Щелкнула зажигалка, он закурил...

Предчувствие не обмануло меня — он колебался. «Только бы не передумал,— тупо причитал я, стараясь унять нервную дрожь и боясь взглянуть на него.— Сейчас все должно решиться, только бы не передумал».

Словно угадав мои мысли, уполномоченный прервал молчание:

— Значит, так!..— Он сделал несколько последних затяжек и протянул окурок мне.— Кури и слушай!.. Я — болван, что связался с тобой! На хрена ты мне сдался вместе со своими посылками?.. В гробу я их видел. Ты думаешь, я не понимаю, на что подписываюсь?.. Думаешь, не вижу, какой из тебя «ходок» сейчас?! Все вижу и все понимаю, но только... только менять своих решений не люблю!..— Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал: — Слушай меня внимательно: пойдешь следом за мной. Идти буду не торопясь, нормально... Но предупреждаю — не отставать! Отстанешь — пеняй на себя, уйду! Ждать не буду. Цацкаться мне некогда!.. Пойдешь один или останешься подыхать на дороге... Отдыхать сядешь тогда, когда я скомандую, не

Впервые за последние три дня вдруг чуть ли не до рвоты захотел есть. Опять стали мерещиться посылки... И чего только в них не было! В который раз, смакуя, я перебирал в руках содержимое... Все, что я любил когда-то на «воле», я укладывал в них, сортируя и отбирая продукты с расчетом на предстоящее долгое путешествие. Любимая рыба горячего копчения — севрюга — осталась дома, в посылку упаковал воблу (над ней время не властно), насладившись запахом хлеба с тмином и изюмом, решительно заменил его сухарями... Мясо не взял — только твердокопченую салями (она прочнее) и сало... Украинское сало с розовой прожилкой, тающее во рту... Как и полагается, все углы посылок забил чесноком и луком... Сахар брал только колотый, от «сахарной головы» — он слаще. Не забыл, конечно, и табак! Папиросам предпочел сигареты и махорку, объем тот же, а табаку больше... Мороженое... При чем тут мороженое?

С ходу налетев на что-то, я ткнулся лицом в снег и... опомнился.

Надо мной стоял уполномоченный и вытягивал из-под меня опрокинутые санки... Посылки исчезли.

— Ты чего? — Он подозрительно смотрел на меня.— Что с тобой?

— Ничего, простите.— Выплевывая изо рта снег, я с трудом поднялся.

— Где то место, откуда ты вернулся, дошли мы до него?

Я обернулся в сторону лагеря: сопка, которую мы обогнули, заслонила собой «Верхний» и весь прой-

денный нами путь. Впереди тропинка виляла вдоль крутого берега ключа и примерно в километре по ходу терялась в кустах полегшего в снег стланика.

— Мы прошли то место,— сказал я.

— Да? Уже хорошо. Двинулись дальше... Дотянем до тех кустов,— он показал рукой в сторону стланика,— перекур! — И, потянув за собой санки, не оглядываясь, легко зашагал вперед, на ходу крикнув:— Не отставать!

Я поплелся за ним.

«Не отставать!» Легко тебе говорить, ты здоров, как лось! А мои силы кончаются, вернее, кончились... и кончились давно. Когда ты диктовал мне свои условия, уже тогда их не было... А если быть до конца честным, их не было и вчера в бане, когда я напросился к тебе в компанию. И ты догадывался об этом, ведь так? Поэтому и колебался, но все-таки решился и взял меня с собой... Почему? Ответь, почему? Не можешь ответить, а я знаю!.. Потому что вчера в тебе проклюнулся человек! Вдруг, неожиданно для тебя самого... И ты испугался, растерялся, не знал, как поступить с этим новым для тебя чувством: задушить ли его в зародыше, пока не поздно, или позволить терзать душу и дальше, не давая ей очерстветь окончательно... Вчера в тебе взял верх человек, победило милосердие!.. Не понимаешь, о чем я?.. О милосердии. Что это такое? Потребность души прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. Почитай Достоевского — поймешь! Кто такой?.. Где сидел? Сидел в Сибири, в «Мертвом доме». Тоже политический. Писатель. Федор Михайлович Достоевский. Не знаешь такого?.. Немудрено: он умер около ста лет назад, иначе не миновать бы ему знакомства с тобой... Ну, что ты замолчал? Не молчи — говори, спрашивай! О чем хочешь спрашивай, только не молчи, иначе я упаду...

О господи, как я устал!...

Я стал считать шаги — переводил их в метры... Еще десяток, и конец, и я подниму глаза от дороги... Одолев эти метры, я давал себе новый зарок. Я боялся поднять глаза и не увидеть его. Только надежда, что он ждет меня, а не ушел, как грозился, и удерживала меня на ногах. Нельзя, чтобы человек остался один!.. Нельзя!

Шатаясь из стороны в сторону, я добрался наконец до кустарника.

Совсем рядом поперек тропинки стояли саночки. На них сидел уполномоченный и, прищурясь, внимательно наблюдал за моими зигзагами на дороге. Из последних усилий я доковылял до него и рухнул в снег.

Очнулся на санках. Уполномоченного не было. На снегу лежал его полушубок, на нем — кисет с махоркой и спички... Свежие следы вели в сторону от тропинки, в кусты... Осмотрелся — место знакомое. Еле-еле поднялся... Двинулся дальше.

Сознание ясно, а ноги не слушаются... Не хотят, не могут больше идти мои когда-то сильные, легкие ноги. Не чувствую я их, чужие они сейчас — огромные, как под наркозом, стопудовые. Кончается, видно, моя власть над ними... А сознание приказывает: иди! Заставь ноги двигаться. Не жди его. Нельзя, чтобы он видел твою беспомощность. Пусть знает: ты борешься до конца! Ты — сильный! Такие, как он, уважают силу. Заставь его уважать тебя, и он не уйдет, не посмеет уйти один... Да, он жесток!.. Но он может быть и милосердным — сегодня ты уже дважды убедился в этом... Добро и зло всегда рядом, всегда вместе. Познать человека до конца невозможно!..

Когда уполномоченный нагнал меня, я еще держался на ногах.

— Ты почему сбежал от меня?

Я тупо смотрел на него, пытаясь отдышаться. В голове звенело. Плясали разноцветные круги в глазах, не хватало воздуха... Силясь ответить, я лишь бессвязно и неразборчиво промычал что-то.

— Ладно,— он подкатил ко мне саночки, легко ткнул в плечо, и я плюхнулся на них,— сиди, отдыхай.

Распутав веревку и сняв с санок чемоданчик, извлек из него еду: горбушку хлеба, кусок сала, пару луковиц... Выложив все это богатство на крышку чемодана и разделив по-братски, одну половину подвинул мне, за другую принялся сам, примостившись рядом на санках. В один миг я проглотил, почти не разжевывая, неожиданно свалившееся на меня счастье!.. И только после того, как доел последнюю крошку, в полную меру ощутил настоящий, лютый, дремавший во мне до поры голод. Будь силы, я, кажется, отнял бы у этого человека, разделившего со мной пищу, его долю. И ничего бы меня не остановило — настолько чувство звериного голода завладело мной. Я ненавидел его сейчас!

А он, не подозревая моих мук, аппетитно похрустывал луком, неторопливо и со смаком пережевывал пищу...

Наконец, покончив с едой и закурив, он протянул кисет мне. Оторвав листок бумаги на закрутку, я пытался насыпать в него табак и не мог — дрожали руки, не слушались, не сгибались пальцы... Кончилось тем, что уполномоченный забрал кисет, сунул мне в руку свою горящую цигарку, а себе стал сворачивать новую.

Стоило только затянуться, как все повторилось: он снова оказался на «карусели»... Опять перед глазами все поплыло, завертелось...

— Что будем делать дальше?

— Не знаю... Что хотите. Не знаю. Спасибо вам за хлеб.

— Идти можешь?

— Не знаю.

— А кто знает, я, что ли?

— Кажется, не могу... не знаю. Ноги не ходят.

— Ты брось свое «не знаю»! — Он начинал сердиться.— Я предупреждал — уйду!.. Некогда мне возиться с тобой, понял?

Затоптав в снег окурок, он решительно поднялся.

— Или оставайся один, или идем, я жду!.. Давай давай, поднимайся!

Встать с санок без его помощи оказалось не так-то просто. Пришлось сначала вывалиться в снег, на четвереньки, и только потом, раскачиваясь, постепенно перемещая центр тяжести к ногам, удалось подняться.

Все это время уполномоченный с раздражением наблюдал за моим «цирковым номером»...

Что ж! Пусть — я не симулирую, не ловчу и не выпрашиваю помощь!

Уполномоченному надоело смотреть на мои упражнения, он водрузил чемоданчик на санки, привязал его и, повернувшись ко мне, сказал:

— Все. Я ушел. Некогда мне с тобой!.. На «17-м» предупрежу охрану, скажу, где ты находишься. Мой совет: хочешь жить — не стой, двигайся!

И он ушел. Я смотрел ему вслед.

Дойдя до места, где тропинка делала поворот, Ворон обернулся и крикнул:

— До «17-го» осталось меньше пяти километров. Не стой, артист, двигайся!..

«Спасибо за совет, я непременно ему последую, как только ты скроешься за поворотом. Я не уверен, что этот трюк «двигайся» сразу у меня получится. Не хотелось бы репетировать его на публике... Мои ноги сейчас все равно что протезы, а на протезах сразу не ходят, на них сначала учатся... Мне, к сожалению, времени на учебу не отпущено...»

Я сделал шаг, другой, третий... Снова резанула боль в паху. Почему-то в паху ноги болели особенно... Ничего, к боли можно привыкнуть, притерпеться — главное, не спешить, не торопиться и не упасть. Это главное — не упасть. Трудно будет подняться. Как он сказал? Осталось меньше пяти километров? Как будто я не знаю, сколько осталось! Этот «пятый километр» мне памятен. На том свете я не забуду его — здесь в меня стреляли однажды. Судьба опять привела на это роковое место — нарочно не придумаешь! Пятый километр, лето сорок второго.

Тогда на «17-й» нас выгрузили из автомашины и передали местному конвою. Цепочкой по одному конвой повел пешим строем на «Верхний». На пятом километре тропинка увела этап в заросли стланика. Ветки были сплошь усеяны молодыми шишками — в то лето случился урожай кедровых орехов. Меня так и подмывало сорвать шишку, но я боялся конвоя, да и шишки висели далековато... Наконец, уже на выходе из зарослей, заметил роскошную шишку, висевшую рядом с тропинкой, не удержался от соблазна и вышел на несколько шагов из строя, чтобы сорвать ее... Раздался выстрел. Я быстро обернулся: шагах в пятнадцати позади комендант целился в меня с локтя из пистолета. Не дожидаясь, когда он снова выстрелит, я упал... Полтора Ивана (так звали коменданта за его огромный рост) подбежал и своим сапожищем перевернул меня на спину. Я растерянно глядел на него во все глаза... «Твою мать, промазал!» — выругался он, поняв, что я живой. «Не тушуйся, комендант, в следующий раз попадешь»,— с дурацкой улыбкой посочувствовал я ему. Не одна загубленная жизнь значилась на его совести, но на этот раз произошло что-то необъяснимое: он, как загипнотизированный, долго и странно смотрел мне в глаза,— выражение лица его постепенно становилось все более и более человечным. На глазах Полтора Ивана из злодея превращался в доброго дядю Степу... Он осторожно снял ногу с моей груди и, беззлобно пробурчав: «Становись в строй»,— растерянно и как-то виновато даже отошел.

С того дня комендант возлюбил меня прямо-таки, как Парфен Рогожин князя Мышкина! Я стал его «крестником». Едва завидя, издали кричал: «Крестник! Давай сюда, покурим!» Делился последней цигаркой, не позволял ВОХРе обижать беспричинно, когда я заболел цингой, сочувствовал, утешал...

Кончил Полтора Ивана плачевно. На ноябрьские праздники загулял, да так, что не мог остановиться чуть ли не до Нового года; поскандалил со своим начальством, в пьяной драке изувечил двоих своих же вохровцев (рука у него была тяжелая) и угодил под трибунал — его под конвоем спровадили с «Верхнего»...

Размышляя о судьбе незадачливого коменданта, я одолел пятый километр и выбрался, наконец, из зарослей стланика на равнину. Дальше тропинка, почти не виляя, бежала с легким уклоном в долину, до самого «17-го».

Пройдя еще несколько десятков метров, я упал — все-таки упал, и, как видно, окончательно...

Около шести километров позади. Впереди осталось около четырех. Чуть больше, чуть меньше — уже не имеет значения — свой путь я прошел! Свое «горючее» сжег дотла — мои баки пусты, и резерв исчерпан,— дальше идти не на чем, ни сил, ни самолюбия — все израсходовано. Кто-то сказал: «Нет сил жить, и даже отчаяние мое бессильно!» Мое «отчаяние» помогло мне каким-то образом снова встать на четвереньки, изготовиться к очередному «старту»; я начал было уже раскачиваться, чтобы подняться, и в этот момент увидел подходившего ко мне уполномоченного. «Вот это да! Вернулся-таки!..»

Я не смог скрыть радость, охватившую меня, заулыбался, но встать на ноги, как ни старался, не смог — так и встретил своего спасителя на четвереньках.

С мрачным видом подойдя ко мне, он, ни слова не говоря, приподнял меня за шиворот из снега и усадил на санки. Чемоданчик переложил в ноги и крепко-накрепко прикрутил нас обоих веревкой.

Я не сопротивлялся. В моей душе сейчас победно пели ангелы, торжественно звучала суровая музыка пятой симфонии Бетховена, исполняемая сводным оркестром всех лучших симфонических оркестров мира!

И тут уполномоченного прорвало:

— Чего «лыбишься», фитиль несчастный! Нужен ты мне очень, артист... Посмотрел бы ты на себя, какой ты артист! Артисты в Москве, в Большом театре, поют, а не на Колыме вкалывают... Спасибо скажи, что на меня, дурака, напал. Надо же! Расскажи кому — не поверят!.. Впрягся, как конь в упряжку, и тащу его, гада, контрика,— драгоценность какая, самородок!.. Брось улыбаться, говорю! Доулыбаешься, что брошу к чертовой матери или пристрелю, как собаку, навязался на мою шею, интеллигент...

Весь оставшийся до «17-го» путь он материл меня последними словами, то проклиная, то угрожая. Не щадил и себя, клял за минутную слабость в бане, с которой, по его словам, все и началось...

Еще вчера он понял, что никаких физических сил пройти десять километров во мне нет, что моя просьба была чисто эмоциональным всплеском, последней надеждой человека, стоящего на грани жизни и смерти... Он предвидел вариант, что ему самому придется тащить меня живого или мертвого. Вот, значит, зачем ему понадобились саночки, вот зачем он захватил их!

Какие слова способны объяснить этот поступок? Кто может исследовать, найти объяснение причинам неожиданного переворота в бесконечной войне Добра и Зла между собой?..

Мы приближались к цели. Санки бежали под уклон легко и весело. Иногда, правда, соскользнув с тропинки, они глубоко проваливались в снег — уполномоченный тут чертыхался и награждал меня очередной порцией мата.

А я неотрывно смотрел вперед — во мне пели ангелы! С каждой минутой все торжественней и громче!..

Наконец, показался долгожданный ориентир всякого колымского людского поселения — сторожевые охранные вышки и колючая проволока...

Неподалеку от лагерной вахты уполномоченный остановил санки, распутал веревку, выматерился напоследок в мой адрес, закурил... Мы финишировали.

— Спасибо, гражданин начальник! — сказал я.

Игнорируя мою благодарность, он направился в помещение рядом с вахтой, на двери которого красовались три огромные намалеванные суриком буквы — МХЧ (материально-хозяйственная часть), уже от двери, обернувшись, приказал:

— Жди меня здесь,— и скрылся.

Как собака неотрывно смотрит на дверь, в которую ушел хозяин, приказав ей «сидеть!», так и я сейчас ничего вокруг себя не видел, смотрел на дверь МХЧ с надеждой и страхом и ждал возвращения уполномоченного.

Вскоре он вышел, держа в руках два фанерных ящика, обшитых серым полотном, изрядно заштемпелеванных, с остатками сургучных печатей по стенкам,— мои посылки!..

— Забирай свое наследство! — Он поставил посылки у моих ног.

Наконец-то! Остался позади десятикилометровый тоннель между жизнью и смертью... Я одолел его!.. Вот они, два ящика, у моих ног. Мое спасение. И никто не в силах отнять их у меня!

У каждого человека бывают поступки (главные поступки его жизни), которыми он гордится или, наоборот, презирает, стараясь скорее забыть их... Я сказал тогда уполномоченному:

— Гражданин начальник! Спасибо вам за все, но,

я вас прошу, сделайте еще одно доброе дело...

— Какое еще дело? — недовольно спросил он.

— Отдайте эти посылки охране и прикажите им выдавать их мне... хотя бы в течение трех суток... Пусть несколько дней они дают мне понемногу, порциями, понимаете?..

Уполномоченный серьезно посмотрел мне в глаза и впервые, кажется, просто и искренно сказал:

— Вот за это ты — молодец!.. Смотри-ка, сколько в тебе силы, оказывается!.. Сколько характера сохранилось... Молодец! Теперь верю: жить будешь!.. Я догадывался, что ты мужик крепкий, жаль, что контрик.

— Никакой я не контрик!

— Ладно, не агитируй! Пошли.

Он подхватил обе посылки и быстро зашагал к вахте. Когда меня позвали зайти в помещение вахты, на столе лежали обе мои посылки. В комнате находились, кроме нас, два дежурных вохровца. Распоряжался уполномоченный.

— Вскрывай! — приказал он одному из вохровцев и, показав рукой на меня, представил: — Этот фитиль с «Верхнего». Пришел за своими посылками. Не отдавать их ему три дня. Как бы ни просил — не отдавать! Выдавайте понемногу, раза три в сутки, чтобы не случилось у него с голодухи заворота кишок, понятно? Учтите, он сам об этом попросил, боится за себя. А теперь посмотрим, что у него там сохранилось? Сколько времени шли?

Охранник повертел ящики, но никакой даты не нашел.

— Ладно,— сказал уполномоченный,— режь!

Охранник вспорол обшивку, подковырнул несколько раз верхнюю крышку и вскрыл посылку. Вытащить из нее ничего не удалось, кроме чудом сохранившейся описи, прилипшей к фанерной крышке. В ней перечислялось содержимое и количество каждого продукта.

Все, что было в посылке, а именно: сахар, колбаса, сало, конфеты, лук, чеснок, печенье, сухари, шоколад, папиросы «Беломор» вместе с оберточной и газетной бумагой, в которую был завернут каждый продукт,— за время трехлетнего блуждания в поисках адресата перемешалось, как в стиральной машине, превратилось в единую твердую массу, с сладковатым запахом гнили, прогорклого жира, плесени, запахом табака и конфетной парфюмерии. Все пропиталось жиром и табаком, засахарилось...

То же было и в другом ящике, с той только разницей, что там к содержимому добавились пара шерстяных носков и варежки.

— Н-да! — удивился уполномоченный,— Это называется поел, покурил и газетку почитал!.. И все зараз, в один присест. Что будем делать? Выбрасывать? Распоряжайся, ты — хозяин!

Охранники с брезгливым любопытством наблюдали за мной. Я подошел к столу, откромсал ножом кусок и тут же при всех, почти не разжевывая, торопливо проглотил, не разбирая ни вкуса, ни запаха, словно боясь, что кто-то может помешать или отнять у меня «это»...

Состояние потревоженного голода, проснувшегося в человеке при виде пищи, сравнимо разве что с состоянием алкоголика или наркомана.

Муки голода, на которые я добровольно обрек себя, отдав на трое суток посылки, были мучительны. Я готов был наброситься на посылки и есть их, есть, есть без конца... Истощенный организм не считался ни с чем, ни с какими доводами и предостережениями разума...

И все-таки, к разочарованию сытых, жаждавших «представления» охранников, я нашел в себе силы удержаться от соблазна и, ни на кого из них не глядя, вышел за дверь вахты. Инстинкт самосохранения и на этот раз взял верх!

В памяти еще жив был трагичный случай. В разгар промывочного сезона на прииск «Пионер» пожаловал целый оркестр заключенных музыкантов, человек двадцать (поощрительная мера культурно-воспитательного отдела прииску, выполняющему план). Начальство лагеря распорядилось покормить музыкантов с дороги. В барак, где они расположились, повар принес противень селедок — по штуке на каждого. Музыканты в лагере — каста привилегированная, сытая, селедками их не удивишь, никто и есть не стал. Весь противень отправили обратно на кухню с каким-то подвернувшимся доходягой. Тому, конечно, и не снилась такая удача!.. Человек он был приморенный, голодный — характера удержаться не хватило, и он съел, вернее, проглотил все двадцать селедок в течение нескольких минут... Жутко было видеть, как изо рта этого бедняги перед смертью, когда начались спазмы, выскакивали одна за другой селедки... Невероятно, как он ухитрился глотать их целыми?!

Из дверей вахты снова появился уполномоченный, вместе со старостой лагеря.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

— Сейчас только три часа — не беспокойся, тебя покормят сегодня еще раз, вечером, терпи.— Он с иронической усмешкой оглядел меня и изрек:

— Значит, так!.. Останешься здесь на трое суток, пока не придешь в себя и не «оклемаешься». Староста укажет место в бараке и выдаст пайку. Санки заберешь себе — это мой подарок тебе за характер! Пригодятся, когда будешь возвращаться. Все! Прощай, артист! Может, когда и встретимся в жизни — чем черт не шутит!

Ворон ушел... исчез, загадав мне на всю жизнь загадку: что же такое есть человек?

Так мучительно долго еще никогда не тянулось время, как в эти последние трое суток. Ни лежать, ни спать я не мог: животный инстинкт гнал из барака к вахте, поближе к посылкам. Я окончательно потерял контроль над собой: не доверял охранникам, боялся, что они выбросят посылки или скормят своим собакам. Как волк из засады, следил я за каждым, кто заходил на вахту... Когда подходило время получать очередную порцию, я умолял отдать мне все, уверял, что я уже в порядке, клянчил, плакал, угрожал, оскорблял, кричал «Фашисты!», грозился выбить стекла в окнах, бил кулаками в дверь, в стены вахты, скулил от бессилия.

Спасибо охранникам!.. Они не поддались на мои «провокации» и в точности выполнили приказ уполномоченного. На мое счастье, у них хватило и нервов, и добродушия... Когда же им становилось особенно невтерпеж, они просто брали меня за шиворот и оттаскивали, как щенка, в снег, подальше от вахты...

И вот, наконец, наступил долгожданный день — трехсуточный «карантин» кончился!..

К недоумению вахты, за посылками я не явился. Уже закончился утренний развод в лагере, а меня все нет и нет!.. Послали старосту узнать, в чем дело, куда я мог подеваться?.. Никуда я «не подевался» — староста обнаружил меня в бараке, на своем месте — я спал!.. В этот критический, кризисный момент физической и нервной истощенности инстинкт (самый безошибочный диагностик) пришел на помощь — как тогда, в ночь ареста... Но теперь я спал глубоким, живительным сном — так спят тяжелобольные, поборовшие болезнь... Миновал кризис... Когда староста разбудил меня, впервые за эти горестные месяцы я почувствовал в себе слабый огонек надежды, впервые поверил, что буду жить!

...Когда «17-й» окончательно скрылся из глаз и перестали быть слышны скрежет транспортерной ленты, человеческие голоса и пыхтение паровых экскаваторов, когда, в безбрежии сияющего на все четыре стороны, слепящего снега, воцарилась тишина, я остановился отдохнуть, и мне захотелось есть.

Весеннее солнышко уже давало о себе знать — было тепло, и снова клонило в сон... Но теперь я уже вполне владел собой. Я сидел на санках и ел обстоятельно, не торопясь... Интересно, что содержалось в той «массе», которую я сейчас с таким наслаждением разжевывал? Я развернул опись и перечитал вслух самому себе «содержимое»... Большие неровные буквы, тщательно выведенные непослушной рукой матери, промаслились, чернильный карандаш расплылся, потек, но разобрать написанное было можно...

Опись заканчивалась словами:

«На здоровье, сынок! Береги себя».

Константин БАРЫКИН,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото).

КРУГЛОЕ — КАТАТЬ?

Крупных имен в рекламном деле сейчас вообще нет. Но есть Всесоюзное рекламное объединение, есть рекламные отделы у промышленности. Вот только сама реклама никак не выбьется в люди, никак не займет то место, которое отведено ей. Не рекламодателями — жизнью. И нынешний «мир большой рекламы» выряжен в плохонькие одежонки, стоит сиротливо в стороне от жизни, подсовывает случайное; скучен и эклектичен. «Круглое катать, плоское тянуть» — формула, которая, по-моему, выражает суть большей части рекламных текстов — так похожи и очевидны призывы и предложения. «Пейте соки!» — долго еще такое наследство будет работать на антирекламу.

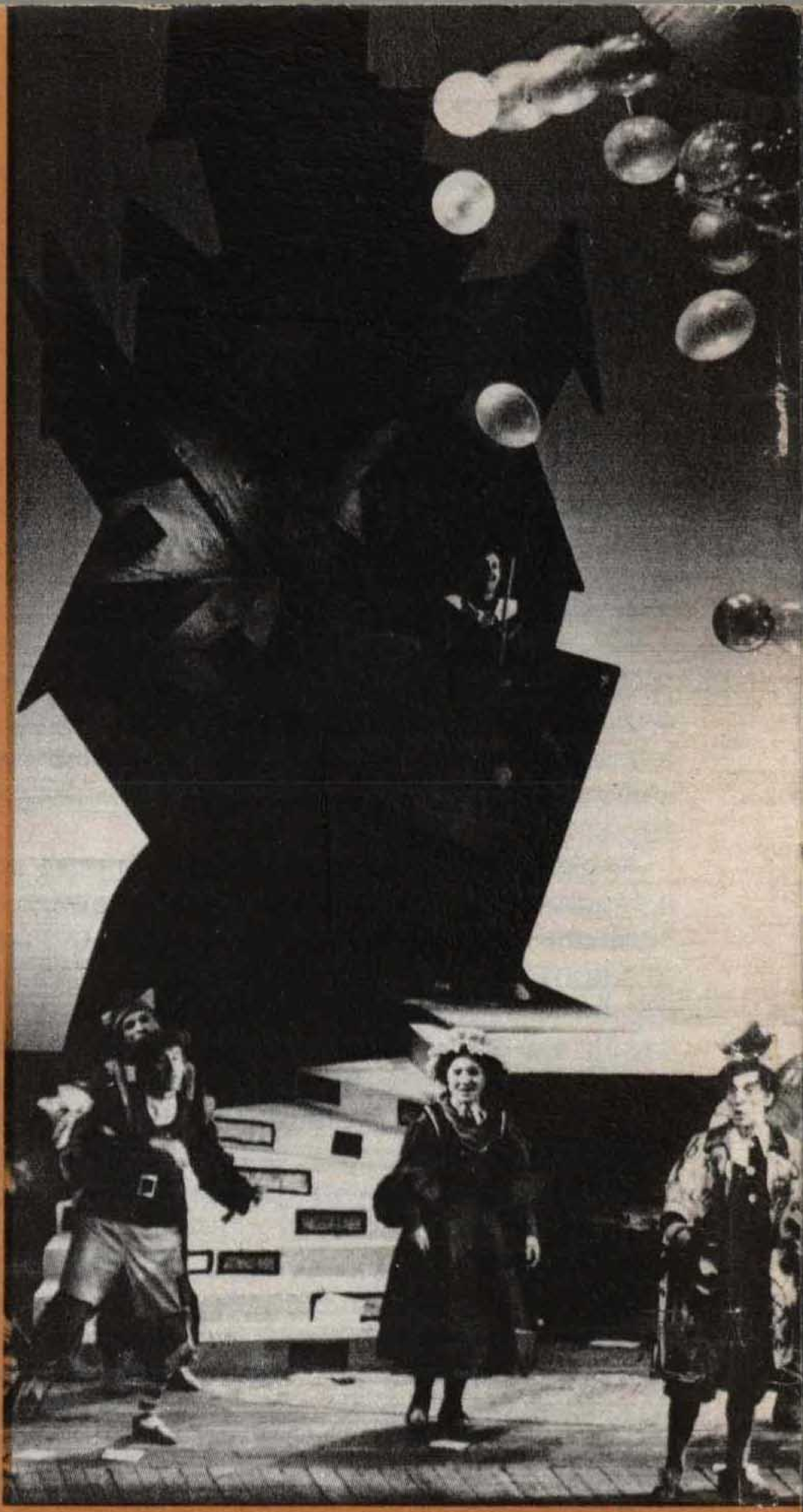
Но может быть и другое... Должно быть. Уже есть! В этом я убедился на международной выставке «Реклама-88». Яркое это было и деловое, элегантное представление. Оно чередовалось профессиональными обсуждениями и спорами; на нем налаживались контакты. Было приятно видеть беседующими крупнейших западных рекламистов и наших представителей «Внешторгрекламы», «Союзторгрекламы», Центросоюза, которые, дай им волю (сделать это придется), могут блеснуть и у нас, и за границей — есть уже тому примеры и факты. Не случаен же западный интерес не только к нашему рынку, но и к совместной работе с нашими организаторами рекламного дела. В Италии появилась фирма, главное для нее — связи с коллегами из нашей страны. Рина Ронки, один из руководителей предприятия, сказала мне, что есть серьезные планы в области рекламного бизнеса. «Интернационализация коммерческой деятельности нуждается в контактах»,— записал я ее слова. С итальянцами подписан протокол о намерениях. За этой деликатной формулой — первый шаг на пути контактов, которые могут перерасти в большое совместное дело, но могут оказаться в хвосте событий.

Реклама не имеет права «быть в хвосте». Ее назначение опережать товары, услуги, сервис. Их еще нет, а информация запущена, она ищет потенциального потребителя. Чехословацкий «Меркур», венгерские рекламные агентства и объединения показали великолепные образцы. Лейла Комулайнен — представительница знаменитого ФИНПАП — Союза финских бумажных фабрик — показала мне новые образцы бумаги; она будет служить рекламе.

Да, нам придется здорово прибавить, чтобы хоть немного подтянуться.

...Известный американский дизайнер Джордж Нильсон спросил однажды сам себя: «Почему общество ведет игру таким образом, что «античеловеческие» ценности всегда находятся на вершине внимания?» И тут дело в рекламе — не за тот «товар» взялась. Но если такой «не тот» товар и подходит кому-то, то подлинным коммерсантам, людям, стремящимся к сотрудничеству, важнее добиться другого — чтобы в фокусе оказывались вещи, дела и предложения, работающие на человека, для человека, не против него. И тут я снова подумал о выставке. Вот закрылась она. Уже не раскрывать эту «книгу» знаний и опыта? Практика предупреждает: может статься и такое. Иждивением, как говорили прежде, и профессиональным чутьем сотрудников объединения «Экспоцентр» за последние годы в разные города страны присылались различные международные и иностранные выставки — сельскохозяйственные и строительные, по медицине и буровым установкам, по хлебопекарному делу и по швейному... Это интереснейшие, актуальные показы — смотри, наматывай на ус. Перенимай, не стесняйся. Помню, много лет назад прошла выставка «Интероргтехника», затем еще и еще одна. И стало ясно: перебрали мы с управленческим аппаратом, многовато у нас «белых воротничков». Но такая побочная подсказка выставок явно пришлась кому-то не по нраву. И выпали из перечня международные показы средств и систем оргтехники, машин и изделий для кабинетного труда. Но они нужны, их все больше создается. И пошли такие выставки по другим странам мира.

Новые вопросы не могут обходиться старыми ответами, утверждают венгерские специалисты рекламы. Согласимся. И скажем, что самое непосредственное отношение эта формула имеет и к самим международным выставкам.



В ГОРОДЕ ДЕТСТВА

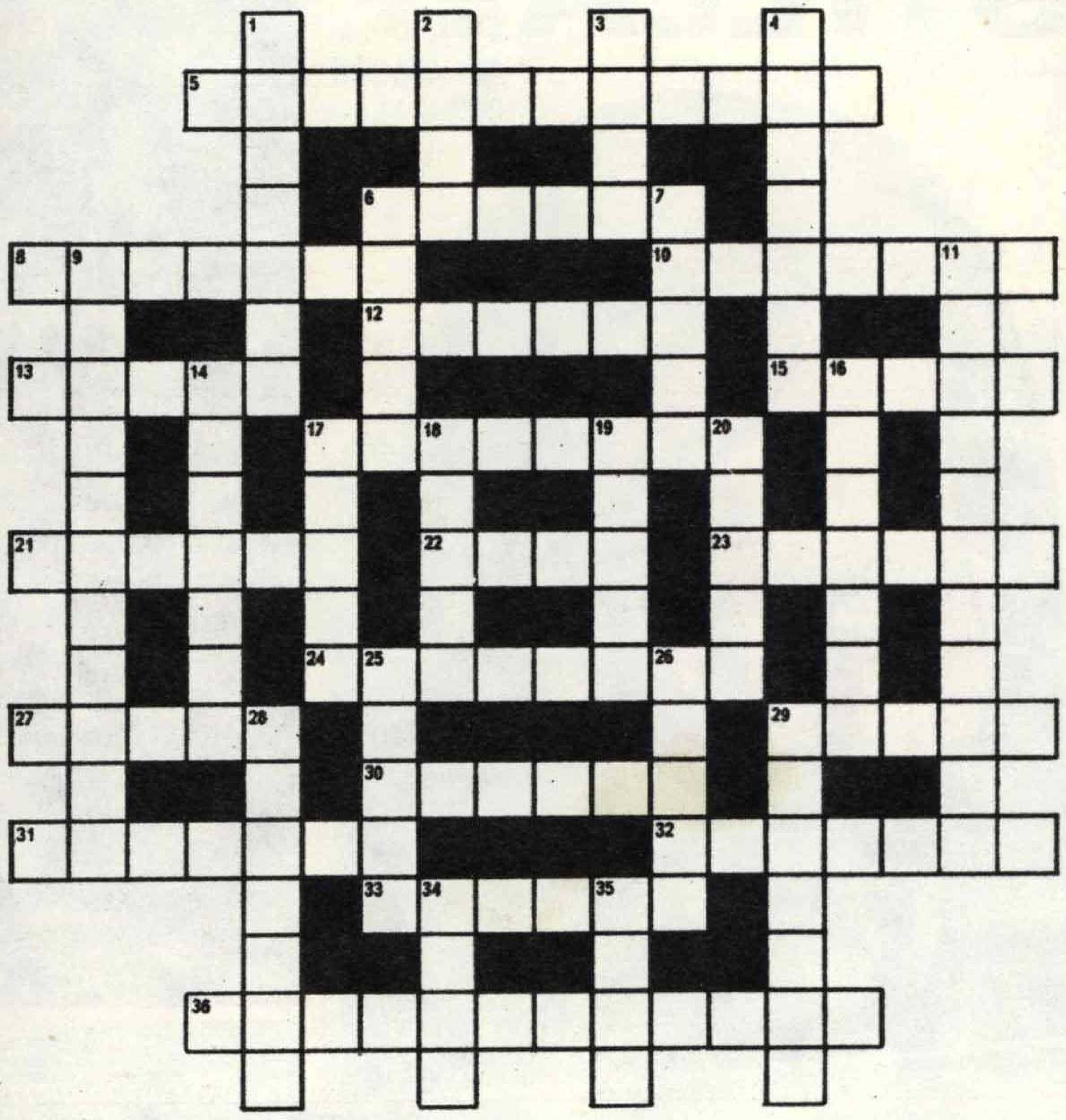
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Когда-то, около тридцати лет назад, Наталья Ильинична Сац в книге «Новеллы моей жизни» сказала: «Сейчас единственная мечта — на белом листе бумаги написать: «Первый и пока единственный в мире детский музыкальный театр», отдать все силы его организации, как бы трудна она ни была, найти его творческую сердцевину, побуждать композиторов создавать новые детские оперы, повести за собой молодых талантливых певцов-артистов, заниматься своей профессией — режиссурой». Удивительная энергия и талант этой женщины сотворили из мечты реальность. Сегодня первый в мире детский музыкальный театр носит высокое звание академического.

Это — подлинный город детства, тут все продумано, все интересно и волшебно. Как и должно быть в месте, где происходят первые встречи с искусством, с музыкой...

Семьдесят лет назад пятнадцатилетняя энтузиастка показала первый спектакль детям московских рабочих. С тех пор народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Наталья Сац стала одним из главных творцов истории детского театра.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Раздел медицины, изучающий природные лечебные факторы. 6. Овощная культура. 8. Город в Целиноградской области. 10. Персонаж трилогии К. А. Федина. 12. Река в Турции, Сирии, Ираке. 13. Болгарский писатель. 15. Сани для езды на оленях, собаках. 17. Полуостров на северо-востоке азиатской части СССР. 21. Смазочное масло для автомобилей, тракторов. 22. Серия советских космических кораблей. 23. Измерительный инструмент. 24. Озеро в Канаде. 27. Древнерусский шлем. 29. Планка для рамок и карнизов. 30. Планета. 31. Гимнастические упражнения с гигиеническими целями. 32. Остров в Чукотском море. 33. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка. 36. Необходимость выбора одного из возможных решений.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 2. Шелковая ткань. 3. Берег, удобный для купания и солнечных ванн. 4. Академик, дважды Герой Социалистического Труда, руководитель разработки систем управления ракет-носителей. 6. День недели. 7. Всесоюзный пионерский лагерь. 9. Пьеса К. Гольдони. 11. Боевой самолет. 14. Вид флейты, свистулька. 16. Животное семейства дельфиновых. 17. Стеклянный сосуд для химических работ. 18. Величина, измеряющая количество вещества. 19. Основополагающие утверждения, принципы. 20. Столица государства в Западной Африке. 25. Драгоценный камень. 26. Самая крупная река в Африке. 28. Народный и бальный танец. 29. Певица, народная артистка СССР. 34. Зодиакальное созвездие. 35. Сеть для ловли рыбы с судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Севергин. 8. Розмарин. 10. Туликов. 11. Зебра. 12. Обруч. 13. Штурвал. 15. Штанга. 17. Евклид. 19. Архангельский. 20. Климат. 23. Карась. 26. Америка. 27. Дойра. 28. Сфера. 29. Беллини. 31. Крамской. 32. «Светлана».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сегмент. 2. Печорин. 3. Агат. 4. Азов. 5. Калибек. 6. Миссури. 9. «Гидроцентраль». 13. Шаранта. 14. Лексика. 16. Амати. 18. Лайка. 21. Леонора. 22. Морфема. 24. «Рафаэль». 25. Сержант. 29. Баку. 30. Идея.

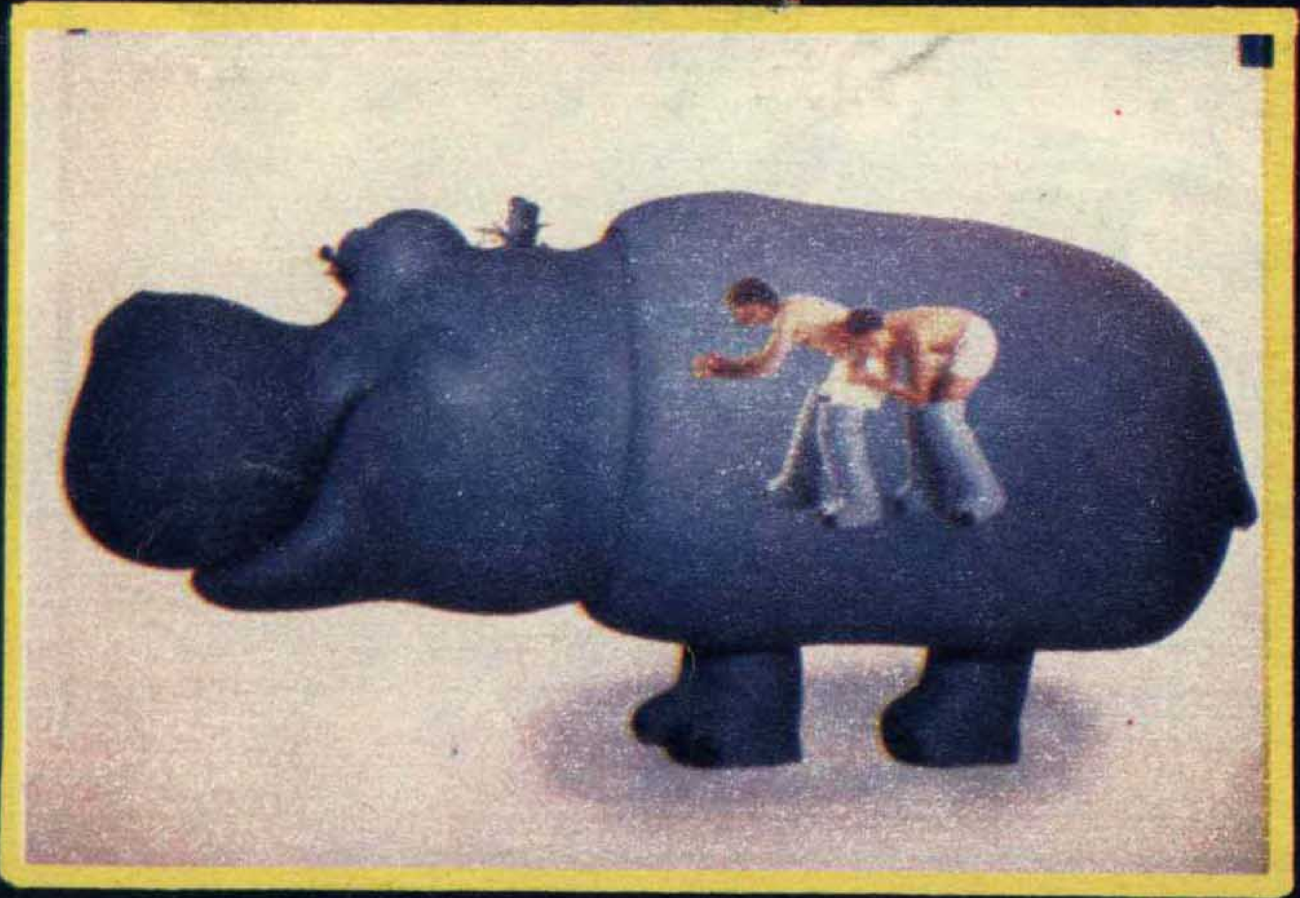
НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Юрия ПРОКОПЧУКА

КРУГЛОЕ — КАТАТЬ?

НЕБЕССПОРНЫЕ ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ РЕКЛАМЫ

В пору, когда и рекламировать-то было нечего, делом этим, однако, занимались и такие художники, как Маяковский и Родченко. Нужны обертки для конфет? Создали «фантики». Требовалось нечто во всю высоту восьмиэтажного дома? И этот пример помнится даже тем, кто его не видел,— он хрестоматиен. «Нигде кроме, как в Моссельпроме». И шли люди в Моссельпром. Заметный след оставила тогдашняя реклама... Сейчас нет таких «кустарей»-одиночек, как В. Маяковский и А. Родченко.

См. в номере репортаж «Круглое — катать?»

ОГОНЁК
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663